

Это именно та самая часть, где я попрошу вас заткнуться

ИЗРАНЕННЫЙ

VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY

ФРАНСЕТТ ФЕЛ

Оригинальное название: *Francette Phal «Stain» (Stain #1), 2015*

Франсетт Фел «Израненный» (Шрамы #1), 2017

Переводчик: *Александра Котельницкая*

Сверщик: *Иришка Дмитренко*

Редактор: *Екатерина Ш.*

Ауна Герман (1 глава)

Оформление: *Иванна Иванова*

Обложка: *Врединка Тм*

«Рождаемся ли мы с демонами? Такими разумными существами, которые являются твоим вторым началом. Или они приходят к нам с опытом, подаренным временем, которые спят и процветают где-то в пучинах наших мрачных грустных воспоминаний, пока их не накопится слишком много, чтобы игнорировать? Просветите меня, потому что мои демоны стали моими соседями. Они приземлились, словно паломники Нового Света, поселившись во мне задолго до того, как я узнала об их намерениях. Они заключили брак с моим страхом, породив фиктивных детей, которые будут чувствоваться родственниками. Они процветают в моих костях, их родословная настолько сильно пустила корни в волокна моего существования, что теперь их ничто не может искоренить».

Эйли Беннет

Глава 1

Мэддокс

Ранее...

— Мэддокс... просыпайся.

Я не сплю. Я больше не могу нормально спать.

— Макс ... — я открываю глаза и смотрю в темноту. Мой ночник перегорел на прошлой неделе, и я забыл сказать об этом маме, чтобы она дала мне другой. Нет. Я не боюсь темноты или ещё чего-то, не так как Ной, но я привык к этому. Все мы живем с демонами.

Я моргаю несколько раз, чтобы мои глаза привыкли к темноте, прежде чем принимаю сидячее положение. Конечно, не крошечная тьма, но всё же. Немного приглушенное свечение луны, пробивающееся сквозь занавески в моей комнате, помогает мне разглядеть Ноя, стоящего возле моей кровати. Он выглядит напуганным и во мне сразу же просыпается тревога.

— Он что-то сделал? — я подготавливаю себя к ответу, который не хочу услышать, но знаю, что услышу. Если монстр охотится за моим братом, то это только вопрос времени, когда он настигнет и меня тоже. Это работает именно так. И всегда срабатывает.

Он качает головой.

— Нет, я не видел его с... ужина.

Пауза показывает, что что-то произошло во время ужина. Отец часто избивает нашу мать. И сегодняшней вечер именно такой. Самое худшее затянувшееся время. Ей необходимо

обратиться в больницу или в результате наш отец вызовет врача сам. Доктор Хьюстон лечит всех нас в различных случаях. Отец платит ему достаточно денег, чтобы он держал свой язык за зубами.

— Тогда что случилось?

— Ты это слышал?

Я непонимающе смотрю на него.

— Слышал что?

БУХ!

БУХ!

БУХ!

Звучат три быстрых хлопка, и становится ясно, что они слышатся из коридора, а именно из комнаты наших родителей. Звуки похожи на фейерверк, но мы не настолько глупы, чтобы не понять, что это на самом деле такое. Отбрасывая своё одеяло в сторону, я подскакиваю с кровати. Это может быть мама. Мысль об этом разрывает мне душу, надеюсь, это всё же не она. Она достаточно натерпелась за эту ночь. Но надежда на что-то — это роскошь, которой никому так и не дано воспользоваться в этой семье. Я знаю, ужасно осознавать это, но он ей что-то сделал. Обходя Ноя, направляюсь на другую сторону своей спальни. Я встаю на колени перед своим комодом и открываю последний ящик. Полностью выдвинув его, ставлю возле себя и начинаю в нём рыться. Там есть отверстие, которое закрыто доской, но я никак не могу до него дотянуться. Кончиками пальцев я скребу её, пытаюсь открыть. У меня не спокойно на душе, поэтому уходит несколько попыток, прежде чем я всё же нащупываю отверстие для открытия. Отодвигая дощечку в сторону, тут же лезу рукой вовнутрь. Холодный металл, приветствует мою ладонь, когда я достаю и смотрю на него.

— Ты хранишь оружие? Где ты его взял? — кричит Ной. Он нависает надо мной, стоя с левой стороны позади меня, достаточно близко для того, чтобы я почувствовал тепло своей спиной.

— У друга, — отвечаю ему, мои глаза прикованы к оружию, которое я держу. Я купил его у ребёнка из школы две недели назад. Обошёлся мне в пять сотен. Эти деньги были предназначены для мамы, которая бы вытащила нас из этой проклятой дыры, но инстинкт самосохранения подтолкнул меня купить оружие. Я смогу защитить Ноя и маму. Эта была единственная мысль в моей голове, когда я его покупал — пистолет 45 калибра. Понятия не имею, что это означает, но я рад держать его в своей руке. Его вес странно успокаивает. С ним я чувствую себя намного сильнее — почти непобедимым.

— Что ты собираешься с ним делать? — он внимательно следит за каждым моим шагом, когда я выхожу из своей комнаты и шагаю по коридору. Здесь светлее, чем в моей комнате, но не намного. Единственный источник света расположен над лестницей — прямо по коридору. Зелёный изношенный ковёр заглушает звук моих босых шагов, но я и не пытаюсь быть тихим и осторожным. И, наверное, я буду сожалеть об этом позже. Больше всего он побьёт меня за то, что я встал с постели этой поздней ночью, за то, что лезу не в свои дела, но если он снова её ударил, я должен что-то предпринять. Я не буду киской, какой был сегодня вечером. Я должен был встать, когда он начал орать, должен был сделать больше, чем просто сидеть в кресле и выслушивать его ярость. Он избил маму, потому что она воспротивилась ему. На какую-то доли секунду, она выпрямила свою спину и ответила ему. И за эти несколько секунд, я так ею гордился, просто был в восторге от её смелости. В тот момент мне так хотелось оказаться на её стороне и придать ей сил, ведь я знал, она

нуждалась в них. Я бы не смог помочь ей чем-то большим. Мне всего двенадцать и мой вес не так уж велик. Но, по крайней мере, мы бы выступили в знак солидарности. Я уже проделывал такое раньше. Не могу объяснить, почему не сделал этого сегодняшним вечером. Даже когда его ярость, равная Хиросиме, взорвалась, зацепив при этом мою мать в процессе, я знал, что должен был что-то предпринять. Я исправлю это прямо сейчас. Если он сделал ей больно... Я убью его.

— Защитить нас, — сказал наконец-то я.

Я ускоряю свои шаги, практически бегу. Дёргаю дверь в их комнату, и осознаю, что она закрыта. Поворачиваю ручку и немного толкаю дверь, открывая её. Что-то зловещее таится в воздухе, и оно настолько сильно давит, что становится труднее дышать. Крепко держа пистолет в руке, осторожно вхожу в комнату. Телевизор, который они поместили на комод, стоит на беззвучном режиме. От него исходит голубоватое свечение, которое падает на стены и мебель комнаты, отбрасывая тени. Здесь нет никакого другого источника света. Я знаю, что Ной держится позади меня, но это не уменьшает страха, бегущего в моих жилах. Мои мышцы сжимаются, сердце стучит, словно бешеное, учащенно пульсируя от страха, который так хорошо мне известен. Упрямство тянет меня дальше, и я пробегаюсь глазами по комнате в поисках мамы, или ещё хуже — моего отца. Здесь нет обычного хаоса: нет перевернутой мебели, нет разбитых светильников, нет сломанных костей, нет истерик. Всё тихо. Подозрительно тихо. Я поднимаю свой пистолет, когда перевожу взгляд на матрас. Это отец. Моя рука так сильно дрожит, что мне приходится подключить вторую, чтобы удержать оружие на цели. Я подхожу к кровати королевских размеров, на которой он лежит.

— Он спит? — спрашивает Ной шёпотом, следуя за мной словно тень.

Я не знаю. Выглядит именно так. Он лежит на животе, руки раскинуты в разные стороны, лицом в матрас. Существует вероятность, что он злой или пьяный, возможно, даже оба варианта. Но когда перемещаю взгляд на подушку тёмного цвета, прямо на то место, где лежит его голова, я почти уверен в одном из этих вариантов.

Отцы должны защищать своих детей, они должны быть благосклонны и лояльны. Они должны поддерживать, любить и лелеять тебя, несмотря на ошибки, которые ты сделал. Они должны учить тебя, показывать правильную дорогу, воспитывать, когда ты делаешь что-то неправильно, и позволять учиться на их собственных примерах. Наш отец не делает ничего из этого. Он жестокий садист. От такого человека как он не получишь любви. Этот человек больше похож на демона из плоти и крови. Он охотится на нас, запугивает нас, словно мы его личный запас пищи. Его любовь проявляется в кулаках, побоях и переломах хрупких костей. Моя мама, мой брат и я — никто не застрахован от этого, никто не выше его презрения. Но, на мой взгляд, насилие намного лучше, чем извращённость, которой он заставляет нас заниматься. В подвале есть очень холодная комната, она словно склеп, там слишком яркий свет, который слепит, в ней есть кровать, камера, и время от времени мой двойняшка и я. Он лишал нас гораздо большего, чем просто одежды. Я трясую своей головой, чтобы избавиться от тревожных образов, которые всплывают в моём сознании.

Не моргая смотрю на него, на его лежащее в тёмной луже крови тело. Здесь нет сожаления или счастья, даже нет никакой ненависти. К этому человеку, который засунул свой член внутрь моей матери двенадцать лет назад и зачал меня и Ноя, я не чувствую ничего. Он ничего не значит для меня. Он никогда ничего не значил для меня. Тот факт, что он мёртв — своего рода одолжение человечеству. Хорошее гребаное одолжение.

— Макс?

Я опускаю пистолет. Прямо сейчас в нём нет необходимости.

— Он мёртв, — однако с этим утверждением не приходит чувство облегчения. Я тут же хмурюсь, когда внезапно в мою голову начинают приходить вопросы. Это убийство или самоубийство? Где мама? Она тоже... мертва?

Звук воды в тишине заставляет меня тут же подорваться и бежать ванную, которая находится в их спальне. Из-под двери виднеется небольшая полоска жёлто-оранжевого света, которая становится больше, когда я открываю дверь. Из наполненной до краёв ванны на кафельный пол выливается вода. Она здесь, лежит в ванной, вода укрывает её бледное, хрупкое тело. Она голая, поэтому мне хорошо видна радуга фиолетовых, зелёных и жёлтых ушибов на её коже. Её руки лежат по обе стороны ванны, и в одной руке она держит оружие. Пистолет, которым, вероятнее всего, она убила чёртового хищника.

— Мам, — Ной отталкивает меня в сторону и зовёт её по имени, страдание в его голосе безмолвным эхом отражается во мне.

— Не походи ближе, — предупреждает она слабым голосом. Она держит глаза закрытыми и откидывает свою голову обратно на спинку ванны. — Мэддокс?

— Да, мам? — она вздыхает, ничего не говоря в течение длительного времени, а затем всё-таки решается на разговор. — Ты старше. Я отослала бы тебя за три минуты до прихода Ноя, — она звучит очень странно. Это не похоже на слабый шёпот, но есть в нём что-то, что я не могу объяснить. Она звучит так отдалённо. Физически — телом — она здесь, но разумом — я не уверен. Я не могу винить её. Она прожила с этим ублюдком намного больше нас. Пятнадцать лет брака с монстром не принесли ничего хорошего.

Она поворачивает голову к нам и смотрит бездонными голубыми глазами на меня и Ноя. Правый глаз опух и закрыт, а вот левый открыт достаточно, чтобы сосредоточиться на нас.

— Ты самый сильный. Ты всегда был самым сильным... — её голос переходит в плач. Она плачет.

Депрессия.

Вот как можно охарактеризовать её голос. И эта депрессия даёт о себе знать. Она постоянно на коктейле лекарств, возможно, когда она была беременна нами, было также. Ксанакс, Прозак, Лексапро, Литий — список можно продолжать и дальше. Они, кстати, стоят в линию позади меня. И все они очень высокой дозировки. Я брал некоторые из них. Не для себя, а на продажу. Пять сотен долларов, которые я выручил от продаж её лекарств детям в школе, потрачено на покупку оружия. На них был высокий спрос, поэтому я и поставлял их. Риталин употребляли и мы с Ноем.

— Я хочу, чтобы ты продолжил оставаться таким же сильным, Макс. Ты должен защищать своего брата. Держи его в безопасности... как и держал всё это время от своего ... от этого монстра, — гнев и истеричные всхлипы душат её. — Я не смогла долго удерживать вас от этого. Я позволила ему сделать это с вами. Боже, да какая я после этого мать, раз допустила такое? Мои милые, милые мальчики, простите меня за всё... простите ... простите... — рыдания сотрясают её тело, когда она подносит руку с оружием к своей голове. Я хмурюсь и смотрю, как она наклоняет голову в сторону к этой штуке.

Ной опережает меня, подбегая к ней.

— Мам...

— Нет!

Её крик останавливает его на полпути.

— Мой малыш... мой нежный, маленький Ной. Не... не подходи ко мне. Я не хочу испортить тебя ещё больше, чем уже есть. Сладкий маленький ягнёнок. Прости меня, моё дитя...

— Мам, пожалуйста, — плачет Ной. Часть меня так и хочет крикнуть ему, чтобы он, блядь, повзрослел уже наконец-то. Но я этого не делаю. Я ничего не делаю.

— ... я знаю, это не так уж и много ... — фыркает она, её глаза и щёки мокрые, ползатоплен. — Я также знаю, что шрамы никуда не исчезнут, но... но он не причинит вам больше вреда. И даже я...

Время двигается медленно, а затем останавливается. Она подносит пистолет к своему рту, смыкает вокруг него губы и нажимает на курок. Выстрел звучит как гром. Он настолько громкий, что сотрясает воздух вокруг нас. Я в ужасе наблюдаю за тем, как её голова разлетается на куски. То, что было мозговым веществом, костями и кровью брызгает в разные стороны, покрывая всё. Брызги крови стекают по стене позади неё. Я чувствую, что она немного попала на мою кожу. Некий звук нарушает эту гробовую тишину. Это Ной. Он в ванной вместе с ней, его голова лежит на её голой груди. Её тело резко опускается вниз, как и её голова, в которой дыра, пуля пролетела навывлет. Ной ревет. Я должен вытащить его отсюда, должен успокоить, но я ничего не делаю. Вместо этого я оставляю его одного. Я позволяю ему погоревать, а затем он сам вернётся в комнату. Что-то в глубине моего сознания говорит мне, что я тоже должен плакать, но нет ничего, кроме внезапной мысли помочиться. Я подхожу к кровати, запрыгиваю на неё и становлюсь над его телом.

Моё оружие всё ещё в руке, я спускаю пижамные штаны до колен. Хватаю свой член левой рукой и направляю его ему на голову, говоря на выдохе:

— Ублюдох, — горячие брызги моей мочи покрывают его тело, но мне этого недостаточно. Это слишком лёгкая для него кара. Она слишком легко наказала его. Надев штаны обратно, я беру власть над своей заряженной пушкой. Я тренировался после школы, в лесу, позади заброшенного дома престарелых на Фелтоне. Там у меня было припасено несколько банок из-под содовой. Я спускаю оружие с предохранителя, сжимая пистолет настолько сильно, что вся моя рука белеет от такого напряжения. Крепко держа оружие в руках, размеренно дыша, опускаю его вниз, в непосредственной близости от его задницы, и без каких либо раздумий стреляю. И стреляю. И стреляю. И стреляю. Мощность каждого выстрела, покачивает моё тело, но я стараюсь удерживать равновесие, следя за каждым нажатием спускового крючка. Пока не слышу, как он начинает щёлкать, только после этого я останавливаюсь. Я использовал все пули. Крик... Я кричу. Слёз нет. Просто ужасный крик, который исходит из моих глубин, вырываясь сквозь моё горло. Ной забирает пистолет из моих рук и кладёт голову мне на спину, останавливая меня.

— Всё кончено... — говорит он. — Он не причинит больше вреда. Всё кончено, Макс.

Мне так легко поверить ему. Купиться на ложь, которую он говорит. Но в этом и заключается проблема Ноя. Он может уйти в мир своих фантазий, превратить свою собственную ложь в правду. Это его способ для преодоления ситуации. Что насчёт меня? Мне не так повезло в этом. Мои убеждения прочно сплетены с реальностью. Дерьмовой, чёртовой реальностью, которую я не в состоянии никак отключить.

Он сказал: «всё кончено», но это только чёртово начало. Это дерьмо всю жизнь будет преследовать нас. Зло нашего отца, самоубийство нашей матери — всё это рана, которая никогда не сможет затянуться.

Глава 2

Эйли

Сейчас...

Долго держать секреты опасно. Из-за них ты гниёшь изнутри. Каждый тёмный секрет, словно колония из маленьких белых личинок, ползающих и прячущихся в глубинах вашей сущности. Размножаются, плодятся и разъедают тебя, в то время пока ты думаешь исчезнуть, не оставив ничего позади, кроме оболочки. Вот, что я собой представляю. Оболочку девушки, которой я могла бы стать. Яркая, амбициозная, дружелюбная. Я могла бы быть счастливым хорошо-приспособленным подростком. Но секреты, которые я скрываю так долго, теперь разрушают мою жизнь вместе с душой, превращая меня в эту безжизненную девушку. Конечно, я жива. Биение моего сердца в груди каждый день напоминает мне об этом. Крошечные маленькие вздохи, которые я делаю, кровь, бегущая по моим жилам, не нарушенный поток мыслей, напоминают мне, что я живу. Это всё кажется таким мизерным на фоне того, что ты вроде бы и жив, но и не живешь. Я могу даже смело заявить, что внутри мертва.

Вода ощущается так хорошо, когда я опускаю в неё свою голову; она достаточно горячая, чтобы моя кожа покрылась тёмно-красными пятнами. Но мне если честно пофиг. Мне не больно. Это то, что я на самом деле хочу сделать, пусть и выглядит жестоко. Не столь эффективно, но всё же помогает. На данный момент... это помогает. Не знаю, как долго я стою под душем. Наверное, достаточно долго, чтобы заставить выглядеть себя как изюм, но я ещё не готова уйти отсюда. У меня занимает много времени, чтобы побыть наедине с собой, поэтому я намерена продолжать наслаждаться теми минутками, которые у меня остались. Ванная, единственное место в доме, где я могу побыть одна, одно из тех мест, где я могу побыть в одиночестве какое-то время. Но иногда нахождение в одиночестве не самая приятная вещь. Не для меня. Нахождение наедине с собой, заставляет мои мысли оживать, и когда они оживают, я начинаю делать вещи, которые не очень полезны для здоровья, например, когда температуры горячей воды мне недостаточно — я увеличиваю её. Я хочу больше того, что причинит мне боль. Слишком знакомый зуд, с которым я борюсь так долго, ползёт вверх по моему позвоночнику, извивается, словно червяк, повреждая фрукт, ища мягкое местечко плоти для себя. Он хочет мой разум, хочет пробраться в мои мысли, поэтому у него прекрасно получается воспользоваться этим секретом, причиняя мне боль.

Порез.

Порез.

Ещё раз.

Порез.

Порез.

Ещё раз.

Грязная. Девчонка.

Ты. Не. Чистая.

Ты. Никогда. Не. Будешь. Достаточно. Чистой.

Мысли играют в пинг-понг в моей голове, ударяясь о стены моего разума с резонирующей ясностью. Моя грудь сжимается, сердцебиение ускоряется, и я начинаю

задышаться, зажмуриваясь, чтобы ничего не видеть перед собой. Один из навыков преодоления трудностей, о котором я узнала в клинике, тут же вступает в игру, и я цепляюсь за него изо всех сил, вытягиваю свои руки перед собой и упираюсь в стену из белого кафеля перед собой. С опущенной головой и открытым ртом, я держу свои глаза закрытыми и начинаю обратный отсчёт от ста. Каждая цифра сопровождается горячим влажным воздухом, который достигает лёгких. Постепенно зуд отступает назад в лабиринты моего сознания, и здравомыслие занимает его место. Ну... моя версия здравомыслия. И, несмотря на то, что сейчас становится немного спокойнее, стук моего сердца продолжает биться с той же скоростью. Надоедливый звук, похожий на бум, бум, бум, бум, который настолько громкий, что слышен в ушах.

А затем я слышу: «Время вышло, Эйли!». И следующее, что я слышу, это стук, исходящий от двери ванной. Я не готова уходить отсюда, ещё нет. Я не готова отказаться от этих нескольких заветных минут уединения, но я прекрасно знаю, что произойдёт, если я этого не сделаю, поэтому поднимаю руку к серебристому крану и выключаю его. Любая проблема с моим участием, последнее, что мне нужно. Вся мокрая, я выхожу из ванной и тянусь к большому белому полотенцу, висящему на вешалке. Оно слишком большое, наверное, в два раза больше меня, но оно мягкое и хорошо впитывает влагу. Свежий, чистый запах мягкой ткани возвращает меня в реальность, пока я вытираю себя. Нет необходимости задерживаться надолго. Нет необходимости, чтобы полотенце прикасалось к тем местам, о существовании которых я хочу забыть. Когда с вытиранием покончено, я обматываю полотенце вокруг тела, и нагибаюсь, чтобы подобрать свою грязную одежду, которая валяется на полу. Выходя из комнаты, я бросаю её в бежевую плетеную корзину, которая служит для сбора грязного белья. По привычке высовываю голову и смотрю в сторону двери, убеждаясь, что серебряный замок находится в вертикальном положении. Тот факт, что она надёжно заперта, даёт мне чувство свободы, поэтому я спокойно перемещаюсь по комнате, которая является моей вот уже как девять лет. Тут ничего особо и не поменялось с тех пор, как Беннетты впервые привели меня сюда, чтобы я жила с ними.

Стены по-прежнему окрашены в светло-персиковый цвет, который выбрала для меня моя приёмная мать Рейчел. Она сказала мне, что выбрала этот цвет для меня, потому что была уверена, что это именно мой цвет. Всё совсем не так. Этот цвет никогда мне не подходил, но в тот первый день, как и в ту первую неделю, и несколько месяцев, а затем лет после этого, я соглашалась с ней. Мне не очень хотелось, а скорее я боялась, снова попасть в приют. Этот страх и сейчас живёт внутри меня. Другой же демон питается моими секретами.

Подойдя к чисто-белому туалетному столику, я тянусь и открываю третий ящик снизу, где хранятся все мои трусики. Рейчел перестала покупать мне нижнее белье, с тех пор как мне исполнилось двенадцать, но, возможно, это из-за того, что у нас отличаются вкусы в выборе нижнего белья, учитывая тот факт, что я купила за последние несколько лет. Это целый склад хлопковых кружевных трусиков нейтральных тонов. Я хватаю одни и надеваю их под полотенцем. Затем достаю бежевый бюстгальтер из ящика повыше и надеваю его, после чего позволяю полотенцу упасть. Я поворачиваюсь спиной к зеркалу, в то время как пытаюсь застегнуть лифчик, и, не оглядываясь назад, иду к белому шкафу, который стоит возле моего письменного стола. Открыв его, я смотрю на вешалки, которые аккуратно развешаны внутри. Здесь не такой уж и большой выбор. Даже в шкафу, расположенном рядом с моей кроватью, вы не найдёте такой уж разнообразный выбор одежды. Там есть

кардиганы с длинными рукавами, все нейтральных тонов, пара джинсов и длинные юбки и платья, на покупке которых настояла Рейчел. Это не то, что я бы выбрала для себя, но это то, к чему меня приучили, поэтому я и ношу их, ведь так намного проще, нежели втягивать себя в неприятности.

Я хватаю пару серых узких джинсов и чёрную кофточку из сложенной стопки одежды в нижней части шкафа. Этот простой и скромный наряд подходит для похода в церковь и самый оптимальный вариант, который одобрила бы Рейчел. Когда я достаю из шкафа белый длинный кардиган, то замираю на полпути, и мои глаза невольно опускаются на шрам в виде красновато-розового рубца, который тянется вдоль правой руки. Среди всех остальных белых порезов, он выделяется больше всего. И на моей бледной коже этот шрам выглядит в два раза хуже. Но это не так. Сорок пять швов понадобилось, чтобы зашить эту рану, но на самом деле порез не выглядел таким уж глубоким. Все просто слишком остро среагировали на истерику Рейчел. У неё есть такая привычка принимать вещи немножко на другом уровне, и это иногда раздражает. Но я её не виню, она ведь не знает всей правды. Она просто думает, что я делаю это из-за своих биологических родителей. Что я унаследовала историю психических заболеваний у людей, которые меня бросили, когда мне было шесть. Лучше пусть она и дальше так думает. Она не справится... не сможет... справиться с этим, если я разрушу её идеальную жизнь. К тому же, она мне не поверит.

Никто тебе не поверит.

Это твоя вина.

Никто тебе не поверит.

Это твоя вина.

Никто тебе не поверит.

Это те слова, которые проигрываются снова и снова в течение последних девяти лет. Это кровоточит в моём подсознании, демоны захватили его, манипулируя этим голосом; мой разум находится в плену из-за слов, которые мне не принадлежат, но мой разум убеждён в обратном.

Нахмурившись, приподнимаю брови, когда воспоминания, которые я не хочу помнить, всплывают в глубинах моего подсознания. Покачивая головой, я пытаюсь прогнать их, но мне не удаётся сделать это и образы прошлого всплывают в моей голове. Так бывает не всегда, просто иногда эти образы появляются. Некоторые из этих секретов усовершенствовались и родились в темноте этой спальни. Я помню, как опустошалось моё тело от тёплой жидкости, стекающей на коврик моей комнаты. Я помню руки, мужские пальцы, стирающие мой пот на коже, утешая. Приторный одеколон, слишком пьяное дыхание, когда он наклонился, чтобы...

— Эйли, мама велела передать тебе, что завтрак стынет! — звук голоса со звуком стука в дверь прерывают мои воспоминания. Моргаю несколько раз, чтобы прийти в себя. Я слышу стук копыт отступающих демонов, и это значит, что они заберут с собой в пропасть и мои секреты тоже. На данный момент. На какой-то короткий период. Но они всегда возвращаются.

Хватаю свой кардиган и проскальзываю в него, когда иду в сторону двери, чтобы открыть её. Человек по ту сторону двери для меня всегда желанный. Сара пересекает порог и входит в мою комнату. У неё длинные руки и ноги, и хотя ей всего одиннадцать, она превышает мой рост на 5'5 дюйма. Таким ростом она явно пошла в своего отца, густые волнистые светлые волосы, тёмно-синие глаза и овальное лицо как у Рейчел. Сара ребёнок

Рейчел и Тима, которого они так сильно хотели, но завели спустя год, после того, как взяли меня. Это их биологический ребенок. Моя сводная сестренка. Но знаете, она мне словно родная сестра, потому что, несмотря на то, что мы не связаны между собой, у нас есть много общего. Например, книги, которые она сейчас просматривает на высокой книжной полке, расположенные над моей кроватью. У меня заняло восемнадцать лет, чтобы насобирать эту мини-библиотеку, но я всегда рада поделиться ею с этим маленьким ненасытным читателем. Знание о том, что вместо детских книг, Саре нравятся Сэйлинджер, Стейнбек и Оруэлл — делает меня счастливой. Я люблю те моменты, когда после прочтения очередной книги, мы сидим рядом и делимся своими впечатлениями. Она просто блестящая маленькая девочка. Она счастливая... правильная. И пока я оцениваю её, ко мне прокрадывается не очень хорошая мысль. Пробегаясь взглядом вверх-вниз по её фигуре, укрытой платьем, которое выбрала для неё мать, мне становится интересно, не фальшивое ли это счастье, которое она излучает. Такая же маска, которая надета на мне. Хранит ли она секреты под этими веснушками на своей коже? Она такая же, как и я?

Сейчас не время думать о таком. Я часто задаюсь вопросом, что если и ей тьма принесёт дьявола в дверном проёме. Я была всего на год старше неё, когда он пришёл ко мне. Но тогда я поняла, что я не его кровь и плоть. Я всего лишь малышка, которую они взяли на попечение. Его цветущий маленький цветочек, даже сейчас, в возрасте восемнадцати лет.

— Ты прочитала Великого Гэтсби? — спрашиваю, чтобы отвлечься от мыслей в своей голове, за которыми следуют образы. Мои волосы по-прежнему влажные, и я задаюсь вопросом, стоит ли мне их высушить феном, который подключён только к единственной розетке в этой комнате. Я буду вынуждена смотреть на своё отражение, и хотя мне хочется этого избежать, знаю, что если не сделаю этого, то Рейчел сделает замечание. Мне не хочется нагнетать обстановку.

Она поворачивается ко мне с улыбкой и милой ямочкой на лице, говоря:

— Почти. Но я хочу начать ту книгу, которая понравилась тебе.

— Гордость и предубеждение, нижняя полка, — говорю я, направляясь в другой конец комнаты, чтобы взять фен с туалетного столика. — Это одна из моих любимых, — отвечаю мягко.

Кажется, это неизбежно, и мой взгляд скользит по зеркалу, заставляя меня мельком увидеть себя. Несочетающиеся глаза — один светло-голубой, второй коричнево-зелёный, смотрят на меня с унылого, овального лица, что ещё раз доказывает мою странность. Мне просто интересно, от кого из родителей я унаследовала такие глаза. Тут нечему удивляться. Я иногда думаю о них, особенно в такие моменты, когда смотрю на себя в зеркало. Бледность моей кожи передалась мне из-за смешанной креольской крови, я уверена, именно по этой причине, Рейчел и Тим взяли меня к себе. Я похожа на них. Мой бледный тон похож на их. И таким образом это делает некоторые вещи для них проще. Я бы даже сказала, удобнее. Более приемлемыми. И совсем не важно, что моя мать была родом с островов Кабо-Верде и креольского происхождения, в то время как мой отец был мулатом из Луизианы. Мы никогда не говорили об этом. Так же мы не говорили о местонахождении моих родителей, живы они или нет. Моё чёрное происхождение является тем, что они не хотят замечать.

Я не знаю, как мои родители встретились, но они явно завели ребёнка будучи слишком молодыми, и я до сих пор ничего о них не знаю. Я случайно узнала об их происхождении, когда мне было четырнадцать. Моё личное дело было спрятано в заднем ящике шкафчика

Рейчел и Тима. Я помогала ей убирать и вдруг нашла коробку. Помню, как открыла её без особых раздумий и нашла там документы с историей моего происхождения.

Отгоняя эти мысли, я снова смотрю на своё отражение. Ненавижу смотреть на себя, потому что боюсь взгляда этой девушки. Взгляда хрупкого, бесхребетного призрака девушки, которая боится своего собственного отражения. Я вижу её сейчас в этих гетерохроматических глазах. Прямо над этими глазами, обрамлёнными чёрными густыми ресницами, находятся брови цвета бронзы. Небольшой, слегка вздёрнутый вверх носик даёт иллюзию, что я считаю себя лучше, чем мир, но в действительности это не так. Мой рот образует некую гримасу, когда я думаю о том, насколько низка моя самооценка.

— Нашла. Могу я взять эти две? — Сара снова вытягивает меня из трясины моих мыслей, и я с благодарностью и тёплой улыбкой оборачиваюсь к ней. Кроме книги «Гордость и Предубеждение» она взяла книгу Джейн Остин «Разум и чувства».

— Да, конечно. Мы поговорим о них, когда ты прочтёшь.

Она весело улыбается, и когда начинает мяться на месте, я понимаю, что она хочет, чтобы я спустилась вниз вместе с ней.

— Иди вниз. Я скоро приду, мне ещё нужно досушить волосы и захватить свою библию.

Она кивает.

— Не задерживайся тут долго, ты же знаешь, как папа не любит ждать.

Да, знаю. У него отличная память на некоторые вещи, и он не может держать свою нервозность под контролем. Пунктуальность, он требует её от всех членов семьи, и в прошлом невыполнение этого правила имело отрицательные последствия. Сейчас синяки от ошибок зажили, но они оставили уродливые шрамы под поверхностью моей кожи.

Рубцы, которые никто никогда не увидит.

Когда она уходит, не закрыв за собой дверь, то мне не хочется задержаться в этой комнате подольше. Включая фен на низкой скорости, я беру в руки чёрную с деревянной оправой расчёску и начинаю сушить волосы. Это занимает ровно двенадцать минут, и затем я откладываю всё в сторону, уверенная в том, что высушила волосы досуха. Я не слишком часто распускаю их, и сегодня ничего не поменяется. Поэтому я разделяю волосы на две части и начинаю плести французские косички. Завязываю их резинками из коробочки, которая ближе всех стоит к зеркалу, и они словно две золотые веревочки, свисают вниз по моей спине. Отойдя от туалетного столика, я выгляжу, как в прочем и всегда — простой, скромной и незаметной. Поворачиваю голову к книжной полке, чтобы отыскать свою библию, тетрадь и записную книжечку. Моя бежевая сумочка лежит на краешке стола, где я её и оставила вчера ночью. Схватив её, сую туда библию, тетрадь и записную книжку вместе со своим тёмно-серым альбомом, так на всякий случай. Если мне удастся улизнуть со службы, то я смогу немного порисовать.

Глава 3

Эйли

Я иду по коридору небольшого дома, в котором они жили ещё до того, как я переехала к ним, чтобы спуститься вниз. На стенах, которые оклеены обоями с цветочным узором, со вкусом висят мои фотографии, которые были сделаны на протяжении многих лет, ещё до того, как родилась Сара. Некоторые были сделаны в Рождество и день Рождения, когда

любящая семья собралась вместе — Рейчел со своей вездесущей идеальной улыбкой домохозяйки и Тим, большой, угрюмым полицейский-детектив рядом с ней, моё же место всегда было между ними. Я не улыбаюсь, но и не такая же угрюмая, как Тим, я просто стою. Ничем особым не выделяясь. Я предпочитаю смотреть на противоположную стену, на ту, которая ближе к правде. Сара и её родители — хотя это и не совсем правда — создают некое подобие любящей подлинной семьи.

Лестница скрипит, когда я спускаюсь вниз и направляюсь в сторону кухни. Декор дома напоминает мне романтическое утро, в которое мне приносят завтрак прямо в мягкую постель. Всё те же обои бледно-жёлтого цвета в цветочек, которые были в коридоре, являются постоянной тематикой по всему дому. Это слишком ясно говорит о плохом вкусе Рейчел. В гостиной стоят два дивана с обивкой насыщенного розового цвета. В центре гостиной расположен камин из красного камня, под который в комнате сделала вся мебель. В левом углу комнаты стоит красивый массивный буфет. На каминной полке также стоят фотографии, но, к счастью, на них я мелькаю меньше.

Когда я достигаю кухни, то вижу их всех в полном сборе. Рейчел стоит возле плиты, где я уверена, она торчит с семи утра. Мой взгляд перемещается на микроволновую печь, а именно на время, которое отображается на ней, и я вижу, что уже половина десятого. Два с половиной часа она готовит завтрак, словно здесь не три человека, а целая армия, которую нужно накормить. Взглянув на неё, вы бы не сказала, что она фанатка горячей пищи. Она всегда очень щепетильна со своей внешностью, а сегодня вдвойне, потому что сегодня воскресенье, а это означает поход в церковь, и словно ей предстоит пройти по персональной красной дорожке. Она обращает особое внимание на свою одежду. Её светлые с отблеском рыжего волосы хорошо вымыты и связаны в тугий пучок. Веснушки, виднеющиеся на её бледном лице, замаскированы толстым слоем макияжа. Лавандовое платье прекрасно сидит на её миниатюрном тельце, но оно не достаточно обтягивающее, поэтому не выглядит пошло. Позолоченный пояс, подчёркивающий её талию, отлично сочетается с туфельками на ногах такого же цвета. На ней надета цепочка, которая также подходит к платью, и часы, которые ей подарил Тим на её день рождения несколько лет назад. Всё выглядит идеально в этом месте. Очаровательно. И никто не догадается, что под белым кардиганом, надетым поверх платья, она прячет ужасные синяки, которые ей оставил Тим в очередном пьяном состоянии. Эти недостатки она хорошо умеет скрывать от внешнего мира. В этом мы с ней очень похожи друг на друга.

— А вот и ты, — приветствует она меня с упрёком, когда наконец-то замечает моё присутствие. — Ещё бы минутой дольше и я бы послала отца проверить тебя.

Я проделала хорошую работу быстро спустившись вниз и не вызвав каких-либо глупых мыслей у остальных, поэтому хватаю стакан апельсинового сока, который она предлагает. Сара полностью с головой ушла в книгу, и едва замечает, когда я скольжу на стул возле неё.

— Я поздно уснула, — говорю я спокойно, делая глоток сока.

Встревожено, Рейчел поворачивается ко мне.

— Снова кошмары? Нам следует позвонить доктору Петерс?

— Нет, — отвечаю я немного быстрее, чем следовало, но мне следует рассеять её беспокойство до того, как это превратится во что-то другое. — Просто допоздна учила домашку.

Мне потребовалось почти два года, чтобы вновь получить некую свободу действий, которую я потеряла, когда оказалась в больнице, порезав себя. Меня вынудили пройти

закрытую терапию с доктором Петерс, чтобы осознать все последствия таких действий. Поначалу всё было хорошо. Я говорила, а он делал то, за что ему платили — внимательно слушал и пытался участвовать в разговоре, невнятно лепеча, когда это было необходимо. У меня ушло два месяца, чтобы понять, что доктору Петерс плевать на мои проблемы, он скорее хотел реализовать себя с помощью моей жизни, донося всё Тиму с наших личных разговоров. Я была такой душой, что успокаивала себя ложным чувством безопасности, и настолько глупа, что поверила в то, что могу всем доверять. Я доверяла доктору Петерс все свои секреты, рассказывала ему о Тиме и его склонности к насилию по отношению к Рейчел, когда тот слишком много выпивал. Я узнала о предательстве доктора Петерс, когда ощутила обжигающий ожог от руки Тима по моему лицу наряду с угрозой, чтобы я держала свой «долбаный рот на замке». После этого я едва могла разговаривать с ним на моих сеансах, а когда делала это, там больше не было чего-то важного. Мне пришлось немного соврать и просимулировать, что терапия проходит нормально, чтобы убедить Рейчел в том, что со мной всё хорошо, и проявить желание присоединиться к амбулаторной группе, потому что так будет намного полезней для моего лечения. Но проблема возникла в убеждении Тима. Рейчел обратилась с этой темой к нему, как в прочем она всегда делала со всеми решениями в своей жизни, и я была полностью уверена в том, что он скажет «нет». Поэтому для меня стало полной неожиданностью, когда он сдался и позволил мне выйти из под надзора доктора Петерс. Почти год прошел с тех пор, а я до сих пор не понимаю, почему он это сделал. Я ни на секунду не могу поверить, что он сделал это по доброте сердечней. Тим бессердечный. И такие добрые поступки всегда вызывают подозрения, особенно если они исходят с его стороны.

— Ну, тогда всё хорошо, — говорит она, ставя передо мной тарелку с яичницей, беконом и жареным картофелем. — Но ты же помнишь, как выбраться из этого, Эйли. Ты можешь скрывать это за кучей домашних заданий, но не позволяй этому управлять твоей жизнью. Твой отец и я хотим, чтобы ты хорошо училась в школе, но не во вред своему здоровью, милая. Разве я не права, Тим?

За первой тарелкой следует вторая, на которой лежат четыре блина, но сейчас не еда занимает мои мысли, потому что моё тело рефлекторно застывает, страх ползёт по моей спине оттого, что его внимание теперь обращено на меня.

Приподнятая раскрытая газета, помятая в уголке из-за переворачивания страниц, открывает невыразительное лицо Тима.

— Отстань от неё, — начинает он, переводя на меня пылкий взгляд своих чёрных глаз. — Она делает именно то, что от неё ждут, — смысл этих слов, словно слой напряжённости скрытый под пучинами океана.

Я держу свои глаза опущенными, рассматривая недавно поставленную Рейчел тарелку. Лучше уж такие слова, чем его кошмарный взгляд.

Рейчел вздыхает.

— Да, она всегда делает то, о чём мы её просим. Я просто волнуюсь, вот и всё. Я, конечно, понимаю, что ты старшеклассница и тебе нужно учиться, но я не хочу, чтобы ты загоняла себя, и у тебя появились морщины, — боже, избавь меня от этого. — Ну, как бы там ни было, ешь, мы выезжаем через двадцать минут. Да, Сара?

Я ем то, что лежит передо мной на тарелке, хотя не любитель завтракать по утрам, но зная о том, что приём пищи тут под строгим контролем, я бросаю себе в рот ещё несколько кусочков, которые мне положила Рейчел. Остальная часть завтрака, как ни странно,

проходит обычно. Пятнадцать минут спустя мы загружаемся в Acura MDX цвета серого песчаника и выезжаем из двухместного гаража. Тим садится за руль, в то время как Рейчел устраивается на пассажирское сиденье рядом с ним, а мы с Сарой садимся на заднее. Она по-прежнему поглощена своей книгой, чтобы поговорить о чём-нибудь со мной. Но я не против, потому что не в настроении болтать. К церкви мы едем в тишине, если не считать современную христианскую музыку, доносящуюся из колонок автомобиля. Мы живём на границе второго по величине города в штате Массачусетс, но здесь в песчаном Трентоне нет никакого причудливого шарма Новой Англии. Он больше известен своим уровнем преступности, чем какой-то исторической достопримечательностью. Наш дом находится в миле от места, где частенько случаются преступления. Но потом я узнала, что самые ужасные преступления могут совершаться в самых выдающихся городах и в самых красивых домах. Главное то, насколько хорошо те, кто совершают эти преступления, скрывают их и кокой властью и влиянием они обладают. Тим работает в отделении Трентонской полиции, и его положение сержанта даёт ему много полномочий. Не слишком много людей оспаривают его действия. Мы приезжаем в церковь за десять минут до начала, и Тим пропускает нас вперёд, чтобы занять места, а затем начинает разговор с прихожанами церкви, пока Рейчел как послушная жена стоит рядом с ним.

— Это Эмили и Салли, — говорит Сара, наклоняясь ко мне и вытягивая голову над блуждающей толпой, чтобы получше разглядеть двоих девушек. — Как думаешь, папа будет возражать, если я пересяду к ним? — она поворачивается ко мне спиной, когда мы находим себе места во втором ряду прямо в центре перед алтарём и садимся на красные стулья. Мне не трудно догадаться каков будет ответ, потому что Тим всегда относился к Саре мягче, был более добрей и терпимей. Так с чего бы ему запрещать? Она его кровь и плоть. Между мной и Сарой нет никакого родства, поэтому я не слишком приятный фактор. Связь Тима с маленькими девочками, не касается его дочери. Слава богу.

Я колеблюсь с ответом.

— Думаю, он не будет против ...

— Отлично, просто скажи ему, куда я ушла, — она убегает до того, как я могу её остановить.

В тот момент, когда я занимаю своё место, Рейчел и Тим начинают двигаться в моём направлении, прокладывая себе путь вниз. Рейчел занимает место рядом со мной, поэтому я избавлена от присутствия Тима по соседству. Её блуждающий взгляд подсказывает, что она ищет Сару.

— Она решила сесть со своими друзьями, — шепчу я, поворачивая голову в ту сторону, где сидят девочки. Она кивает, а затем поворачивается к Тиму, чтобы передать услышанное. После этого мы больше не разговариваем, потому что группа людей выходит на амвон (прим. перевод.: место (зачастую на некотором возвышении) непосредственно у алтаря или в алтарной части храма с подставкой для книг), чтобы начать пятнадцатиминутную проповедь. Вскоре после этого выходит пастор, и я настраиваюсь на его богослужение. Проходит час службы, и мы переходим в служебную комнату, где нас делят на три воскресных класса. Каждый человек имеет право принять в этом участие, даже дети младшего возраста, которые ещё совсем маленькие. Остальных же из нас разбирают по возрасту и полу. Мужчины остаются в служебной комнате встреч для старших, а более младшее поколение возрастом от тринадцати до семнадцати, переходит в одну из классных комнат на первом этаже для проповеди дьякона. Женская численность в церкви превосходит

мужскую в два раза, поэтому нам выделили весь второй этаж классных комнат для наших встреч. Женскую группу от восемнадцати и старше ведёт Рейчел — мне придётся ходить туда несколько месяцев, но я благодарна, что не должна присутствовать там сегодня. Мой класс из молодых девушек, в котором я состою, слишком набожен. И я нарочно стараюсь держаться позади. Увидев, как Рейчел заворачивает за угол, я ныряю в первую попавшуюся комнату справа от лестницы. Я иду вниз по коридору укрытым ковром, вместо того, чтобы следовать за остальными девочками моего возраста в последнюю комнату слева. Всё моё тело напряжено, но я продолжаю двигаться вперёд, молча надеюсь, что меня никто не остановит.

— Эйли, дорогая, куда это ты собралась?

Из-за резкой остановки сердце в груди замирает. Закрыв глаза, я молча ругаюсь и крепче сжимаю ручки на своей сумке, в надежде, что они смогут удержать меня на месте, хотя всё что я хочу сделать, это проигнорировать вопрос и продолжить свой путь. Но воспитание заставляет меня обернуться. Джанет Лисон — самая большая сплетница церкви, которая распускает слухи о каждом, включая и себя саму. А ирония знаете в чём, в том, что её собственная семейная жизнь рушится прямо на глазах. Её муж абсолютный бабник, её сын трансвестит ушёл из дома, когда ему было пятнадцать, потому что она не смогла вытерпеть этого и выгнала его, и я даже однажды подслушала, как Рейчел рассказывала Тиму, будто люди подозревают, что она запускает руку в церковную десятину и пожертвования. Каждый, кто состоит в церковной общине, умеет хорошо притворяться, они улыбаются и смеются вместе с ней, в то время как на самом деле тайно ненавидят её внутренний мир. Со всем, что происходит, она должна хотя бы немного, но испытывать угрызения совести, вместо того чтобы совать свой нос в чужие жизни. Но как видим, результат на лицо.

— Мне нужно в дамскую комнатку, Сестра Лисон.

Она улыбается и кивает:

— Оу, хорошо, милая. Я тут торопилась, но встретила тебя и решила спросить, в чём дело, не хочу пропускать проповедь.

— Ой, конечно же, идите, не стану задерживать. Я только на минутку забегу в уборную и вернусь, — это чистой воды ложь. У меня нет никакого желания возвращаться обратно, пока не закончится богослужение. Уверена, Джанет расскажет Рейчел обо всём этом, но я рассчитываю на то, что Рейчел не станет воспринимать её слова всерьёз. Она никогда не воспринимает её всерьёз. — Увидимся позже, Сестра Лисон.

— Пока, дорогая.

Я уже начинаю идти, когда слышу её прощание. Выйдя через задний вход, меня встречает солнечный свет. Утренние солнечные лучи солнца светят на меня сверху вниз. Листья вокруг меня шелестят под порывами прохладного ветерка, который касается моей кожи и взъерошивает выбившиеся из двух заплетённых косичек пряди волос. Я запроваляю их за уши, следуя по дорожке за церковью, которая ведёт к лесу. Кроны деревьев образуют сверху барьер, образуя защиту, и только лучи солнышка пробиваются сквозь пушу этих листьев, придавая лесу мрачноватый, волшебный вид, и создавая эффект удивительного душа. Вода является отличным предметом для эскиза. Но меня больше интересует кладбище за лесом. Я обнаружила его несколько месяцев назад, во время летних каникул, когда впервые начала пропускать проповедь, вместо этого исследуя лес. Я полюбила его в ту самую минуту, как только увидела, потому что оно не было похоже на то, что я обычно

рисовала. На этом старом кладбище нет ничего необычного или живописного, оно заброшено уже как несколько лет, — я предположила это, потому что не было никаких новых могил. Здесь бы не помешало всё привести в порядок, но если это сделать, то вся привлекательность просто исчезнет. Не буду темнить, но здесь всё выглядит не очень красиво, с годами надгробия разрушились, а некоторые из них треснуты и покрыты плесенью и мхом. Немного глупо думать так о месте, которое заброшено, но это кладбище вызывает особые чувства. Вороны, его единственные обитатели, и они сделали его своим домом. Некоторые из них сидят на надгробиях, пока другие, как плохое предзнаменование, поклевывают и роются в земле в поисках пищи. Не знаю, почему я так очарована всем этим, но такие частые посещения всегда заставляют мои руки зудеть от нетерпения взять в руки карандаш и рисовать в альбоме.

Места, где можно присесть, ограничены, но я не очень придирчива, поэтому сажусь под деревом, и в таком положении мне открывается прекрасный вид на кладбище. Достав альбом и кусочки угля для рисования из сумки, я кладу их возле дерева и принимаюсь пролистывать страницы, на которых изображены различные наброски, пока не дохожу до той страницы, которую ищу. Я хватаю кусочек угольный карандаш из коробочки и начинаю рисовать с того места, где остановилась в прошлое воскресенье. Мои пальцы нежно и легко порхают по странице, и я иногда отрываюсь от рисунка, чтобы убедиться, что уловила каждый нюанс — всё, что делает кладбище таким особенным. Коричневые сломанные ветви деревьев покрыты мхом и выглядят устрашающе над могилами, словно искорёженные пальцы мрачных хранителей; приносящий смерть ворон кричит в приглушённой тишине, и деревья, которые стоят, словно призраки, отбрасывают длинные тени на кладбище. Серое небо выглядит гораздо зловеще, чем в настоящее время, делая надгробия потемневшими, что делает рисунок больше похожим на чёрно-белую фотографию, а не на рисунок карандашом. Я забываю обо всём, и мир расплывается по краям моего периферийного зрения, будто я теряюсь в этом тёмном, почти мрачном мире, который создала.

Но потом иллюзия разбивается, осколки вдохновения, словно драгоценные осколки, падают вокруг меня, вырывая из своих собственных мыслей. Внезапное учащённое биение моего сердца, звучит как паническое бегство стада гну в моей груди. Я поворачиваю голову направо в ту сторону, откуда доносится шум, и наблюдаю, как разбиваются пивные бутылки в нескольких футах от места, где я сижу. Я дико пытаюсь отыскать глазами виновников торжества и не удивляюсь, когда вижу небольшую группу, состоящую из трёх человек, которые идут вдоль кладбища. Девчонка и два парня. Девушка медленно шагает задом, в то время как два парня разговаривают. У неё волосы тёмно-зелёного цвета, которые трудно не заметить; они скользят по её плечам словно волны. На ней надеты тёмные узкие джинсы и белая кофточка, которая открывает вид на её загорелую кожу. На её ногах обуты простые чёрные кеды.

Двое ребят держатся позади и направляются в мою сторону, их внешность намного легче разглядеть и мгновенное опознание накрывает меня, потому что я их знаю. Бриа Дэниелс, девушка с тёмно-зелёными волосами всегда крутится рядышком с Ноем и Мэддоксом Мур. Братья-близнецы, которые совершенно не похожи друг на друга. Они как день и ночь. Противоположные стороны одной медали. Ной всегда напоминает мне одну картину, которую я увидела однажды на художественной выставке в центре города, на ней был изображён светловолосый Люцифер до падения. Ослепительно красивый и такой мужественный. У него завидно высокие скулы и прямой острый нос, который делает его

улыбку очень милой. Густые тёмные волосы обрамляют его лицо, скользко по угловатому подбородку. Он высокий. Они оба достаточно высоки, но Ной, на самом деле, имеет небольшое преимущество над своим братом, но ненамного. Если бы мне пришлось угадывать их рост, то я бы сказала, что он где-то между 6'2 и 6'3 (прим. перевод.: 187,96 — 190,5 см) футами. Ной был в команде бегунов, но через год присоединился к лёгкой атлетике и стал бегуном на коротких дистанциях. Я видела его тело только издали, изучала его, как художник изучает предмет, и поэтому знаю, что скрывается под тёмно-синими джинсами и бордовым свитером, в которые он одет — тело бегуна. Большие мышцы, длинные ноги и руки, созданные для скорости и выносливости. Я также знаю его с занятий по рисованию, которые проводятся каждый понедельник, вторник и пятницу пятым уроком в классе мистера Кауфмана.

Я наблюдаю за тем, как Ной наклоняет голову к брату и что-то ему говорит. Они слишком далеко от меня и я не могу услышать их разговора, но его озорной смех пронзает мёртвую тишину кладбища. Его близнец, кажется, не разделяет такой юмор, поэтому остаётся в том же положении, и Ной пожимает плечами, переводя взгляд на Бриа. Но в отличие от Ноя, Мэддокс не настолько понятен мне. Ной красив. Мэддокс ... Мэддокс что-то совсем другое.

Он покрыт татуировками. Это первое на что вы обратите внимание в Мэддоксе Муре. Под белой футболкой он носит чистое произведение искусства из татуировок, каждая из которых рассказывает и несёт в себе собственную частичку истории. Охватывая обе руки, они тянутся вниз до самых кистей. У основания его горла виднеется геометрическая звезда. Это пентаграмма внутри пентаграммы, в центре которых расположены красные глаза. Точки от этой большой пентаграммы тянутся по всей длине шеи и заканчиваются у основания ушных мочек, которые пронизаны туннелями размером в пять центов. Кроваво-красные глаза особо выделяются на фоне чёрных чернил, нанесённых на его бледную кожу. Я наблюдаю за ним на расстоянии. Изучаю его острым взглядом художника, который нуждается в музе. Он редко появляется в школе, но когда он всё же посещает её, то я всегда инстинктивно чувствую его местонахождение. Я наблюдала за ним из своего тёмного угла, но никогда никому не говорила вслух, что он стал моей навязчивой идеей. Я много раз делала наброски, изображая этот острый кончик носа и не улыбающийся рот. У меня есть отдельный альбом, в котором изображён он. Да-да, я знаю, как это звучит. Словно я, блин, какой-то сталкер. Но моя одержимость исходит от необходимости изобразить его на бумаге. У меня нет никакого разрешения на это. Никто не давал мне никакого права держать его образ в своей голове.

Его белая футболка с V-образным вырезом, позволяет увидеть татуировки на обеих руках, большинство из которых я помню наизусть. На левой руке изображено скелетообразное дерево с извилистыми ветвями, которые тянутся вниз от его предплечья и превращаются в стаю чёрных птиц, замыкающих круг на запястье. Со своего места я не могу разобрать изображения на правой руке, поскольку отсюда мне видна только расплывчатая картинка. Помимо белой футболки на нём надеты приталенные чёрные джинсы, а на ногах виднеются потрёпанные чёрные кеды.

В одной руке я замечаю полупустую бутылку пива, в то время как другую, обёрнутую вокруг ещё одной бутылки, он подносит к своему рту. Он поглощает её так, будто пьёт простую воду.

У меня нет времени, чтобы что-нибудь предпринять, когда он берёт и швыряет ту

бутылку, из которой только что пил в мою сторону. Я вскакиваю и пишу, когда она разбивается в нескольких метрах от того места, где я только что сидела. Небольшой страх от увиденного заставляет моё сердце стучать быстрее, но это ничто по сравнению с тем моментом, когда я открываю глаза и обнаруживаю, что он смотрит на меня. Я и не думала, что они подойдут настолько близко.

Чувствую, как кровь начинает приливать к моим ушам, а сердце начинает стучать в груди ещё сильнее, словно колибри ищущая выход из клетки. Пот начинает проступать на моей коже, и кажется, будто время остановилось. Он смотрит на меня, а я смотрю в ответ на него. Я не могу выдержать остроту его взгляда на себе, но в тоже время и не могу отвести от него глаз. В его взгляде есть что-то такое, что говорит о нём самом. Он не похож на своего брата. Вы не найдёте в его чертах лица такой же мягкости и доброты. Зато вы можете увидеть алчность, грубость и озлобленность, отражающиеся в его взгляде. Приложив усилие, мне удаётся отвести от него взгляд, и, сделав это, я смотрю на что угодно, только не на его лицо.

— Господи, Макс, ты её чуть не задел, — журит того Ной, приближаясь ко мне. В то время как двое других остаются позади, Ной останавливается передо мной, и мне приходится поднять голову, чтобы посмотреть на него. — Ты как, в порядке? — мне тут же становится некомфортно. Я понимаю, что он не представляет угрозы, но не могу оправиться от его ошеломляющего роста, особенно когда он стоит так близко. Я кратко ему киваю, закрываю свой альбом и пытаюсь его быстренько спрятать в холщёвую сумочку вместе со своим пеналом. Делаю несколько шагов назад, и хотя мой рост 5'5 (прим. перевод.: 165,1 см) дюйма, и я всё же относительно маленькая по сравнению с ним, но, по крайней мере, теперь я не испытываю дискомфорта.

Я киваю.

— Ага, всё хорошо.

Он улыбается, и я поражена этой милой улыбкой.

— Прости за это, мой брат любит устраивать неприятности.

— Ничего страшного. Не волнуйся об этом.

— Эй, я видел картину, которую ты сделала для Дня прессы на прошлой неделе. Думаю, это было прекрасно.

Нет никакой фальши в том, что он говорит. Всё, что касается Ноя, кажется подлинным, включая доброту, которая отражается в его великолепных голубых глазах. Кровь начинает бурлить. Мои щёки краснеют от того, как он смотрит на меня. Это совсем не та жестокость и бесчувственная пустота, принадлежащая его брату. Не знаю, почему я это делаю, но я наклоняю голову немного левее от тела Ноя, чтобы найти Мэддокса. Он частично сидит на одном из надгробий, ящик из-под пива стоит между его длинных раздвинутых ног. Он попивает уже другую бутылку пива, слушая болтовню Бриа. Люди сплетничают о нём. Также как и о Ное тоже. Но Мэддокса призирают. Никто не знает о них слишком много, но он известен как криминальная личность. В это трудно поверить, но всего месяц назад я видела, как он угрожал кому-то ножом возле стадиона. Я успела скрыться до того, как он смог бы меня обнаружить.

— Я просто хотел сказать, насколько восхищаюсь твоей работой.

Я снова возвращаю свой взгляд к Ною.

— Спасибо, — отвечаю, кивая головой. — Твои работы тоже прекрасны, — это звучит не очень искренне. Но я на самом деле так думаю. Он нарисовал акриловую картину под

названием «Неподвижная темнота» для конкурса молодого художника в прошлом году и выиграл. Эта картина послужила тем, что вызвала у меня мою жуткую сторону искусства.

Он усмехается.

— Спасибо.

Я смотрю вниз на свои ноги, копая левым носочком сандали землю. У меня нет этой социальной грации. У меня не так много друзей, по факту, у меня только одна подруга. И заняло почти три года, чтобы Мэллори поняла, насколько я странная. Я не делаю это специально. Я просто не очень хорошо умею развлекать людей. Даже простой разговор требует особых усилий. Это пытка. И для Ноя станет всё ещё хуже, если он поймёт какая я странная.

— ... ты что-то делала?

— ... Мне пора идти ...

Он смотрит на меня сверху вниз, ухмыляясь.

— Ты можешь присоединиться к нам, но если тебе нужно уходить ...

Он замолкает, давая мне время, чтобы принять решение. Я уже было открываю рот, чтобы ответить, но смех Бриа привлекает моё внимание, поэтому я снова смотрю в сторону, и мои глаза, будто магниты, притягиваются к лицу Мэддокса. Я не ожидала, что встречу с его мертвецки холодным взглядом. Этот взгляд пробирает холодом до самых костей, и я вздрагиваю.

— Холодно?

Будет безопаснее, если я посмотрю на Ноя.

— Нет, — я забрасываю лямки сумки себе на плечо, даже не осознавая, насколько сильно их сжимаю, пока те не начинают врезаться в мою ладонь. — Не очень, — я ослабляю свою хватку, когда чувствую боль в руке. Маленькая часть меня очень любит эти ощущения. — Спасибо за приглашение, но мне нужно возвращаться в церковь, — лгу я. Но это намного лучшая альтернатива. Даже если бы я и приняла приглашение Ноя, то это бы приветствовалось только с его стороны. И один взгляд на лицо его брата говорит мне избрать иной путь.

— Хорошо, тогда, полагаю, увидимся в школе?

— Ага.

Я поворачиваюсь в другую сторону от них.

— До встречи, Эйли.

Оглядываясь через плечо, я посылаю Ною, надеюсь, милую улыбку.

— Пока.

Глава 4

Мэддокс

— Если бы я не знала тебя лучше, то подумала бы, что у тебя стояк на неё.

Я смотрю на её удаляющуюся спину, а затем наклоняю бутылку Хайнекен и допиваю то, что осталось. Затем делаю то, что делал до этого, когда мы вошли на кладбище — отвожу свою руку назад и швыряю бутылку. Она пролетает дистанцию, а затем разбивается о стоящее впереди дерево. Когда она останавливается, я жду её реакции, надеюсь увидеть, как она развернётся, поражённая с широко открытыми глазами, напуганным взглядом кролика,

который я видел ранее. Я думаю, что она хоть что-то скажет, может быть, даже огрызнется на меня, но она оборачивается через плечо, и смотрит на меня этими глазами. Глазами, которые похожи на витражи в церкви Святого Петра, которая находится на главной улице. Моя мама часто туда ходила, чтобы помолиться Богу, который плевать на неё хотел. Я сломался через несколько месяцев, после того как она умерла, разгромил алтарь, разукрасил крест и побил окна камнями. Всё обошлось, потому что мне можно.

С пустыми глазами она не излучает ничего, кроме комфортной маски хладнокровия. Эта довольно милая маска сделана из золотистой кожи с оттенком розовых полутонов. Она как живая кукла с этой сердцеобразной формой лица и солнечно-светлыми волосами. Слишком неправильно представлять её полные, выгнутые дугой губки Купидона, обернутыми вокруг члена. *Моего члена*, если быть точным. Я представляю её на коленях, между моих ног, и как эти щёчки обволакивают меня, пока она изо всех сил пытается принять каждый дюйм моих девяти дюймов между этими губками. Я бы руководил ей, помогал немного, потому что я — Чёртов Мистер Щедрость. Бриа бы тоже была там показывая ей как именно нужно взять меня.

— Не всё заключается в сексе, Макс, — мои утаённые ответы со свойственным сдержанным тоном эффектно ломают эти миленькие фантазии. Мой взгляд снова возвращается к тому месту, где стоит она, как раз вовремя, чтобы увидеть, как она разворачивается и уходит, словно ничего не произошло. — Но чего мне стоит ожидать от того, кто живёт этим?

Во мне словно что-то щёлкает и вдруг моё беспристрастное безразличие превращается в раздражение. Я знаю, куда ведет этот разговор. Этот небольшой укол — любимое занятие Ноя, и если честно, я не достаточно пьян для лекции. Одно из основных отличий, — а их не так уж и мало, — между мной и Ноем — у него есть мораль. У меня её нет. И меня бесит, что он всегда хочет мне навязать своё ерундовое нравоучение.

Я издеваюсь:

— Дохуя, младший братик, — достаю свой вибрирующий телефон из заднего кармана и смотрю на экран. Быстро отправляю ответ, прежде чем убираю его обратно. — Так мы тут закончили? Мы выполнили твой ежемесячный дерьмовый визит, как ты и хотел. Я готов уйти.

— Так мы идём тусоваться? — Бриа не совсем подружка, она та, кто иногда позволяет немного отвлечься, выжидающе смотрит на меня.

— Не мои проблемы, Бри, — я направляюсь обратно к могиле, на которой сидел ранее, и ставлю пустой ящик с пивом рядом с надгробием, на котором написано: «Лаура Мая Мур, любимая мать». А затем отвечаю, — позаботься о себе сама.

— Тогда какого хрена ты меня позвал сюда?

Я пожимаю плечами.

— Больше в тебе не нуждаюсь. Расскажи Ноем о двух по цене одного. Расскажи ему, как здорово ты смотришься перед камерой, и не забудь упомянуть, сколько ты заработала в прошлом месяце. Думаю, ему стоит услышать, каким прибыльным в этой жизни может быть этот бизнес.

— Макс...

Уходя, я машу рукой в воздухе.

— Было здорово, Ной. Мы повторим это в следующем месяце. Мама бы лопнула от гордости.

*****

Когда рождаешься в такой семье, как у меня, тебя в значительной степени уже поймали ещё до того, как ты успеваешь узнать значение этого слова. Каждый раз, когда я думаю о нашем прошлом, я снова и снова вновь переживаю это дерьмо. Отец был тем ещё куском дерьма — педофилом, который научил моего брата и меня изящному искусству траханья по достижению семи лет. Инцест в детском порно за еду на нашем столе и плату за наш дом. Я предполагаю, люди платили чертовски много ради этого незаконного дерьма. Мама стала маниакально депрессивной обезумевшей женой из-за своего жестокого мужа. Она вогнала тринадцать пуль в его голову, до того, как застрелилась передо мной и моим братом. Вот что написано в нашем досье. Такой толстой папочке с надписью: Ной и Мэддокс Мур. Люди в системе усыновления узнают твою историю чертовски быстро, когда у тебя такое тяжелое дерьмо за спиной вроде этого. Потенциальные приёмные родители, хорошие в любом случае, надеялись на хорошего, маленького ребенка сиротку, чтобы поставить его на ноги и воспитать достойным общества. И их заранее предупредили о нашей истории. Моей особенно, потому что я — неуравновешенный близнец. Им рассказали о драках, созданных мною в школе. Рассказали о моём якобы пренебрежении к власти. О частых стычках с законом. О моей склонности сбегать и времени, которое я провёл в колонии для несовершеннолетних, потому что несколько раз ударил головой об стену одного ребенка, который обзывал моего брата гомиком. Их даже предупредили о моем употреблении алкоголя и наркотиков, и моих жестоких приступах ярости. Нормальные решили бы продолжить поиски дальше, оставив меня в покое. Но не Ноя. Люди, как правило, предпочитают Ноя, потому что он — примерный близнец. Он выбрался из дерьма, показав, что наша семья была относительно невредима. Ной двигался дальше, в то время как я был его бульдозером. И они выбрали его. Ридлейс. Джен и Алан. Они межрасовая пара, которая оказалась достаточно порядочными людьми, а не квинтэссенцией загородной жизни, и полностью подходили Ною. Джен — адвокат, а Алан — шеф-повар. Самая лучшая часть заключается в том, что они на самом деле хотели Ноя с самого начала. Что касается меня? Не очень. Они приняли меня только из-за того, что Ной попросил их об этом.

Я не прожил с Ридлейс и месяца, когда они меня выгнали. Просто они поймали меня за тем, как я трахал их старшую дочку на кровати. По-видимому, это было огромное табу. И это реально вывело Ноя из себя. Он обвинил меня в том, что я совершил это дерьмо нарочно, потому что ничего лучшего со мной случиться просто не могло. Это было не так. Меня действительно было на всех плевать. Кроме него. И до сих пор остаётся так. Мама просила меня присмотреть за ним, прежде чем проделала дыру в своей башке. Так я и сделал. Ной был счастлив. Он любил и заботился об этих людях. У него были все шансы, чтобы процветать. Чтобы стать кем-то иным, а не грёбаным стоком общества. У него был большой потенциал. У него было то, чего я не хотел. Будущее. И я был единственным, кто тянул его на дно. Я был напоминанием той ямы, из которой мы выбрались. Напоминаем о том, что нас заставлял делать отец. Я был тем, в ком он явно не нуждался. Так что я отстранился от его жизни настолько, насколько мог. Мы виделись в школе — куда я старался ходить, — а также на ежемесячных визитах на кладбище к маминой могиле. Но по большей части, я старался держаться от него подальше.

После шести месяцев пребывания Ноя в другой семье, как раз перед нашим

шестнадцатым днём рождения, я, в конечном итоге, каким-то задним местом оказался в дерьмовом доме на другом конце города. Мой приёмный отец был своего рода простым рабочим, сварщиком по имени Дроски, который любил выпивку так же, как и своих женщин. Дешёвых и мокрых. Он имел дело с наркотой на стороне. Героин, таблетки и марихуана.

— Пособия, которое я получаю на кормление твоей задницы не достаточно, ребёнок. Если хочешь остаться здесь, ты должен зарабатывать на своё содержание.

Дело, на удивление, пошло у меня легко. Но опять же, было не так уж и сложно продавать наркоту старшекласникам, которые хотели весело провести время. Я толкал таблетки и марихуану чертовски быстро. Наличка была очень хорошей. Дро забирал свою часть, большую долю процентов, но он не был полным козлом. Он позволял мне сохранять часть заработанных денег.

Я многому научился у него.

— Ты не должен гадить там, откуда ешь, — я усвоил этот урок. Два сломанных ребра, разбитая губа и сломанный нос. — Ты будешь работать на меня, ребёнок, ты ведь прекрасно запомнил, что нельзя брать моё дерьмо.

Ошибочно было думать, что я могу взять что-то из его препаратов для своего личного использования. Видимо Дро вёл полный учёт по количеству своих продуктов. *Здесь*. На полу, чувствуя, словно меня сбил грузовик и со вкусом собственной крови, которая покрывала внутреннюю поверхность моего рта, я смотрел мимо вытянутой руки на его жесткое, бородатое лицо, в блестящие, похожие на стеклянные шарики глаза, направленные на меня. Много было сказано в те несколько длительных минут напряжённого молчания, чего нельзя передать словами. Но когда я, наконец, взялся за его мозолистую руку, и он помог мне подняться на ноги, могу заверить, что-то изменилось. Взаимное уважение и понимание. Он не отвёз меня в больницу. Он сделал следующую хорошую вещь — закурил косяк и передал его мне. Лучшее лекарство за всю мою жизнь.

Второй урок, который я узнал от Дро, заключался в разделении товара и удваивании прибыли. Мы делали это по понятным причинам, чтобы набить больше денег в наши карманы. Также играл тот факт, что у нас был грязный коп, в котором мы так нуждались и которому платили каждый месяц, чтобы дело процветало. Дро всегда вёл дела сам, но время от времени позволял мне делать это самому. Прошёл примерно год, когда он позволил мне совершить своё первое дело. В субботу вечером, в четверть десятого, я направлялся к месту встречи. Я ехал на белом обшарпанном грузовике, который достал за несколько месяцев до этого на свалке и медленно восстановил. У меня при себе было три штуки и несколько мешочков с таблетками, спрятанных под пассажирским сиденьем. И, конечно же, копы подобрали именно этот момент, чтобы вывести меня на чистую воду. Увидев мигающие красные и синие огни в зеркале заднего вида, я хотел поддаться соблазну надавить на газ и умчаться нахер оттуда со всех ног. Была только одна проблемка — этот пикап не поехал бы так быстро, как хотелось, даже если от этого зависела моя жизнь. Прижавшись к левой стороне дороги, я знал, что вляпался всеми возможными способами. Мало того, что внутри грузовика стоял запах травы, которую я курил ранее этой ночью, на меня до сих пор действовал ордер на мой арест. Я вышел на два месяца раньше за избиение парня, который говорил дерьмо о Ное. Они нашли деньги и наркотики, надели пару блестящих наручников на меня и рывком потащили мою задницу в тюрьму. Я стоял перед трудным выбором. Мне было почти восемнадцать и технически, они могли бы обвинить меня, как взрослого. Я не был настолько глуп, чтобы звонить Дроски. У меня был только один вариант, и у меня ушла

вся ночь, прежде чем я наконец-то решился позвонить Джен.

*****

— Вот что, Мэддокс. После сегодняшнего дня тебе больше не удастся избежать наказания, — сказала она, отвернувшись, когда мы вышли из здания суда. Выражение её лица должно было быть серьёзным. Но она не могла до конца изобразить свою злость, потому что выглядела больше как двенадцатилетняя, чем тридцатитрёхлетняя, которой являлась. — Мне пришлось поднять много старых связей, чтобы Судья Симс был к тебе благосклонен.

Я усмехнулся, проводя рукой по своим волосам в смятении.

— Ты называешь тысячу часов общественных работ и уроков по управлению гневом благосклонными?

— Именно, — прошипела она сквозь стиснутые зубы, которые выглядели безупречно белыми против её шоколадного цвета лица. — Если бы там был другой судья, он вынес бы тебе очень строгий приговор.

— Ну, круто, что у тебя здесь есть хороший приятель, который спас мою задницу от строгого приговора. Мне просто любопытно, какого рода связями ты воспользовалась. Хотя, возможно, ты уделаешь старине Судье Симсону несколько хорошо оплачиваемых часов?

— Какой же ты чертовски неблагодарный. Алан и я пытаемся сделать для тебя как можно лучше, и дать всё, что только можем, но, думаю, нет смысла помогать тому, кто этого не хочет. Я не знаю, как ты и Ной можете быть связаны между собой, не говоря уже о том, что вы близнецы. Тебе просто повезло, что он заботится о тебе, иначе...

— Спаси меня от этого. Я не нуждаюсь в проклятой лекции. Но спасибо за мою спасённую задницу, ты была просто красоткой.

— Тебе бы лучше показаться на этой амбулаторной групповой терапии, Мэддокс. Пропустишь хоть одну и окажешься в тюрьме. И поверь мне, меня уже там точно не будет.

Она говорила мне в спину, когда я уходил.

— И передавай привет Карле от меня.

— Держись подальше от моей дочери!

Улыбка на моём лице стала ещё больше, когда я услышал, как она сыплет проклятия мне в спину.

Глава 5

Мэддокс

Как и следовало ожидать, Дро разозлился из-за потери его денег и наркотиков. Но я быстро нашёл способ, как вернуть те три штуки, конфискованные полицейскими, до последней копейки. Так как я уже знал, как трахаться перед камерами с раннего детства, я подумал, почему бы мне не заработать на том, чему «дорогой папочка» меня научил. Через несколько месяцев на своё восемнадцатилетие, я купил доменное имя и «Два по цене Одного» увидело свет. Две пары. Один член. Я не встречаюсь с девушками. Я трахаю их

перед камерами с кем-то в паре. После этого я не хочу иметь с ними ничего общего.

Я не букетно-конфетный тип парней. Я не вожу девушек на свидания в надежде получить невинный поцелуй на прощание в конце ночи. Девушки — женщины, являются средством для достижения цели. Всегда так было. Я раздеваюсь. Они раздеваются. Это сфера моей щедрости. Киска, деньги, наркотики и Ной. Не обязательно в таком порядке, но это то, чем я живу. Я также не возражаю, когда они сами приходят. Некоторые из них думают, что я эмоционально убит. Таким образом, они приходят, думая, что смогут «исправить» меня, попробуют привязать к себе. Парень, который позаботится об изнурительном дерьме в их жизнях. Но это их проблема, не моя. Моя главная задача понять, насколько они готовы шагнуть за грань своих сексуальных потребностей, и как хорошо они будут смотреться на камеру с моей спермой. «Два по цене Одного» о «Потаскушках Бригам Хайт».

Знаю, знаю. Возможно, сейчас я выгляжу как кусок дерьма. Ну, позор тем, кто на самом деле думает, что меня ебёт чьё-то мнение. Я принял каждый свой недостаток и смирился с ним. К тому же, если это поможет им лучше спать по ночам, то эти девочки делают всё по обоюдному согласию, и они все старше восемнадцати лет. Те, кого я трахал, отчаянно нуждались в небольшом количестве времени на камеру и все были сексуально возбуждены, как и я. Например, Бриа Дэниелс и Грейс Логан. Ни для одной из девушек я не был парнем. У меня не заняло слишком много времени, чтобы убедить их принять участие в моих маленьких фильмах. Конечно же, там замешаны деньги, но Бриа и Грейс и так вертели на моём члене большую часть нашего второго курса. Прошлой ночью, я, наконец, дал им возможность сделать это вместе. Честно, там не на что смотреть, кроме их хороших тел, которые было терпимо трахать.

Сейчас три утра.

— Мэддокс, — слышу, как меня зовёт Грейс. Развалившись на моей кровати, она подпирает левой рукой голову и смотрит на меня своими сверкающими карими глазами. Она натуральная рыжая. Не одна из тех, кто пользуется тем безобразным, блестяще-радужным дерьмом, что приходит во флаконе и делает девушек соответствующими уровню грёбаного второсортного фильма ужасов. Прямо под цвет штор. Не типичный рыжий цвет для человека, но как я уже сказал, она просто киска. Её волосы спутаны и спадают ей на лицо растрёпанным образом, но она выглядит так, будто это самая лучшая укладка в её жизни. И учитывая то, что она была девственницей, думаю, я тоже отчасти им был. Не хвастаюсь, но я чертовски уверен в этом. Я знаю, с чем имею дело. Знаю, что такое киска, и знаю, как трахаться. Грейс очередное достижение. Бриа и я трахались раньше. Ещё две галочки среди десятков других, которых я поймел на прекрасных Южных морях. На её лице по-прежнему румянец, щёки пылают, губы искровавлены, а на горле виднеется отпечаток моей руки. Не моя идея. Полностью её. Это меня самого немного удивило. Девственница любящая эротические удушья. Я знал, что она тихоня. Застенчивая и сладкая, но порочная в постели. Я не жалею.

— Макс, — теперь с придыханием повторяет она, и я предполагаю, что это должно звучать сексуально. Но это не так. Наоборот, это чертовски раздражает. На самом деле, от широко раскрытых глаз, которыми она теперь на меня смотрит, меня начинает мутить. Простынь шуршит, когда она принимает сидячее положение. На её губах виднеется улыбка. — Возвращайся в постель, — она заманчиво хлопывает по краю постели.

— Да, возвращайся в постель, Макс, — Бриа высовывает свою тёмно-зелёного цвета

голову из-под бордового мягкого одеяла и поворачивает её, смотря на меня своими сонными глазами. Бриа улыбается одной из своих охотничьих улыбок, её губная помада размазана по всему рту.

Я так чертовски измотался с ними. Мне требуется некоторое время, чтобы поднять взгляд и, прекращая все эти манипуляции, сказать:

— Веселье окончено. Убирайтесь прочь.

Я слышу, как ахает Грейс, вижу, как её глаза немного расширяются, потому что она не может поверить, что я не заинтересован во втором раунде. И я не собираюсь лгать и говорить, что мне не нравится этот взгляд. Я, блядь, живу ради этого момента «после». Момента, когда говорю им уматывать прочь. Спасибо за трах, шлюхи, теперь освободите помещение.

Я смотрю на Бриа, она смотрит в ответ. Равнодушно. Она знает эту чертову дилемму, поэтому с её стороны нет никакой реакции. Я слышу, как она вздыхает, прежде чем подняться. Её бледные и чертовски сочные большие сиськи четвёртого размера покачиваются, когда она встаёт с кровати.

— Что...? Почему?

Вопрос Грейс заставляет меня отвлечься от Бриа, которая молчаливо ищет на полу свою одежду. Я хмурюсь и смотрю на неё.

— Ты дерьмовая в постели, Грейс, — я не люблю ходить вокруг да около. Чёрт. Это ужасный каламбур. — Не пойми меня неправильно. Я наслаждался твоей тугой киской. Отличный маленький подарок, кстати. Но мне было до слёз чертовски скучно. Очень хорошо, что с нами здесь была Бриа. По крайней мере, она знала, что делать с моим членом. Мне стоит разозлиться на тебя за то, что ты тратишь впустую моё время. Но вместо этого, я собираюсь быть снисходительным, поэтому оставляю в тебе немножечко гордости. И сделай нам обоим одолжение. Прекрати лить эти чертовы слёзы и ради Бога не думай даже закатывать истерику. Подними голову вверх, собери своё дерьмо и уйди спокойно. Как это делает Бриа, — это чертовски меня возбуждает.

— Мэддокс... пожалуйста... Я могу постараться лучше. Возможно, если мы... попрактикуемся...

Я смеюсь. Из меня вырывается настоящий хохот. Мне требуется минута, чтобы успокоиться и снова посмотреть на неё. Я отхожу от штатива и направляюсь в ванную.

— Сладкая, у меня нет на тебя времени. Но не волнуйся, я уверен, что камера запечатлела твою лучшую сторону.

— Ты кусок дерьма, — ах, этот яркий нрав Бриа.

— Спасибо, дорогая, за такие запоздалые комплименты. Теперь, будь добра и закрой за собой дверь, когда вы обе будете уходить. Мне нужно отлить, — я захожу в ванную. — И не вздумай ничего брать, — кричу я, прежде чем закрыть за собой дверь. После опорожнения своего мочевого пузыря, я мою руки и слышу щелчок дверного замка. Чертовски хорошее избавление. Моя благотворительная работа длится в течение недели. Грейс, в конечном итоге, будет меня ненавидеть. Они всегда так делают. И когда она остынет, то поймёт, что подобно остальным из них, они в лучшем положении.

Это только ради денег, по крайней мере, для меня. Порно, с которым мне приходится иметь дело, является частью моего многообещающего бизнеса.

Выхожу из ванной, нахожу свои джинсы, лежащие на другой стороне моей комнаты на полу, и надеваю их. В кухонном шкафчике есть бутылка виски, которую я беру с собой,

выходя на улицу. Я выскакиваю на пожарную лестницу и, чтобы добраться наверх, где тёмно-красная дверь открывает доступ на крышу здания, ступаю на шаткие, покрытые ржавчиной ступени.

Вид отсюда просто фантастический. Весь город как на ладони передо мной, словно мокрая потаскушка, ожидающая мой член. Мерцающий, яркий и готовый быть покорённым. Воистину великолепный. Я подношу бутылку ко рту и делаю глоток, затем ещё один, чувствуя неприятный привкус сладко-обжигающего хорошего виски. Ставлю бутылку перед собой на крышу. Запускаю руку в задний карман, доставая из него сигарету и зажигалку. Три поворота колёсиком и огонь в моих руках. Я подкуриваю сигарету, подношу её ко рту и делаю длинную затяжку, наполняя никотином лёгкие. А затем выпускаю клубок вредного дыма в воздух.

Взяв бутылку виски и сделав глоток, подхожу к краю здания и сажусь. Десять этажей не такая уж большая высота для полёта вниз. Расслабьтесь. Я не собираюсь прыгать. Хотя уверен, есть большой список людей, которые будут очень счастливы увидеть меня, целующим тротуар. Теперь я спрошу вас, каким бы человеком я был, если бы дал им насладиться этим? К тому же, я слишком безжалостен, чтобы размышлять о самоубийстве. Я наслаждаюсь своей адской жизнью. Ощущаю своих демонов, которые бьются о непробиваемые стены воспоминаний, которые я пытаюсь забыть. Стойкие маленькие ублюдки. Ещё один глоток и затяжка не помогают стереть вкус отвращения к себе. Призрение как желудочная кислота врежется в шаткий контроль моих эмоций.

Что за чёрт? Это не может происходить из-за того, что я обращался с Грейс не лучше чем с личной тряпкой, в которую кончают. Это же обычный я. Ублюдок — моё первое имя, второе и фамилия. Я вздыхаю, закрывая глаза, и снова образ моего отца вспыхивает в голове. Я смеюсь. Но здесь не над чем смеяться. Ага, мы не будем делать это дерьмо сегодня вечером. Прогулки по воспоминаниям не будет.

Я отхожу от края. Возвращение вниз на пятый этаж нашей квартиры не занимает много времени, и когда я вхожу, то нахожу Дро, сидящим на потрёпанном диване в гостиной. Голая блондинка, с разукрашенными татуировками руками и пирсингом в носу, сидит на полу, сворачивая пластиковые пакетики с серовато-белым порошком. Это девушка Дро, Винн. Она в его жизни ещё с тех пор, как он взял меня к себе два года назад.

Я хмурюсь, бормоча:

— Когда вы успели сюда прийти?

Их не было здесь, когда я уходил. Бросаю взгляд на часы на своём запястье и понимаю, что прошло тридцать минут, как я ушёл.

— Мы были здесь, — он сбивается с подсчёта денег, которые держит в руках. На журнальном столике лежат четыре стопки смятых наличных, вместе с семью небольшими пакетами для сэндвичей, заполненными марихуаной. Три девятимиллиметровых пистолета лежат рядом с пустой коробкой латексных перчаток. Смотрю на беспорядок окружающий Винн на полу, она в перчатках упаковывает новый продукт. СКАЙ. С научной точки зрения модифицированная версия экстази и кокаина. Оно продаётся в старших школах и колледжах. Травка по-прежнему занимает первое место на рынке, но СКАЙ можно поставить на второе. СКАЙ — быстрый заработок. Открутив крышку, Винн укладывает последнюю часть своей маленькой созданной горки и затягивает узел, после чего переходит к следующему пакету. Большой серебряный поднос увенчан героином. Коробка крахмала, бутылка детской присыпки и Аякс свидетельствуют о том, что партия уже разведена.

— Ты устроил офигенное шоу, Макси. Может нам с тобой стоит попробовать блеснуть перед камерой. Позволить тебе ощутить вкус настоящей женщины, — она смотрит на меня с дерзкой ухмылкой.

Докурив то, что осталось от моей сигареты, я выбрасываю её в окно.

— Дай мне знать, когда найдёшь ещё одну девушку, — я направляюсь на кухню, чтобы положить почти пустую бутылку виски.

— Ах ты, гадёныш.

Я ворчу.

— Ага... вот и пришли к согласию, — мне пора уже сделать с этим тату на своей заднице. — Что у тебя для меня, Дро?

— Есть человек. Баз в Дрезден Хайтс задолжал мне. Прошло два месяца, денег нет. Мы отследили его сегодня вечером.

*****

Охота на беглеца означает вернуть вещам былую перспективу. Это именно то, что мне и нужно, чтобы избавиться от этого маленького кусочка совести, которая уже и ранее пыталась показать свой нос. Беглецы непредсказуемы. Ты либо борешься, либо пускаешь всё на самотек. Насколько я знаю, у Дро десять дилеров, работающих на него, в том числе и я. Из этих десяти, с тех пор как он взял меня, я знаю троих, кто сбегал, не желая выплачивать Дро его долю. Он с самого начала взял меня с собой, чтобы показать, как работает эта часть его бизнеса. Грязная часть. Та часть, где правят адреналин, боль и кровь. Я видел, как он выколол глаз горячей ложкой. Мне с моим извращённым любопытством интересно, какой творческой пытке он собирается придаться на этот раз и позволит ли он мне поучаствовать.

Через десять минут мы выходим из квартиры. Он оставил Винн внутри. Однажды он сказал мне никогда не доверять суке. Видимо, на этот раз всё по-другому. Прикиньте, она одна из тех девушек, кто схватит пулю ради своего мужчины. Чертовски глупо, как по мне. Мы спускаемся по серой бетонной лестнице вниз на первый этаж. Здесь вечно воняет мочой, рвотой и другими телесными жидкостями, что моментально можно ощутить, достигнув последнего этажа и направляясь к задней части здания. Вы привыкаете к этому со временем.

— Возьми свой грузовик. Есть дела в Дорчестере, о которых нужно позаботиться позже.

Немного любви и заботы в течение нескольких месяцев и мой Шевроле мурлыкает как котенок. Но он по-прежнему старый кусок дерьма, по сравнению со старым мощным Мустангом Дро. Я следую за ним, виляя из полосы в полосу, пока мы не съезжаем с автострады, покинув Дорчестер. Это следующий город недалеко от Трентона. Мы паркуемся в квартале от ряда красных кирпичных зданий, которые возвышаются на фоне ночного неба, и идём бок о бок, не разговаривая. У нас занимает около десяти минут, чтобы добраться до второго здания. Когда мы входим внутрь, то идём напрямиком к лифту. Там ждёт семья. Мать и двое детей. Один выглядит на десять, а второй где-то моего возраста. После того, как двери лифта открываются, Дро и я заходим внутрь. Семья не следует за нами. Мать держит своего меньшего ребёнка, в то время как старший двигается с места, чтобы попасть в лифт, но она протягивает руку и останавливает его, прежде чем он делает ещё шаг.

— Поедете? — вопрос Дро звучит как угроза. Он большой парень. Его рост 1,93 см, у него лысая голова, а половину лица закрывает борода, которая длиной ему по грудь, и он выглядит устрашающе, когда злится. Он не украшен татуировками, как я, но, думаю, маска

Ханья, покрывающая всю его лысину выглядит довольно таки пугающей на первый взгляд. Прибавьте к этому ещё тот факт, что он держит в руках лом, нетерпеливо постукивая им о левую ногу в ожидании ответа.

Мать качает головой.

— Мы подождём следующего.

Он пожимает своими массивными плечами.

— Как хочешь.

Небольшая часть меня оценивает искры, которые старший сын мечет в нас, и я усмехаюсь ему, когда двери лифта начинают закрываться. В коридоре на двенадцатом этаже, где мы выходим, пахнет карри и потом. Конечно, не очень приятно, но как по мне, то лучше, чем запах мочи и рвоты каждый день. Зелёная дверь 12D немного помята, словно по ней кто-то бил битой. Дро наклоняет голову, и я слегка прислоняюсь к противоположной стороне дверного проёма, в то время как он становится вне поля зрения глазка, расположенного посередине двери. Он не сразу врывается внутрь, как я предполагал, и даже вежливо стучит. Три медленных, но достаточно сильных стука, которые оповестят ублюдка, что мы здесь. Нет ничего удивительного, что их встречает молчание.

— Какого чёрта ты стучишь?

Вместо ответа, он ударяет по двери ещё раз.

— Баз, у тебя шестьдесят секунд, чтобы убрать свою маленькую девочку из комнаты, прежде чем я войду внутрь.

Я немного шокирован тем, что Дро проявляет сострадание, желая избавить эту малышку от вида насилия, которое вот-вот произойдёт. Когда в комнате слышится приглушённый грохот, Дроски начинает действовать. Просовывая лом между косяком и ручкой, он делает три сильных рывка со своей стороны, и дверь открывается. Честно говоря, я испытываю жалость при виде грёбаной белоснежной задницы База, который пытается вылезти в окно. Здесь есть ещё один человек, и хотя нижняя часть его тела относительно укрыта простыней, это не мешает увидеть очертания его члена. По-прежнему эрегированного.

— Иисус, блядь.

Я пропускаю его, прежде чем зайти внутрь. Дро бежит впереди меня, намереваясь схватить База до того, как он выскользнет через окно. Квартира маленькая. Здесь нет ничего непредвиденного. Она воняет выпивкой, сексом и сигаретами. Я быстро исследую место. Рядом с пепельницей на кофейном столике три белые линии, и я могу только предположить, что это кокс. Двери в спальню и ванную комнату, расположенные напротив друг друга, полуоткрыты. Потёки от воды на потолке, медленно тянутся вниз к стенам, которые раньше вероятно были белыми. На зелёном махровом ковре, который скрывает сильно изношенный линолеум, в куче окурков перед телевизором 90-х годов, сидит маленькая девочка, которую Дро просил убрать из комнаты.

На экране идёт мультяшная девочка с розовыми девчушками с пони и замками. Что обычно привлекает внимание таких детей, как она. Но вместо этого, её карие глаза прикованы к слишком реальной сцене, которая разыгрывается перед ней. Она ничего не говорит. Она не реагирует. Но эмоции, отражающиеся на её лице, слишком хорошо мне знакомы. Грусть и непонимание, смешанные со страхом. Но из всех эмоций, в её карих глазах больше всего сверкает гнев, и именно он вызывает воспоминания из прошлого, которые я не могу изгнать.

Не плакать.

Не издавать не единого грёбаного звука.

Это единственные две мысли, которые кружатся в моей голове. У меня есть несколько секунд, чтобы перевести дыхание, прежде чем звук свиста кнута рассекает воздух. Моё тело напряжено, зубы крепко стиснуты, а пальцы сжимаются в кулачки по бокам от напряжения так сильно, что становятся белыми.

Удар!

Резкий, свистящий выдох, больше похожий на удушье, чем на обычный выдох, соскальзывает с моих сухих потрескавшихся губ, когда моя спина выгибается дугой от силы удара. Удар кнута приносит с собой взрыв боли, но именно из-за четырёх маленьких крючков на концах каждой кожаной нити, боль превращается в агонию. Крючки цепляются за раны, которые уже успели образоваться, разрывая кожу на спине и открывая голую плоть. Когда их тянут назад, унося с собой кусочки порванной кожи и крови, я падаю вперёд. Я вытягиваю перед собой руки, чтобы предотвратить встречу головы с бетонным полом. Пот укрывает моё тело, и солёные капельки медленно просачиваются в порезы. Это больно как чертов ад.

— Посмотри на своего брата, Ной. Посмотри на то, что ты с ним сделал, — голос нашего мучителя насмехается над моим братом. Я ненавижу этот голос, но больше всего я ненавижу человека, которому он принадлежит. — Всё о чём я попросил, так это прикоснуться к нему. Но ты не сделал это как надо, — короткий, лишённый чувства юмора смешок. — Вы делали очень много плохих и очень грязных вещей друг с другом.

— Пот-потому что... ты... больной ублюдок...

Я должен был предвидеть, что на меня обрушится ещё один удар, припечатав моё тело к земле.

— Каждый раз, когда ты говоришь мне «нет», этот глупый маленький щенок будет получать. Тебе же известно это, Ной.

— Не... не слушай... не слушай, Ной... он не сможет сделать со мной...

Мне больно говорить. Больно дышать. Больно, блядь, моргать. То, что я хочу больше всего на свете — это мою маму. Она заставляет боль уйти. Я бы свернулся на её коленях. Она бы гладила меня по волосам, напевая песенку. Я бы слушал её песенку, спокойно умирая на её коленях. Это единственная вещь, о которой я когда-либо молю Бога. Не уверен, что он вообще слышит это. Но я всегда этого желаю. Умереть у неё на руках. Уйти подальше от этого ада и демона, который создал его.

Но этого так и не произойдёт. Мама лежит в психиатрической больнице из-за попытки самоубийства. Никто не услышит мои молитвы, потому что Бога не существует. Никто не спасёт меня и Ноя. Вот почему я не могу сдаться. Он не получит никого кроме меня. Я не могу оставить его одного в этом. И я думаю... Я думаю, что отец хочет сломать его. Вот почему я всегда стараюсь обратить внимание отца на себя. Я могу с этим справиться. Когда он выбивает дерьмо из меня, он не трогает Ноя.

Череди тяжёлых приближающихся шагов предупреждает о его приближении ещё до того, как он сжимает прядь моих волос в кулак и дёргает меня так, что я болтаюсь в воздухе, а мои пальцы едва касаются пола.

— Я собираюсь убедиться в том, что целый океанский лайнер войдёт в твою порочную

маленькую задницу, щенок, после того, как я закончу с тобой

Меня трясёт. Я ощущаю боль каждой клеточкой своего тела, но гнев даёт мне что-то, на чём можно сосредоточиться. Это кромешная тьма прямо в сердце. Один глаз опух и закрыт, а другой едва открыт, чтобы что-либо разглядеть, но я поднимаю взгляд и решительно смотрю в мёртвые глаза самого Сатаны, издеваясь.

— Мне только двенадцать, а мой член больше чем у тебя, ублюдок, — выплевываю я с кровью, которая украшает весь мой рот.

Он отбрасывает меня в сторону, и моё тело падает на пол с тошнотворным стуком подобно аромалампе. Он делает один, два, три гигантских шага в мою сторону, а затем наваливаться на меня со всей силой и мощью в двести с лишним фунтов, укрощая ребёнка.

— НЕТ! Папа. Нет! Я сделаю это! Пожалуйста! Пожалуйста, позволь мне сделать это!

Я не слышу мольбы Ноя, потому как моя истерзанная плоть полностью под весом отца. Я не слышу своего близнеца, который умоляет и плачет ещё сильнее, потому что мои крики слишком громкие.

— АЙЙЙЙЙ!

Крик возвращает меня к реальности, когда кусочки тёмного прошлого рассеиваются. Это маленькая девочка борется и кричит, когда член-под-простыней затаскивает её в комнату и захлопывает дверь.

Даже с закрытой в спальню дверью можно услышать приглушённое: «Я хочу к папочке!» «Я хочу к папочке!» — снова хнычет она. Этот высокий, сильный визг сливается с криками её отца. Смотря в сторону, я вижу, как Дро поднимает лом и бьёт База по правому колену. Он повторяет это снова и снова, словно вбивает гвоздь в дерево. Всё, что слышно, это крики. Так много чёртовых криков. «Папа! Папочка!»

— Заткнись или я проломлю твоему папочке голову! — терпеть не могу детей.

Молчание. Чёртово золото.

Подходя к Дро, я быстро понимаю, что его методы не действуют. Эти чёртовы вопли рано или поздно заставят кого-нибудь позвонить в полицию. И мне не хочется ошиваться поблизости, если они придут раньше.

Извлекая СИГ (прим.: пистолет) из задней части своих джинсов, я сокращаю расстояние между нами и наставляю пистолет на побитое лицо База.

— Где, блядь, долг?

Остаточное дерьмо после моего последнего воспоминания чертовки злит меня. Я не могу видеть ясно. Всё, чего я хочу, так это превратить кого-то в кровавое месиво. Прижимаю пистолет к виску База. Я готов выстрелить.

— Говори или я спущу курок.

Серьёзный, как чертова раковая опухоль, я снимаю предохранитель, и прижимаю палец к спусковому крючку. К дулу прикреплен глушитель. Никто ничего не услышит.

— Я... чёрт... ладно, чувак, хорошо. Там... там четыре штуки в задней части морозильной камеры, внутри вафельной коробки.

— И мой товар?

Глядя на его хныканье и покрасневшее лицо, мне хочется нажать на спусковой крючок. Я хочу, чтобы он сказал, что ничего не осталось. Хочу, чтобы Дро дал мне сигнал. Нажать на курок. Пристрелить его. У меня чешутся руки. Я смотрю на Дро, но он сосредоточенно

смотрит на База.

— Чёрт, Дро... блядь, мужик... Мне так чертовски жаль, мужик. Я... У меня кое-что осталось. Я должен был опробовать это... мой малыш, Феликс, он попросил, чтобы попробовать новую продукцию.

Процедив сквозь зубы, Дро спрашивает:

— Где мой товар?

— Ванная... в туалете. Я оставил его там... Я сложил всё в латексную перчатку, как ты и показывал мне, Дро. Оно внутри... внутри бачка.

Когда Дро кивает головой в сторону ванной, указывая мне, что я должен пойти и проверить, мне хочется сказать ему, чтобы он сам валил за своим дерьмом. Прямо сейчас я не хочу быть чёртовым мальчишкой на побегушках. Но я не говорю такое дерьмо в основном потому, что у меня есть достаточно уважения к нему, чтобы держать свой рот на замке, когда ситуация требует этого. Не буду лгать, чтобы убрать пистолет мне требуется минута или две, и только после этого я медленно отхожу от База. Опустив СИГ, я иду в ванную. Сняв крышку с бачка, ставлю её на раковину и возвращаюсь, чтобы заглянуть внутрь. В холодной воде покачивается плотно набитая бледно-жёлтая латексная перчатка. Как бы сильно мне не хотелось пристрелить База, без какой либо причины, кроме выбешивания меня из себя, я должен преподать идиоту урок на знания, как хранить СКАЙ. Я выхожу из ванной с мокрой перчаткой в руке и, перехватив мой бросок, Дро ловит перчатку, прежде чем она падает на пол. Затем я иду на кухню, где обнаруживаю белый холодильник Whirlpool, занимающий немного место. Держа в одной руке свой пистолет, второй я открываю морозильную камеру. Здесь ничего нет, кроме замороженного мяса с истёкшим сроком годности. Я продолжаю смотреть дальше. Коробка из-под вафель находится позади пустой формочки для льда. Две скатанные пачки наличных попадают в мои руки, когда я переворачиваю коробку. Просто чтобы проверить, я заглядываю внутрь, думая, что, возможно, две оставшиеся закрученные пачки застряли внутри картонной коробки.

Ничего.

Отложив коробку, я начинаю рыться в морозилке, выкидывая испорченное замороженное мясо, которое с грохотом падает на пол. Снимая резинки, я быстро пересчитываю каждую пачку, пока возвращаюсь в гостиную.

Протягиваю руку с наличкой Дро.

— Его обещанные две тысячи.

— Где мои остальные деньги, Баз?

Дро довольно-таки спокойно воспринимает всё это. Такой себе Мистер Невозмутимость. Он предпочитает вкладывать свои действия в слова, а не показывать их силой. Плачущий Баз, является доказательством этого.

— Пожалуйста, мужик... пожалуйста, просто дай мне ещё неделю... через неделю я верну тебе деньги. Я же хорош в этом, Дро. Ты же знаешь.

С усмешкой я говорю:

— Позволь мне пристрелить его.

Глаза База мечутся слева направо, глядя сначала на Дро, а потом на меня, и обратно. Просто интересно, позволит ли мне Дро пустить пулю в его башку. От тревоги и страха на его лице, я получаю кайф.

— Я хорош в этом! Пожалуйста, мужик... ну же Дроски, мужик... моя малышка находится там. Пожалуйста, не убивай меня, мужик...

Дальше следует тишина, и Дро, опираясь на лом, становится в полный рост. Он смотрит вниз на База.

Я вдыхаю воздух и принимаю себя.

— Иисус, блядь!

Делаю два быстрых шага назад от лужи мочи, которая вытекает из-под задницы База к нам, насмехаясь над этим хуесосом. Мне удаётся отскочить. Дро не так везёт, но на нём надеты сапоги, так что предполагаю, всё не так уж и плохо.

Он, кажется, так не думает.

— АЙЙЙЙ! АЙЙЙЙЙ! — Дро со всей силы ударяет своей гигантской ногой База между ног, придавливая его член и яйца своим ботинком. Я почти ощущаю жалость к парню. Не так чтобы очень, но всё же.

— Два дня. Я даю тебе ровно два дня, чтобы вернуть мои деньги, или тут будут соскребать не только твои мозги, но и твоей малышки, и пидарскую задницу твоего мальчика.

Снаружи, Дро зовёт меня следовать к его машине. Он открывает свой багажник, поднимает отсек, где держит запаску и извлекает оттуда коричневый бумажный пакетик.

— У тебя сегодня ночная вылазка. Три штуки. Туда и обратно. Маршрут четвёртый, под эстакадой Саут-Бенд. Коп будет ждать тебя, — он протягивает мне сумку, но сохраняет свою хватку на ней. Глядя на меня своими тёмными глазами, которые отражают недовольство, он говорит: — Просрёшь ещё раз, и я вгоню пулю в твою задницу.

— Было то один грёбаный раз...

— Одного долбаного раза достаточно, ребёнок. Мне приходится совершать много вылазок, когда ты вот так всё теряешь, — в конце концов, он отпускает сумку. — Езжай по просёлочным дорогам. Дай мне знать, когда всё сделаешь.

Мы разделяемся. Он оставляет меня в пыли, и я направляю свой грузовик вниз по дороге. У меня занимает сорок минут, чтобы добраться до эстакады Саут-Бенд. Я съезжаю вниз на гравийную дорогу, которая ведёт к разукрашенному граффити мосту. Здесь, под мостом целый рассадник бомжей, с их самодельными палатками, сделанными из брезента, и пожертвованной одеждой. Продуктовые тележки со всем необходимым для существования стоят возле окрашенных стен, обрызганных водой, заполняя всё пространство. Такой была наша жизнь на протяжении восьми месяцев после убийства-самоубийства наших родителей. В двенадцать лет мы оказались здесь со слишком большим количеством знаний о проклятом сексе и не очень большим о мире. Нам пришлось очень быстро учиться, потому что благотворительность не всегда давалась хорошо. Потому что люди всегда требовали что-то взамен. Око за око. Я делал то, что должен был делать, чтобы мы с Ноем выжили.

Мы не были объявлены в розыск или что-то подобное, но мы научились избегать полицейских и всех, кто смотрел на нас так, словно хотел нас трахнуть. Мы спали на скамейках в парке, под эскаладой как эта, и мыли свои задницы в общественных туалетах. Я крад то, что нам было необходимо для питания из магазинов. План состоял в том, чтобы двинуть на запад автостопом. Тут не было ничего особенного, просто решили, что где-то будет намного лучше, чем в Трентоне. Но всё пошло под откос, когда я украл несколько пакетов чипсов, газировку и конфеты. Вот тогда мы и попали в систему.

Покачав головой, чтобы прийти в себя и сосредоточиться, я выключаю фары и еду дальше. Я не собираюсь привлекать к себе лишнее внимание. Дело не в том, что я боюсь доноса, но здесь ошивается много наркоманов под кайфом, не говоря уже обо всех тех, кто

может задать ненужные вопросы.

Три вспышки фар привлекают моё внимание. Я подъезжаю ближе и обнаруживаю чёрный внедорожник, работающий на холостом ходу рядом с грудой длинных металлических труб. Я жду пять минут, потому что нужно быть очень осторожным с таким дерьмом, как это. Беру помятый бумажный пакет и помещаю его внутрь заднего кармана, после чего выхожу из своего грузовика. Последние два раза, когда я ездил с Дро на вылазку, полицейский сам выходил из машины навстречу. Я предполагаю, он не окажет мне такой любезности, поэтому остаётся сидеть в машине. В голове крутится один вопрос — не подстава ли это. Подстава для того, чтобы поймать Дро, но он послал меня, потому что знал об этом. Подставил меня для своего спасения. Эта циничная часть меня. Она никогда не позволяет мне чувствовать себя слишком комфортно. Но с моей удачей такое удовольствие невозможно. В любом случае, я не собираюсь сдаваться без боя. СИГ именно там, где я хочу, чтобы он был, уютно спрятан за моим поясом. Я могу достать его достаточно легко, если мне понадобится. Когда я подхожу к джипу, водитель открывает окно, но не полностью. Наклонив немного голову, я вижу того самого парня, которого запомнил.

Он выглядит именно так, как должен выглядеть полицейский. Высокий, широкоплечий и коренастый. У него по-прежнему эта дебильная стрижка, но он сбрил бороду с последнего раза, когда я его видел. Я пробегаюсь взглядом по пассажирскому сиденью. Там сидит девушка, но я не так много могу о ней сказать, кроме того, что на ней не так уж и много одежды. На ней надета спортивная кепка, которая прикрывает её длинные чёрные волосы, скрывающие лицо. Её челюсть движется, потому что, как я могу предположить, она жуёт жевательную жвачку, глядя прямо перед собой.

Резкое «Эй» сопровождается коротким свистом и щелчком пальцев. Когда я смотрю на него, он смотрит на меня остекленевшими, тёмными глазами.

— Есть что-то для меня?

Достав пакетик из заднего кармана, я вручаю его ему.

— Три штуки.

Он ухмыляется, добавив:

— Слышал, твой босс теперь имеет дело с каким-то новым продуктом.

Я пожимаю плечами.

— Не могу ничего сказать.

Он сужает свои глаза, но не говорит ни слова.

— Всё в порядке?

— Передай своему боссу, что если он хочет продолжать свой бизнес в моём городе, то ставки повышаются.

С непроницаемым лицом, я спрашиваю:

— Насколько?

— В два раза.

— Я передам ему сообщение.

Он ухмыляется.

— Какой послушный маленький мальчик на побегушках.

Стиснув челюсти, я говорю про себя: «Отсоси мне, ублюдок». Ясно, как чёртов день, в его глазах виден вызов, вражда, которая наталкивает меня на мысль, что он ждёт повода, чтобы повязать меня, но он ничего не дожждётся, как бы сильно мне не хотелось украсить его автомобиль пулевыми отверстиями. Я жду, пока он отъедет, прежде чем вернуться к своему

грузовику и отправиться домой.

Глава 6

Эйли

Сегодня пятница, и, как правило, мы должны быть в школе прямо сейчас, но нас отпустили раньше из-за встречи выпускников. Рейчел, Сара и я уехали первыми. Я не очень люблю сидеть на пассажирском сиденье, поэтому Сара заняла место рядом со своей матерью, в то время как я села назад. Когда мы подъезжаем к подъездной дорожке, я замечаю Тима, выходящего из боковой двери дома. Через тонированное окно я наблюдаю, как он идёт в сторону второй машины, припаркованной в гараже. Чёрной Додж Дуранго, на котором он ездит на работу. У него на плече висит большая сумка, тёмно-синего цвета, которую он забрасывает в багажник. Перед тем, как Рейчел отъезжает, Тим поднимает взгляд и смотрит прямо на меня, своими как смоль тёмными глазами. Дрожь пробегает по моей спине, когда он посылает мне небольшую ухмылку. Он словно знает, что я смотрю на него. Словно может видеть, как я смотрю на него сквозь тонированное окно. Я по-прежнему не решаюсь ехать в больницу.

Психиатрическая больница Бет Израиль находится в двадцати минутах езды от дома. Я могла бы поехать туда на велосипеде, как в принципе делаю обычно, но как только выпадает возможность, Рейчел с радостью вызывается побыть шофёром. Полагаю, ей нравился быть полезной. Я благодарю её за то, что подвезла, и она говорит мне, что заберёт меня через полтора часа. Она некоторое время стоит на месте, наверное, хочет убедиться, что я на самом деле попаду в группу. Если бы она могла, то, я уверена, водила бы меня везде за ручку. Войдя внутрь через вращающуюся стеклянную дверь, у меня появляется чувство, словно меня проглотили живьём. Чувство клаустрофобии, сдавливающее моё горло, когда я захожу внутрь, к счастью отступает. Мне становится легче дышать, когда я добираюсь до другой стороны. Фойе, как и в любой типичной больнице. Чрезмерно натёртые белые полы, яркие флуоресцентные лампы и скучные белые стены. Прямо передо мной зона регистрации с двумя сотрудниками, сидящими за длинным чёрным столом и отвечающими на звонки по телефону. Единственная отдалённо привлекательная вещь — деревянная лестница с кованными чёрными перилами справа от меня.

Я направляюсь к лифтам, расположенным ниже по коридору, и захожу в Старбакс на первом этаже, который ещё называют «зоной ожидания», а затем выхожу с чашкой холодного чая. Как только я заворачиваю за угол, то мне едва удаётся избежать столкновения с очень беременной женщиной и её парнем/мужем. Моё моментальное извинение не спасает меня от его гнева, и он продолжает материть меня.

— Глупая сука, смотри, блядь, куда прёшь!

Я бормочу еще одно извинение, прежде чем поспешно убегаю от ещё одной грубости. Без каких-либо ещё инцидентов, я запрыгиваю в лифт, нажимаю кнопку четвёртого этажа и выхожу из него, когда он прибывает на место назначения. Я последняя среди небольшой группы из восьми человек, которые ходят на занятия вместе со мной. Справа и слева по коридору, с застеленным ковром полом, тянется ряд закрытых дверей. Чёрные таблички с золотыми буквами висят возле каждой двери с указанием имён врачей и их специальностями. Амбулаторная групповая терапия проходит за пятой дверью слева от

меня. Я захожу внутрь и смотрю на семь знакомых лиц. Они все сидят вокруг белого прямоугольного стола. Каждый второй стул пуст, потому что никто не сидит рядом друг с другом, за исключением, конечно же, туповатой парочки в конце стола. Джей и Сильвии. Они поставили свои железные стулья настолько близко друг к другу, что Сильвия практически сидит у Джейа на коленях. Их руки лежат на столе, словно если они опустят их, то это будет считаться богохульством. Пять стульев по-прежнему остаются свободными. Я занимаю пустой стул недалеко от Сильвии, и проходит не так много времени, когда остальные четыре человека заходят в комнату, замыкая нашу группу из двенадцати человек. У нас два социальных работника, ответственных за нашу группу. В понедельник, среду и пятницу групповую терапию ведёт Патриция Уоллис. А по вторникам и четвергам Реджина Петерсон. Мне больше нравится Патриция, потому что из них двух, кажется, она гораздо более опытна в своей работе, чем её коллеги. Кроме того, она умеет сочувствовать, поэтому с ней легко разговаривать. Так что я немного разочарована, что вместо Патриции сегодняшнее занятие ведёт Реджина.

— Я буду вести занятия вместо Патриции следующие две недели, — объявляет она.

— Почему? — спрашивает девушка, сидящая напротив меня.

Поправляя свои очки на носу, Реджина вздыхает.

— Я не уверена, Эллисон. Всё что мне известно, что она будет отсутствовать некоторое время.

— Я слышала, что её поймали за очень непристойным делом со своим пациентом. Это правда? — в то время как остальная часть комнаты заходится смехом, я смотрю на реакцию Реджины. Несмотря на то, что она пытается сохранять спокойствие, на её лице всё же отражается досада.

Хмурая складка появляется у неё на лбу.

— Как насчёт того, чтобы начать занятие, — это не вопрос. — Думаю, сегодня мы поговорим о собственном контроле.

Она становится возле доски и начинает вытирать её, а затем пишет какие-то неразборчивые слова, что выглядит так, будто писала курица лапой. Я достаю альбом из сумки и открываю его на той странице, где находится моя недавняя работа. Я не совсем её игнорирую. Я слушаю вполуха о чём она говорит, но она не говорит ничего нового, чего бы я раньше не слышала. Это будут долгие девяносто минут её назойливого голоса. За это время я могу закончить свой эскиз. Звук голоса Реджины отходит на задний план, когда вдохновение захватывает меня. Я теряюсь в своей работе, двигая пальцами с древесным мелком по странице, изображая демона. Одного из моих, вероятнее всего. Но другой человек вдохновил меня на этот жуткий рисунок. Чем больше отвратительного, тем лучше он кажется.

На моей странице монстр. Он состоит из резких, острых, жирных, чёрных линий и теней. У него дьявольские чёрные глаза и когти, которые тянутся вдоль альбома с целью вырвать меня из надуманного блаженства. Звук открывающейся двери возвращает меня в реальность. Как и все остальные в комнате, я автоматически перевожу взгляд на дверь. Требуется всего мгновение, чтобы моё сердце пропустило удар, а мой разум пустился в скачки.

Что он тут забыл?

Этот вопрос застревает в стенках моего разума, пока я осматриваю его. Он одет в чёрный балахон, чёрные потёртые джинсы и изношенные чёрные сапоги. У него сегодня причёска рок-звезды — волосы спутаны, будто он только что встал с постели. Всё говорит о

его присутствии. Это что-то настолько неповторимое, принадлежащее только ему, что я не могу отвести взгляд или продолжить рисовать. И это заставляет меня немного выпрямиться в кресле. Он обладает таким магнетизмом, что я смотрю на него, как на второе пришествие. Это также объясняет, почему, когда я пытаюсь сглотнуть, возникает такое ощущение, словно у меня во рту Сахара.

— Привет, — Реджина встречает его с натянутой улыбкой, нарушая неловкое молчание, возникшее с его приходом, — добро пожаловать в группу.

Он ничего не говорит в ответ, только протягивает ей сложенный листок бумаги и идёт дальше. У него медленная, ленивая походка. Неторопливо, словно само время должно подстраиваться под его грацию. Я быстро отвожу взгляд, когда он проходит мимо меня. Не хочу быть пойманной на том, что смотрю. Его ненависть, привлекает меня ещё больше, вместе с этим принося страх. Напряжённость пронзает мой позвоночник, когда он плюхается на сиденье рядом со мной. Из-за пота на моей коже, я одновременно ощущаю и холод и тепло. Следующий час и пятнадцать минут сладко невыносимые. Пытаюсь сосредоточиться на рисунке, что становится всё труднее сделать, и я не могу преодолеть это. Я вижу его уголком глаза, но не очень хорошо. И когда я приказываю себе не смотреть, желание сделать обратное, настолько сильное, что мне трудно бороться с ним. Я немного поворачиваю голову и скольжу взглядом по чертам его лица. У него широкий лоб и низко посажены брови над дремлющими глазами. Когда он спит на него легче смотреть. Я изучаю его квадратную челюсть и ямочку на подбородке, которая ведёт к мрачной линии его рта. Небольшой белый шрам, заметный только вблизи, тянется к уголку его нижней губы. На его носе виднеется небольшая горбинка, но это едва портит его мужскую красоту. У него высокие острые скулы и тёмные ресницы, соответствующие цвету его волос. Они выстрижены по бокам, а верхнюю часть он собрал в небольшой хвостик. Мои глаза возвращаются к его рту, если быть точнее к шраму, и в этот момент, когда мне становится интересно, откуда он у него появился, Реджина объявляет, что занятие окончено.

— Ладно, ребята, буду ждать вас на следующей неделе. Хорошо позанимались сегодня.

Я не знаю. Я была занята разглядыванием своей живой музыки. В то время как все встают и покидают комнату, задвигая стулья и слишком громко разговаривая, Мэддокс продолжает спать, абсолютно необеспокоенный шумом. Я отталкиваюсь от стола, готовая следовать за всеми остальными, а затем, прежде чем успеваю подумать об этом, протягиваю к нему руку, намереваясь его разбудить. Это совершенно глупо и нехарактерно для меня, и, к счастью мои нервы вступают в игру в следующую секунду, останавливая руку и сдерживая короткий приступ безумия. Моя рука по-прежнему парит в нескольких дюймах от его татуированного плеча, и я чувствую тепло, излучаемое его телом. Адски горячо. А возможно это просто разыгралось моё воображение или оно просто выдаёт желаемое за действительное, но его кожа как магнит, которая притягивает мои пальцы настолько сильно, что мне приходится сжать их в кулак, чтобы удержаться от прикосновения к нему.

«Ты должна уходить»

Это простое предостережение, которое шепчет мой разум.

«Не будь трусихой».

Я молча насмехаюсь над этим.

«Слишком поздно».

Благодарная тому, что его глубокий сон уберёт его от моих чудачеств, я собираю свои вещи и покидаю комнату так быстро, как только могу, спотыкаясь о свои ноги в коридоре. Я

достаточно быстро осознаю, что иду к центральному лифту, но это не спасает меня от смущения. Три женщины, стоящие у двери, болтают и по непонятным причинам хихикают, когда я прохожу мимо них. С покрасневшими щеками, я захожу в пустой лифт и нажимаю кнопку L, когда вижу его, идущего в мою сторону. Он плавно проскальзывает между двумя закрывающимися серебряными дверями. Я не знаю, куда деть саму себя. Не знаю, как действовать. Тяжёлые вибрации бесконечной тишины, иногда перерывающиеся жужжанием проводов лифта, постепенно доставляют нас к пункту назначения. В этом узком, замкнутом пространстве, я всё больше осознаю масштабы его силы. Он словно сила притяжения, а я всего лишь осколки, полностью зависящие от его влияния. Я чувствую, как ускоряется моё сердцебиение, задевая рёбра грудной клетки и усиливая беспокойство. С каждым порывистым вздохом, я наполняю его запахом свои лёгкие. Такой аромат принадлежит только ему. Это смесь солнца, дерева и свежескошенной травы. Запах настолько пряный, что так и тает на моём языке, словно шоколад. Это крошечный ад, который длится слишком долго, но недостаточно, поскольку лифт наконец-то останавливается. Я выхожу первой и горжусь собой, что у меня хватает мужества не повернуться и не посмотреть назад. Делая вздох, я прохожу через вращающуюся дверь на улицу. Посмотрев сначала налево, а потом направо, я замечаю машину Рейчел на стоянке, которая не спеша направляется ко мне.

— В следующий раз, — я ощущаю резкое удущье, мои глаза расширяются, — просто коснись меня, — он говорит эти слова с приглушенной резкостью. Шёпот его тёплого дыхания, касающийся уха и шеи, посылает рой мурашек по моей спине. Он уходит в тот момент, когда подъезжает Рейчел. Моя кожа покалывает, сердце учащённо бьётся. Продолжая стоять на тротуаре, словно парализованная, я смотрю на его удаляющуюся спину. Засунув руки в карманы джинсов, он идёт в сторону стоянки, пока полностью не исчезает из поля моего зрения.

— Эйли, милая, ты в порядке? — голос Рейчел выводит меня из временного онемения. Открыв заднюю дверь, я скольжу внутрь и сильно хлопаю ею.

— Да, — я пристёгиваю ремень безопасности. — Я в порядке.

С замиранием сердца ожидаю, что она спросит о Мэддоксе.

— Как прошла терапия?

Тихий выдох вырывается из меня, когда я падаю обратно на сиденье.

— Хорошо.

В любом случае я никогда не была очень красноречива в своих ответах о терапии, поэтому, когда отвечаю одним словом, тут нет ничего необычного. Но я отвлекаюсь. Мой взгляд устремлен в тонированное окно. Рейчел должна повернуть налево и выехать через больничную парковку. Бессознательно я придвигаюсь ближе к двери и теперь уже поворачиваю голову полностью, бродя взглядом вокруг. Выискивая... стараясь увидеть хоть какой-нибудь проблеск его присутствия. Ничего. Его нигде нет.

Часть меня проигрывает ту сцену снова и снова, после того как мы возвращаемся домой, ужинаем, и я принимаю душ перед сном. Но сон так и не приходит. Я сижу на своём подоконнике в позе лотоса, держа альбом. С помощью угля его образ ложится на бумагу. Но, как обычно, мой эскиз не соответствует реальности. Тем не менее, я пробегаюсь пальцами по его щеке и закрываю глаза, представляя себе излучающий его телом жар у меня под рукой.

В следующий раз... просто коснись меня.

Серьезная интонация его голоса эхом отражается в моём сознании, она настолько

реальна, что я распахиваю глаза и оглядываюсь вокруг, ища его. Засунув карандаш в уголок своего рта, я бездумно жую его, пока анализирую смысл сказанных слов. Они кажутся довольно простыми, но мне всё же интересно, что он имел в виду. Есть ли в них большее значение? Или я придаю этому слишком много внимания? Очевидно, он просто пошутил. Но мы с ним до этого почти не общались, и это не может быть чем-то обычным. У нас совместные занятия по астрономии, на которых он показывается крайне редко. Мы не знаем друг друга достаточно хорошо, чтобы вот так вот шутить. Я даже не думаю, что он знает моё имя.

«Нет, но он знает о твоём существовании», — быстро комментирует мой разум.

В следующий раз... просто коснись меня.

Должна ли я? Смогу ли? Идея, чтобы прикоснуться к нему...

Отчетливый скрип за дверью моей спальни немедленно прерывает мои мечтания. Я сижу очень тихо, в то время как моё сердце бьётся так сильно, словно пустилось в пляс. Желчь поднимается по моему горлу, горячая и кислая, покрывая заднюю часть горла. Отвращение заставляет меня вытащить карандаш изо рта и прислонить его к предплечью. К одному из многочисленных, толстых, уродливых шрамом. Я медленно провожу металлическим наконечником вверх и вниз по руке, с каждым разом надавливая немного сильнее, потому что это позволяет избавиться от ощущения крошечных личинок, извивающихся под моей плотью. Мой взгляд устремляется к двери, из-под которой две чёрные тени от пары ног прерывают поток света, говоря о том, что там нет никого кроме Тима. Если бы это была Рейчел или Сара, они бы уже что-то сказали. Тим — Тим всегда ходит тихо. Призрак из плоти и крови бродит за моей дверью. Тихий, как весь остальной дом в это время ночи. Я начинаю сильнее вдавливать карандаш, когда он хватается за дверную ручку и поворачивает её. Заперто. Он пытается снова.

Поворот. Толчок. Толчок.

Поворот. Толчок. Толчок.

Поворот. Толчок. Толчок.

Я считаю до ста, пока он стоит там.

Уходи.

Уходи.

Уходи.

Он ждёт. Ждёт, что я открою дверь.

Поворот. Толчок. Толчок.

Поворот. Толчок. Толчок.

Поворот. Толчок. Толчок.

Ждёт, что я впущу его внутрь. Ждёт... ждёт свой маленький сладкий цветочек.

Желчь, скопившаяся в моём горле, выходит наружу. У меня всего несколько секунд, чтобы упасть на колени, прежде чем переваренные комочки пасты и мяса от гамбургера забрызгают весь деревянный пол. По ощущениям я рвусь целую вечность, пока не остаётся ничего кроме тошноты. Этого недостаточно. Этого никогда не будет достаточно, потому что я до сих пор чувствую себя грязной внутри. Я купаюсь в мерзкой, тягучей грязи. Я тону в ней.

Мне нужно освободиться от этого. Мне нужно...

Поднявшись на ноги и не обращая внимания на тот беспорядок, который устроила, я направляюсь к кровати. Сгорбившись, поднимаю и отталкиваю матрас, находя внизу

двойную коробку. У меня только одно на уме. Словно у наркомана. Я жажду дозы. Я тянусь к своему спрятанному лезвию. Моей маленькой, блестящей нержавеющей стали, которая всегда приходит на помощь. Нет, не запястье. Слишком очевидно. Слишком заметно. Рейчел проверяет там. На внутренней стороне моих бёдер, где есть другие многочисленные порезы, которые покрывают мою кожу, словно железнодорожные пути, я и делаю первый надрез. Это долго. Я начинаю с внутренней области паха, волоча лезвие вниз к колену.

Это очищение для меня.

Жжение от лезвия, когда оно рассекает кожу, настолько же привычно, как и сладкое освобождение, которое следует за всем этим. Ослепительно красная линия, словно прокладывает дорогу на карте, и я следую за ней, желая узнать, куда она меня приведёт. Смутно осознавая, что он ушёл, я позволяю трансу толкнуть меня дальше. Я режу, и режу, и режу, и режу. Переносу своё внутреннее горе на нечто физическое. На что-то, что могу контролировать. Шрамы, будут напоминать мне, что то, что я чувствую внутри — реально. Метки моих монстров. Я словно под заклинанием. Ничего не слышу. Витаю в облаках. Сердце медленно бьётся. Я крепко сжимаю пальцами лезвие, пока раны становятся всё больше.

Дорога, которая, в конце концов, приводит в тупик. Путешествие закончилось. Реальность приходит на смену трансу, разбивая защитный кокон и оставляя меня уязвимой перед миром, который слишком жёстко ощущается на моей коже. В тех местах, где красные линии украшают внутреннюю сторону моих бёдер, всё горит пламенем. Это выглядит ужасающе — кровавое месиво на моей светлой коже. Облегчению ушло, застыв под пульсирующей плотью и оставив после себя пустую оболочку. Я поднимаюсь на автомате, чтобы очистить себя. Включаю холодную воду и начинаю сильно тереть мочалкой бёдра, чтобы смыть свой позор. Ненависть к самой себе осязаема в розовой воде, заполняющей раковину, пока её полностью не засасывает в канализацию. Известный вкус отвращения заполняет мой рот: горький и мерзкий. Красно-белая зубная паста сменяется приятной мятой. Я выключаю свет на втором этаже в ванной, присоединенной к моей комнате, и следую к рвотной лужице под моим подоконником. Мой альбом валяется на полу, он покрыт брызгами красного соуса. Образ Мэддокса покрываю пятна. Я вырываю страницу из блокнота и разрываю её пополам, а затем выбрасываю в мусорную корзину. Я не обращаю внимания на символику.

Он не для меня. Я не для кого-либо. Я не могу хотеть чего-то большего, что у меня есть сейчас, потому что я слишком грязная. Я не хочу, чтобы кто-то прикасался ко мне, боясь оказаться в том же дерьме, что и я. Убрав весь беспорядок, я беру альбом и снова кладу его на подоконник. Забравшись в кровать, натягиваю одеяло на голову. И окружённая теплом, я проваливаюсь в сон.

Глава 7

Эйли

Утро понедельника подкралось медленно, словно туман. Собравшись, я спускаюсь вниз по лестнице. Каждый сделанный шаг отдаётся зудом, напоминая о том, что я сделала прошлой ночью. Никаких сожалений. Только тончайший намёк на удовлетворение. Я сделала то, что должна была сделать, и только мне с этим жить. Это тёмная сторона острых

ощущений. Завтрак ждёт меня. Сара бормочет приветствие, но её глаза остаются приклеены к книге, которая лежит рядом с её тарелкой блинов. Рейчел до сих пор одета в свой халат. Напевая что-то нежное, она поворачивается в мою сторону:

— Доброе утро, дорогая.

Улыбка на её лице не имеет себе равных. Тим, наверное, уделил ей особое внимание. Я знаю, потому что это обычная рутина. Когда он достаточно пьян для того, чтобы маячить под моей дверью и убеждаться, что ему отказано в посещении, он переносит свои срывы на Рейчел. Иногда он бьёт её. Иногда, он делает что-то нормальное и показывает ей ту любовь, которая должна быть между мужем и женой. Запирание двери в мою спальню стало необходимостью, и он не был достаточно смел, чтобы сказать мне оставлять её открытой на ночь. Ни разу с тех пор, как я начала оставлять шрамы на своей плоти.

Сегодня утром он отсутствует. Вероятно, на работе, но мне на самом деле всё равно до тех пор, пока не придётся иметь дело с его присутствием.

— Тебя подбросить в школу?

Я качаю головой.

— Я доеду на велосипеде.

Она хмурится.

— Не знаю, почему ты настаиваешь продолжать ездить на этой штуке. У тебя ведь есть права. Твой отец и я найдём тебе автомобиль. Воспользуйся им, по крайней мере, хотя бы раз, он намного надёжнее, чем этот хрупкий велосипед. И только подумай, ты сможешь положить в него свои сумки, вместо того чтобы тащить их на спине и в этой корзине.

Эта лекция, которую я слышала слишком много раз, и мне вот интересно, не устала ли она говорить на эту тему, так как я устала об этом слушать.

— Мне не нужен автомобиль, — не хочу, чтобы автомобиль стал ещё одним способом манипулирования мной для Тима. Я хочу, чтобы у него было как можно меньше контроля над моей жизнью, начиная с сегодняшнего дня и до окончания школы в июне. Я жду. Выжидаю время, пока не закончу среднюю школу. До экзаменов осталось несколько месяцев. А затем, всё что мне нужно — подать заявления в несколько колледжей и ждать поступления. Любой колледж с изучением гуманитарных наук и настолько далеко отсюда, насколько это возможно, вот о чём я мечтаю. Мне просто нужно немного подождать. — Могу я остаться в доме Мэллори после школы? — откусив несколько раз яйцо, я хватаю тост и поднимаюсь на ноги. — У нас проект по социологии, нужно работать, — я смотрю на неё, ожидая ответа.

— Хорошо. Просто будь дома к ужину.

— Окей.

Договорив и попрощавшись, я выхожу из кухни и направляюсь к заднему дворику. Моя школьная сумка и альбом ожидают около французских дверей. В велосипеде нет ничего особенного. Я купила его в комиссионном магазине на втором году обучения в старшей школе за двадцать пять долларов. В нём необходимо было поставить новую цепь и накачать колеса, прежде чем я смогла на нём ездить. Пришлось просмотреть несколько видео на YouTube, чтобы выяснить, как заменить цепь и накачать шины, и как оказалось, в этом не было ничего сложного. Он до сих пор служит мне верой и правдой. Положив сумку внутрь бирюзовой корзины, которую я прикрепил сама, натягиваю рюкзак на плечи и отвожу велосипед от боковой стены дома. Обутой в конверсы ногой, убираю подножку, а затем перекидываю её через сиденье и сажусь. Бригам Хайт находится примерно в двадцати

минутах езды от моего дома на машине. На велосипеде мне придётся ехать на десять минут дольше.

День тянется слишком долго, но это не удивительно, ведь сегодня понедельник. Будний день проходит весь в занятиях, пока не наступает время обеда.

Когда я вхожу в класс биологии, звенит звонок на пятый урок. Проходя по проходу мимо двенадцати чёрных столов с установленными на них кранами и раковинами, я подхожу к своему месту в третьем ряду с левой стороны. Поставив сумку на пол рядом со стулом, занимаю место рядом с окном. Мэллори ещё нет, но я знаю, что она не будет возражать. Она предпочитает место возле прохода. По её словам, это облегчает задачу мистеру Хэммонду проверять её. Она уделяет особое внимание учителю по биологии. Но так можно сказать обо всех остальных девочках в школе. Думаю, мистера Хэммонда можно назвать красивым, у него как у типичного американца голубые глаза и светлые волосы. Не мой тип, если честно. Не думаю, что у меня есть какой-то определённый тип. Но затем в моей памяти всплывают пара впечатляющих серых глаз, и я не знаю, что это означает. Я хмурюсь, сведя брови вместе, и стараюсь найти этому объяснение, но второй звонок на урок в сопровождении с голосом мистера Хэммонда спасает меня от размышлений.

Проходит пятнадцать минут от начала урока, и мне становится интересно, где носит Мэллори, когда открывается дверь и входит она. Мэллори одета в своём репертуаре. Чёрно-белые конверсы, укороченный лёгкий свитерок, позаимствованный у кого-то, не скрывает её микроскопических джинсовых шорт, которые едва прикрывают её задницу. Её взъерошенные густые чёрные волосы обрамляют лицо. Королева красоты с красивыми зелёными глазами, безупречной загорелой кожей и изгибами, которые проявились у неё в начальной школе; Мэллори Петерс — мечта каждого парня.

Она пробегается взглядом по классу.

— Какое ваше оправдание на этот раз, мисс Петерс?

Мэллори разработала план в начале нашего старшего года два месяца назад, чтобы привлечь внимание мистера Хэммонда. В этот план входило не только не приходить на его контрольные, а и нарочно опаздывать в класс и прерывать его занятия. Не уверена, разгадали ли он её план, но могу сказать по выражению его лица, что он устал от её выходов.

— Мне жаль, — она строит глазки, улыбаясь при этом, как бы создавая видимость покаяния. — Я была в кабинете медсестры, — она стоит рядом с ним, в трёх или около того дюймах, и будто догадавшись, что их близость будет считаться неуместной, он передаёт ей карточку и отступает от неё.

— Задержитесь после урока.

Она вздыхает, как будто это последнее, что ей хочется делать.

— Ладно.

Она отходит, покачивая своими бёдрами — это то, чем всегда восхищалась, и чему мне никогда не удавалось подражать. Её улыбка может посоперничать с блеском солнца, когда она, наконец, занимает своё место рядом со мной. Я практически могу слышать, как она мысленно визжит, прошло уже двадцать минут и её не интересуется лабораторная, поэтому она решает поговорить со мной.

— Он хочет меня, — я не могу сказать, правда это или нет, но уверена, что её не волнует моё мнение. Когда Мэллори вбивает себе что-то в голову, то другое мнение для неё перестает существовать. — Это всего лишь вопрос времени, — она направляется в противоположную сторону комнаты, чтобы взять необходимые материалы для

препарирования жабы, которая лежит в серой сковороде передо мной.

Выбрав скальпель из множества различных инструментов, она возвращается назад, и я поднимаю голову, произнося:

— Раз ты так считаешь.

Я ненавижу разговоры. Я ненавижу то, что она задумала, хорошо осознавая, что это плохо кончится. Она моя лучшая подруга. Мы знаем друг друга с девятого класса. Она была со мной несмотря ни на что, даже когда я не делилась с ней правдой. Она задавала вопросы, но никогда не требовала ответы, потому что понимала, что я не была к ним готова. И этот факт не беспокоит меня больше, чем те моменты, когда я не могу сказать ей, сколько раз я оказывалась на грани. Я не могу. Я не стану этого делать. Поэтому я ничего не говорю и это правильно. Она не замечает этого. Думаю, она принимает моё молчание за заботу. Она привыкла к этому. Вполуха слушая то, о чём она болтает, я разрезаю скальпелем лягушку, отчаянно желая, чтобы это была моя кожа, и острое лезвие разрезало на куски меня. Я вдруг чувствую, что разрезом, сделанных прошлой ночью, мне не достаточно. Я могла бы шагнуть дальше. Я могла бы нанести их больше. Мне хочется выпить. Эта внезапная мысль проносится с притоком острой тоски внутри, словно удар кулаком в солнечное сплетение. Тихое присутствие тревоги тонкой пеленой окутывает мой разум и мне становится невыносимо вспомнить хотя бы один из моих навыков для преодоления такого рода проблем. Но если честно, мне и не хочется бороться с этим сейчас. Паника словно цепь окутывает мою щиколотку, увлекая меня в тёмную бездну страха, которая поселилась в моей душе, где уже подстерегают мои демоны. Моё сердце начинает колотиться сильно и жестко в груди, и боль становится настолько невыносимой, что её невозможно терпеть. Невидимая ткань, пропитанная хлороформом накрывает мой нос, медленно забирая моё дыхание, пока мои лёгкие не начинают гореть, требуя воздуха.

— Эйли? С тобой всё хорошо?

Нет, не думаю. Я слышу беспокойство в её голосе. Я вижу это на её красивом лице. Я поворачиваю голову и обнаруживаю, что все взгляды устремлены на меня, изумление читается на их лицах, словно я главная зверушка в цирке. Моя реальность искажается, когда я ощущаю, как стены начинают давить на меня. Я поднимаюсь на ноги и начинаю двигаться, словно они сами по себе и движутся быстрее, чем моё сознание успевает дать команду.

— Эйли!

Я бегу. Куда? Понятия не имею. Вот я уже в коридоре, шкафчики и закрытые деревянные двери становятся нечёткими. Мне нужен воздух. Мне нужно...

Резать.

Резать.

Резать... чтобы избавиться от капкана.

Резать... чтобы выпустить пар.

Резать... чтобы кровоточили раны.

У меня зарождается цель. Нужно место. Девчачий туалет прямо передо мной, нужно только завернуть за угол. Мне просто нужно добраться туда. Освобождение скоро придёт, нужно только подождать. Мои руки и ноги двигаются быстро, толкая меня вперёд. Всё о чем я могу думать — это порезы. Мазохистский наркоман рычит внутри меня, требуя крови. Ничто и никто не имеет значения. Скальпель в моей руке. Я не оставила его в классе, потому что подсознательно знала, что он мне пригодится. Я нарочно сильно сжимаю руку на лезвии, чтобы оно впивалось в мою ладонь. Невероятная нужда сделать большее, заставляет

меня задыхается. Всё мое внимание сосредоточено на желании изувечить своё тело, но всё превращается в шок, когда я врезаюсь в непробиваемую стену реальности. Удар выбивает из меня весь воздух, и я падаю на пол. Качая головой и стараясь прийти в себя, я замечаю стоящую передо мной большую пару чёрных ботинок. Мужские ботинки, потрёпанные и изношенные.

Я прослеживаю взглядом расшнурованные ботинки и сильные мужские ноги, одетые в чёрные потёртые джинсы. Наклонив голову назад, исследую мощное худое тело, на котором надета рубашка с V-образным вырезом. Даже до того, как перед моими глазами появляется геометрическая звезда, покрывающая горло, я уже знаю, что это он. Он излучает мощь. Это типичная грубость и осязаемый магнетизм, который явно не перепутаешь не с чем другим. Я смотрю вверх, в то время как он смотрит на меня сверху-вниз своими очаровывающими серыми глазами, которые блестят как лезвие бритвы. Когда я уже думаю, что он не может выглядеть ещё более устрашающим, он опускает своё тело вниз. Сидя на корточках, он поднимает свою большую татуированную руку и тянет её к моему лицу. Я задерживаю дыхание, интересуюсь, будет ли он бороться с собой, как я, чтобы прикоснуться ко мне. Я даже не чувствую боль от падения. Безумное желание причинить себе боль сейчас слабо пульсирует под моей кожей, словно подчиняясь его присутствию.

— Ну, и кто тут у нас... — этот хриплый голос вовсе не отталкивающий. — Это мой маленький сталкер, — говорит он, улыбаясь краешком рта. Тепло разливается по моим венам от того, что он только что сказал. Унижение так сильно пылает под моей кожей, что я ощущаю, как горит моё лицо.

Он знает.

Возмущённая и взволнованная, я опускаю глаза, чтобы избежать его понимающего взгляда.

— Ты плачешь.

Это не вопрос. Я вижу, как он опускает руку. Моя щека остается нетронутой. Я качаю головой

— Я не плачу, — это жалкая ложь становится более очевидной, когда я поднимаю руку и вытираю покрытые слезами щёки, я даже не знала, что плачу.

Его ухмылка пропадает.

— Не пойми меня неправильно, но ты не умеешь врать. Давай.

Поднимаясь на ноги, он протягивает мне руку. Я несколько секунд мешкаюсь, прежде чем вложить свою руку в его. Его хватка сильная и твёрдая, когда он поднимает меня на ноги без особых усилий. Он смотрит на меня этими алмазными, полными пронизательности глазами, которые лишены эмоций. Мой взгляд блуждает по его лицу, и он стоит так близко, что я в восторге от его необычной красоты. Он словно статуя, скульптура, отлитая скульптором в честь Бога, и созданная исключительно для поклонения.

— Эйли, правильно?

Я моргаю, когда незнакомые ощущения проходят через меня при звуке моего имени слетающего с его пухлых губ.

— Да.

Что-то необъяснимое потрескивает в воздухе между нами, или, может быть, это просто разыгралось моё перегруженное воображение, от осознания, что он по-прежнему крепко держит мою руку. Он опускает голову, волосы падают ему на лоб, и желание убрать их обратно настолько сильное, что мне приходится бороться с ним.

— У тебя кровь идёт, — я дважды моргаю — так мой мозг пытается сообразить, что он сказал. Он поворачивает мою руку, обращая ладонь к потолку. Я уронила скальпель либо когда падала, либо когда он помогал мне подняться на ноги, но доказательство того, что я держала что-то острое, отражается на моей покрытой кровью ладони. — Разве тебе неизвестно, что ты не должна держаться за лезвие? — моя попытка убрать руку, оказывается бесполезной, поскольку он удерживает хватку. — Или может ты этого хотела.

Его пристальный взгляд раскрывает всё притворство, и на какое-то мгновения я стою перед ним словно голая, выставляя свою уязвимую часть. Я не могу... не могу позволить ему увидеть это уродство. Не могу позволить ему увидеть эти ужасные шрамы. Вырвав свою руку, я делаю несколько шагов назад. Мои глаза возвращаются к его лицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как он отходит от небольшого шока из-за моего резкого поступка. Любопытство появляться в выражении его лице, когда он устремляет свои пронизательные серые глаза на меня.

— Ещё советы?

Я смотрю куда угодно, только не на его лицо.

— Не режь себя слишком глубоко.

Он уходит, не оглядываясь назад, его слова висят в воздухе, когда я наблюдаю, как он исчезает за деревянными двойными дверями в конце коридора. Я не уверена в том, как долго здесь стою, но меня выводит из транса звонок. Ученики выходят из своих классов, заполняя коридор, словно один большой поток волны. Краем глаза я замечаю скальпель слева от меня и быстро подбираю его. Сунув в карман, выпрямляюсь, готовая незаметно раствориться в толпе.

— Эйли!

Я только сейчас замечаю Мэллори, когда она спешит ко мне, прорываясь сквозь толпу и неся мой рюкзак и свою сумку.

— Господи, ты напугала меня до чёртиков. Скажи мне, с тобой точно всё хорошо?

Этот вопрос должно быть уже вытатуирован на моём лбу. Что люди подразумевают под словом «хорошо»? Они спрашивают, потому что действительно обеспокоены или просто из вежливости? Я предполагаю последнее. Не думаю, что люди хотят услышать ваш ответ, кроме как на позитивной ноте, потому что это помогает им избежать неприятностей, фактически избавить от лишней заботы.

Забирая у неё свои сумки, я заставляю себя улыбнуться.

— Спасибо, Мэл. И да, я в порядке.

— Я так волновалась! Мне пришлось отложить свой разговор с Хэммондом, чтобы догнать тебя. Боже, ты видела его сегодня?

Ну, вот вам и её забота, вернее её конец. В очередной раз использую своё умение слушать вполуха, возвращаясь мыслями к Мэддоксу. Его слова, так же как и в последний раз, оказывают влияние. Они не отпускают меня, снова и снова прокручиваясь в моей голове, поэтому я откладываю их в своей памяти, чтобы тщательно обдумать позднее.

*****

Астрономия моё последнее занятие на сегодня. Оно так же является одним из моих любимых. Но мистер Соломон имеет тенденцию много болтать и, учитывая мою сосредоточенность, я снова почти не слушаю, пока он говорит о последней индукции

Плутона как планеты. То, что я сосредоточена на двери в класс нервирует меня. Знаю, глупо на моём месте думать, что он сделает что-то неожиданное и покажется в классе, но я не могу ничего поделать с небольшим приливом надежды, который держит меня на привязи с бесполезным ожиданием. Я жду и жду продления маленькой вечности, которая в конечном счёте застынет внутри меня, словно кровь на свежей ране. Через сорок пять минут, за пять минут до окончания занятия, я вынуждена вернуть своё внимание на мистера Соломона, поскольку он начинает раздавать нам наше последнее задание. Проектная группа. Просто зашибись.

К счастью, он разбивает класс на группы по два человека. Сидящий с вами сосед является вашим партнёром. Девушка, которая обычно сидит рядом со мной, Мина, заболела на прошлой неделе. У меня нет партнера. Но в этом нет ничего нового, учитывая, что когда я состою в партнёрстве с кем-то из класса, большую часть работы делаю я. Звенит звонок и каждый собирает свои вещи, чтобы уйти. Я иду последней. Подойдя к столу мистера Соломона, я останавливаюсь. Он, склонившись над кипой бумаг, водит по ним своим красным маркером, перелистывая и оставляя на каждой отметку в виде X.

— Мистер Соломон, — он перестает перебирать бумаги и смотрит на меня с любопытством в своих карих глазах.

— Да, Эйли?

Я хочу спросить, могу ли я принести наброски, которые в общих чертах опишут наш с Миной проект, чтобы посмотреть можно ли мне будет работать с ней. Но из моего рта вырывается совсем другое.

— Я хотела бы Мэддокса к себе в партнёры... если вы не против, я имею виду... — я мнусь, мой чисто инстинктивный порыв умирает вместе со сказанным предложением.

Густые брови взлетают к залысине, явно от неожиданности. И думаю, у меня то же выражение на лице, потому что я не могу поверить в то, что только что сказала.

— Ты же осознаёшь, что Мэддокс Мур не показывался на занятиях с начала года, да? Сейчас почти октябрь, он пропустил много занятий.

Я киваю в согласии, готовая сказать ему, что согласна и это плохая идея, и что он должен просто забыть об этом, потому что я сумасшедшая. А сумасшедшие люди, как правило, не думают, о чём говорят.

— Знаю, но я подумала, что смогу побыть его партнёром в этом задании, и если он не будет против, я бы с радостью помогла ему догнать остальное, что он пропустил до этого.

Видите, сумасшедший разговор с крайне неуравновешенной девушкой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Откинувшись на спинку стула, он говорит:

— Могу ли я поинтересоваться, откуда такое внезапное стремление помочь Мэддоксу?

Я пожимаю плечами, не зная, как ответить.

— Я хочу попросить его попозировать для моего портфолио, и если я помогу ему, то существует большая вероятность, что он согласится.

Ну, в этом и заключается план. Я хочу изобразить его тёмную красоту на акриловом холсте. Вот куда заводит меня моя одержимость.

Пристальный взгляд мистера Соломона и ухмылка заставляют мои щёки покраснеть.

— Ты одна из моих лучших учениц, Эйли. Ты очень яркая и у тебя хорошее будущее. В то время как Мэддокс... скажем так, этот ребенок на пути к самоуничтожению. Я бы не хотел видеть тебя в компании с ним.

— Вы будете удивлены, насколько улыбка может быть обманчивой, — говорю я с улыбкой, которая не достигает глаз. Следует пауза, когда он пытается понять то, что я сказала. Но я не даю ему такой возможности. — Я буду в порядке, мистер Соломон, — я просто делаю веселый вид, чтобы достаточно развеять его замешательство. — Если вы не против, то я принесу ему наброски проекта...?

Отодвигая свой стул от стола, он медленно кивает, а затем тянется к ящику возле своей левой ноги.

— Я не ожидаю многого, но если он согласится работать с тобой, тогда отдай ему это, — он протягивает мне двадцать страниц скреплённого наброска для проекта. — Я даже спущу ему то, что он пропустил, если ты заставишь его прийти в класс. Накину бонусные баллы, если он останется в проекте.

Я издаю короткий смешок.

— Не могу ничего обещать.

Глава 8

Эйли

Какого черта я делаю? Это не похоже на меня. Это полная противоположность меня. Этот уровень выслеживания абсолютно что-то новенькое для меня и моего психологического уровня. Однако эти мысли не сильно-то меня и волнуют, поскольку я продолжаю крутить педали, направляясь к дому Мэддокса. Несколько минут назад я спросила о нём у Ноя и узнала, что Мэддокс с ним не живёт.

— Он живёт возле нового жилищного строительства в Трентоне, недалеко от старого пожарного депо на Флетчера. Квартира 5А. Почему ты хочешь это знать? — спросил он, нахмурившись.

— У нас есть общий проект для класса астрономии, и он мой партнёр...

Он рассмеялся.

— Жаль разочаровывать тебя, Эйли, но астрономия и школа в целом, последнее, что у Макса на уме. Как ты уже вероятно заметила, ему не очень интересна сдача экзаменов, не говоря уже о каких-то школьных проектах. Поверь мне, лучше тебе попросить мистера Соломона дать другого партнера, или ещё лучше, просто выполнить всё в одиночку.

Уже второй человек отговаривает меня от работы в паре с Мэддоксом, и, наверное, это должно послужить довольно весомой причиной, чтобы заставить себя развернуться и отправиться обратно домой, потому что и дураку ясно, что это плохая идея. Но вопреки здравому смыслу, я продолжаю свой путь. На часах почти пять часов дня, когда я добираюсь до его дома. Серьёзность того, что я делаю, не сильно заботит меня, пока я не останавливаю свой велосипед в нескольких футах от здания и его жителей, которые смотрят на меня с полным осознанием того, что я явно не принадлежу этому месту. Не обращая внимания на тяжесть их озадаченных взглядов и дрожащие руки, я пристёгиваю замок к велосипеду у знака *принудительной парковки*.

Захожу внутрь здания, и меня сразу же окатывает ужасный запах, который ударяет мне в нос. Я с трудом делаю маленькие вздохи. Сильный шум раздаётся за каждой дверью, мимо

которой я прохожу. Споры, громкие шаги и приглушённые вопли ребёнка просачиваются сквозь бумажно-тонкие стены. Когда я, наконец, добираюсь до квартиры 5А, мной внезапно обуревают странное желание сбежать. Но желание заглянуть внутрь намного сильнее, поэтому я поднимаю кулак, готовая постучать. Только в этом нет никакой необходимости. Тёмно-коричневая дверь была оставлена слегка приоткрытой.

Раздумывая о том, чтобы войти или остаться там, где я должна ждать, я выбираю первое и толкаю дверь, открывая её ещё немного. Прежде, чем зайти внутрь, я спрашиваю.

— Эй, кто-нибудь есть дома? — мои нервы на пределе, но слова сказаны мягко.

Так что я не удивлена, что мне не отвечают. Что по-настоящему застаёт меня врасплох, так это вздохи и тяжёлые, гортанные стоны, а так же движение внутри — звуки напоминающие борьбу. Если бы на моём месте был кто-то другой, то он бы развернулся и ушёл, чтобы избежать потенциально опасную ситуацию. Но я рвусь вперёд без единой мысли о своей собственной безопасности.

Но мне следовало знать. Перед этим я должна была всё тщательно продумать. Нужно было прислушаться и понять, что эти звуки могут означать совсем другое. Если бы я немного пораскинула мозгами, то не стала бы свидетелем этой сцены.

Мэддокс и две девушек. Я вижу их частично, но Мэддокс стоит спиной к двери, где стою я. Он голый. На самом деле, они все голые. Но мои глаза прикованы к Мэддоксу. С жадностью я упиваюсь им, поглощая каждый дюйм его накаченного тела. Огромная татуировка в виде геометрической оленьей головы красуется на его спине. Это просто зачаровывающий кусочек работы. Всё в ней прекрасно — от линии рог, изображенных на его лопатках, и затенённых деталей на морде. А особенно привлекают глаза, они совершенно поразительны. Даже три простых чёрных треугольника, которые образуют челюстную кость оленя, заканчивающиеся на его ягодицах.

— О боже, о боже, да там... — этот запыхавшийся голос, заставляет меня оторваться от красивой татуировки на спине Мэддокса и посмотреть на сцену в целом. — Чёрт, как же хорошо... Боже, Макс, сильнее... я скоро кончу...

Я не могу видеть лицо той, кто говорит, потому что она запрокидывает голову назад в явном удовлетворении. Вторая девушка стоит на локтях и коленях, широко расставив ноги, пока Мэддокс жёстко в неё врезается, яростно двигаясь вперёд-назад, его ягодицы сокращаются с каждым движением.

Это слишком горячо и непристойно для меня, чтобы стоять и наблюдать. Я знаю, что должна убраться отсюда, развернуться и выйти так же тихо, как и вошла, до того как они заметят меня. Я прекрасно осознаю это. Это крутится в моей голове, и всё же я не могу заставить себя уйти. Не знаю, как долго я стою здесь, сгорая от стыда и ожидая, когда они закончат и повернутся, обнаружив меня в качестве нежеланной аудитории. Я даже не могу выразить, насколько сильно хочу провалиться сквозь землю. Я готова к этому. Сейчас даже ад ощущается более лучшим вариантом для моего нахождения. Я чуть не проглатываю свой язык, когда он поворачивается. Даже большое тату, в виде индийского божества, покрывающее его торс, не может удержать моих глаз, и я невольно скольжу по нему взглядом...

Его смешок эхом разлетается по комнате. Этот сухой насмешливый звук, который заставляет меня желать свернуться в клубок и прекратить своё существование.

— Наслаждаешься шоу? — он немного приподнимает левую бровь, сосредотачивая свой пристальный взгляд серых глаз на мне. Он опускает руку вниз, и в этот момент я

отворачиваюсь, когда он невозмутимо снимает с себя использованный презерватив.

— Эй, я тебя знаю? — та, которая запрокидывала голову, спрашивает с улыбкой, скользя в свои трусики. Она выглядит знакомой, но я не могу вспомнить её имени.

— Думаю, это Эйли, она подруга Мэллори, — отвечает другая девушка, садясь на деревянный пол. — Ого, Макс, как ты убедил её стать частью сайта? У нас будет секс вчетвером?

— Я не знаю. Да, Эйли? — он смеётся, — не хочешь присоединиться к нам, маленький сталкер? — он произносит это так грубо.

— Я... — я нервно облизываю свои губы. — Я здесь не для... это...

— Тогда какого чёрта ты сюда пришла?

Глава 9

Мэддокс

Слова выходят жёстче, чем я намеревался сказать. Но, чёрт, я не ожидал увидеть её здесь. Я не слишком шокирован, но тот факт, что она стоит здесь в моей крысиной норе, просто взрывает мой мозг. Такие люди, как она никогда не опускаются до таких низов. Если, конечно, не ищут способа забыться. Я смотрю на неё, стоящую здесь и переминающуюся с одной ноги на другую, и не могу понять. Какого чёрта она здесь забыла?

— Эм... — розовый румянец на её щеках становится выразительней, и она морщит лицо, а я могу только гадать о её визите сюда. Поиск ответа оказывается не такой уж и лёгкой задачей.

В ней нет никаких признаков наркомана. Она, тем не менее, всё то же самое маленькое напуганное лесное создание, которое следует за мной по школе с этими дикими глазами. Она думает, что я не замечаю, но я видел её столько раз, что она даже не подозревает об этом. Каждый раз, оборачиваясь, я вижу её. Как сейчас, например. Я должен быть обеспокоен тем, что она со своими слежками зашла так далеко, но меня больше интересует вопрос, что она, чёрт возьми, хочет.

— Язык проглотила?

Она хмурится.

— Мне очень жаль... Я пойду... — и она разворачивается, чтобы уйти.

— Стой, где стоишь, — она останавливается, словно мои слова это какой-то нерушимый закон, и я нахожу в этом извращённое удовольствие. — Мы закончили, леди, — я не отворачиваюсь от неё, когда говорю им об этом, — у меня есть ваши адреса PayPal, ожидайте сумму в течение недели или двух.

Даниэль и Алисия не задерживаются. Зашли и вышли, так как я люблю. Теперь они усвоили этот урок. Они не тратят моего времени, мы не трахаемся снова, и они не платят. Всё чертовски просто. Они быстро одеваются, хватают всё дерьмо с которым пришли, и, попрощавшись, находят ближайший выход с мастерством обученных порнозвёзд.

— Итак, ты собираешься поведать мне о том, почему оказалась здесь? Или ты так и продолжишь стоять там и пялиться на мой член? — спрашиваю я, когда дверь со щелчком закрывается. Я направляюсь к штативу, чтобы выключить камеру, а затем возвращаюсь туда, где стоял ранее — всего в нескольких футах от неё.

Она фыркает, кусая и теребя свою нижнюю пухлую губу между фарфорово-белыми зубами.

— Я не смотрю, — её ответ получается резким, но по какой-то причине меня он заставляет только ухмыльнуться. Я смеюсь, когда её глаза опускаются на секунду вниз, а затем возвращаются снова вверх. — Я не смотрю, — продолжает утверждать она, сверля меня свирепым взглядом.

Я фыркаю.

— Хорошо, продолжай убеждать себя в этом.

Я подхожу к холодильнику, чтобы взять бутылку пива. Чертовски хочется пить. Приложив крышку к краю столешницы, я делаю одно быстрое, сильное движение и открываю бутылку. Крышка отскакивает куда-то на пол, в то время как я подношу холодную бутылку ко рту и начинаю пить. Несколько капель текут по моему подбородку и шее, устремляясь вниз к груди.

— Ладно, забудь об этом, Эйли, но если хочешь, я позволю тебе облизать.

Она сжимает руки в кулаки по бокам, наклоняя голову, чтобы скрыть покрасневшее лицо.

— Пожалуйста, ты можешь надеть штаны?

— Зачем? Мне лично комфортно и так, — я задаю этот вопрос только потому, что мне доставляет удовольствие над ней издеваться.

Она смотрит на меня сквозь густые ресницы, и что-то в её глазах заставляет меня занервничать.

— Пожалуйста.

Я провожу рукой по волосам.

— Иисус, хорошо, — раздражённый, я ищу свои джинсы и проскальзываю в них, намеренно оставляя их не застёгнутыми. Пусть довольствуется тем, что есть. — Если собираешься тут нюни распускать, то проваливай нахер.

— Я не плачу.

— Плевать. Почему ты здесь?

Она немного колеблется, прежде чем избавляется от чёрных лямок рюкзака. Упав на одно колено, она дёргает молнию, открывает рюкзак и начинает в нём рыться, пока не находит то, что ищет. Оставив рюкзак лежать на полу, она делает три шага в мою сторону. Она не совсем сокращает расстояние между нами, но оказывается достаточно близко, чтобы я смог разглядеть веснушки на её вздернутом вверх носике. Немного испуганно и немного нерешительно, она безмолвно открывает толстую папку скрепленных бумаг и толкает их в моём направлении.

Я не делаю ничего, чтобы взять их.

— Что, блядь, это такое? — роняю я, устав делать вид, будто собираюсь наброситься на неё и потереться своим членом о её лицо, или выкинуть ещё какое-то дерьмо. Плевать, это ведь она вторглась на мою территорию.

— Это... астрономия... — бормочет она. Когда она прочищает горло и сглатывает, мой разум автоматически представляет, как она поглощает меня. Неправильно, я знаю. Но, учитывая моё воспитание, для меня это довольно обычные мысли. К тому же, у неё красивые губки. — Мистер Соломон хотел, — начинает она, а потом качает белокурой головкой и вздыхает. — Я решила принести тебе домашнее задание из класса астрономии. Это групповой проект. Мы должны работать над ним в парах. Я просматривала его раньше, и по

существо, нам нужно попытаться выяснить, сколько светового загрязнения существует в разных местах в небе и сфотографировать... — она прекращает своё объяснение. Она опускает руку, поскольку я до сих пор не взял эту папку с сшитой стопкой бумаг из её рук, продолжая смотреть на меня. — Я сейчас чувствую себя очень глупо, — небольшая, натянутая улыбка следует за её искренним признанием. Она растягивает уголки её слишком розовых губ. — Так что, наверное, я пойду... Прости, что побеспокоила тебя.

Что-то врывается в мой мозг. Это мерзкий зверь со скрежетом зубов и острыми когтями. Когти, которые словно крюки вонзаются в мой мозг, пробуждая что-то давно забытое, погребённое под грязью. Это ощущается так мнительно, словно на сознательном уровне.

— Да? — говорю я сам себе. Не знал, что могу всё ещё чувствовать себе виноватым. Я смотрю на неё, Эйли-гребанного-сталкера-Беннет, и на меня накатывает такое ощущение, словно я пнул щенка по морде.

Обнаружив рубашку, которую я одевал ранее, я подношу её к носу и вдыхаю. Достаточно чистая. Одев её на себя, я спрашиваю:

— Ты голодна? — я умираю с голода. Пока ищу ключи и бумажник в кармане, я замечаю растерянность и смущённый взгляд на её лице. Не могу винить её, учитывая, что мой вопрос вырвался так внезапно. — Послушай, ты можешь говорить сколько хочешь об этом дерьме, но я не смогу ничем тебе помочь, пока не набью свой желудок. Так что, ты идёшь либо со мной, чтобы перекусить, либо проваливаешь нахрен и держишься от меня подальше.

— Я иду, — говорит она, без малейшего намёка на иронию. *Боже.*

Я криво усмехаюсь.

— Дамы вперёд, — выпаливаю я на одном дыхании и жду, когда она заберёт свой рюкзак, прежде чем закрыть и запереть за собой дверь. Сегодня вечером Дро работает в хранилище, который зовётся гаражом. Не уверен, когда он будет дома. Он вероятнее всего задержится у Винн, потому что её место ближе к месту работы.

Она идёт впереди, пока я нарочно отстаю от неё на один шаг. А вид неплох. Она немного худая, а тёмно-серые узкие джинсы, обтягивающие её нижнюю часть тела, только показывают, что ей нужно больше есть. У неё миленькая круглая попка. На ней надета обтягивающая майка, на которую сверху накинута расстёгнутая тёмно-красная с чёрными полосками рубашка. Не уверен, в курсе ли она, но я смог разглядеть очертания её белого лифчика через рубашку ранее. Маленькие груди, соответствующие её стройному телу. Если бы мне пришлось угадывать размер, то я бы дал второй. Чёрные Сперри на её ногах делают каждый шаг безмолвным, когда мы спускались вниз по бетонной лестнице.

— Как именно ты сюда попала? — спрашиваю я на выходе из подъезда.

— Я приехала сюда на своём... — её спокойное выражение лица в секунды сменяется на нервное. Она подбегает к знаку «*принудительной парковки*» рядом с жёлтым пожарным краном и останавливается перед ним. Когда я подхожу к ней, она вертит головой сначала в одну сторону улицы, а затем в другую. Повернув налево, она начинает быстро идти по тротуару.

— Иисус, ещё этого дерьма мне не хватало, — но Сын Божий меня не слушает. Он никогда этого не делает. Шепча проклятия под нос, я иду вслед за ней. Догнав, я хватаю её за руку, останавливая от хождения по кругу. — Скажи мне, пожалуйста, какого хрена тут произошло?

Она снова смотрит на меня щенячьим взглядом. Большие, несочетаемые (прим. перевод.: разные по цвету) глаза блестят от слёз, брови нахмурены, а нижняя губа снова зажата между зубами, и она неистово кусает её, отчего та распухает и становится цвета клубники. От этого вида вся моя кровь устремляется к паху и мой член дёргается, словно знает о том, что только что случилось. Я должен оторвать взгляд от её рта.

— Мой велосипед... он исчез. Я оставила его здесь. И закрепила его на замок, — она указывает обратно на знак парковки. — Теперь его нет. Но я же закрепила его, я знаю, что сделала это.

Я отпускаю её руку и в насмешке говорю:

— Может ты забыла, где находишься, но здесь слово «закреплено» ничего не значит, — немного сжалившись, говорю чуть нежнее, — не знаю, заставит ли это тебя почувствовать себя чуточку лучше, но мою квартиру грабили больше одного раза. Поэтому не расстраивайся. Думай об этом так, будто таким образом тебя поприветствовали в этой сраной части нашего города. Вместо подарочной корзины ты получаешь своё же дерьмо

Её плечи поднимаются и опускаются, когда она вздыхает.

— Я не знаю, как попаду домой.

— Возможно, ты убедишь меня подвезти тебя на полный желудок. Пошли.

Глава 10

Эйли

Мой велосипед украли. Не большая потеря, но это был мой любимый вид транспорта. Благодаря ему у меня был повод не полагаться на Рейчел и Тима в поездках. Это был мой маленький кусочек независимости. Небольшой глоток свободы, который я могла получить в любой прекрасный день. Когда угодно. До колледжа рукой подать.

«Брось эту киску, сука...» Эти слова вырывают меня из моих мыслей. Песня в жанре рэп вырывается из колонок его грузовика, пока мы едем, слова звучат агрессивно и с ненавистью к женскому полу. Единственный плюс в том, что эта песня спасает нас от неловкого молчания. Поворачиваю голову немного влево и замечаю, что Мэддокс полностью погружён в песню. Он качает своей тёмной головой и повторяет текст песни, словно меня нет в машине. В этой грубой песне очень много читают о сексе, и каждый раз, когда из его рта звучит слово «киска», через меня проходит какая-то необъяснимая дрожь. Он поворачивает голову и ловит меня за наглым разглядыванием его.

Вздёрнув бровь, он расплывается в хитрой усмешке, вызывая прилив тепла под моей кожей. Я отворачиваюсь, убеждая себя больше не смотреть на него оставшуюся часть поездки. Это не так уж и легко, но у меня получается, даже тогда, когда звук его хриплого насмешливого смеха скользит по моей коже.

«Пиво с пенкой» — небольшая закусовая, расположенная на границе Трентона и Дувра. Это этакое не большое местечко, принадлежащее семейному бизнесу, которое вы можете обнаружить на обочине магистрали после долгой поездки. Мэддокс сворачивает налево и паркует свой пикап на свободном месте рядом с другим грузовиком. Одна сторона здания с четырьмя длинными панельными окнами открывает вид на грунтовую стоянку, таким образом, посетители закусовой могут видеть, кто приходит и наоборот. Внутри она оказывается такой же маленькой, как и снаружи, к тому же полностью заполнена. Мы

проходим дальше, погружаясь в шумную болтовню более пятидесяти клиентов, которая прерывается случайным смехом и стуком столовых приборов. Слева некоторые люди сидят на красных стульях за длинным прилавком, а справа, недалеко от кухни, расположены пятнадцать или около того кабинок, с соответствующими красными стульями.

— Эй, Сьюзи, есть столик для меня?

Довольно крупная женщина, стоящая за прилавком, с каштановыми волосами и сединой, закрученными в гульку, и в засаленном белом фартуке, завязанном поверх заляпанной синей формы, улыбается при виде Мэддокса.

— Последняя кабинка возле кухни.

В то время как я скольжу в кабинку, он уходит на какое-то время и возвращается с двумя наполненными пластмассовыми стаканчиками.

— Единственное, что здесь стоит попробовать — это сладкий чай, — говорит он, ставя один из стаканчиков передо мной, и садится.

— Итак, расскажи мне...

— Много времени прошло, малыш, — прерывает всё та же официантка с тёплой широкой улыбкой, отчего черты её лица выделяются ещё сильнее. Ей около пятидесяти, на лбу видны глубокие морщины. — Как поживаешь? Держись подальше от неприятностей?

Мэддокс усмехается.

— Не понимаю о чём ты, Сьюз.

Она смеётся.

— Думаешь, я не знаю об этом? Ты всегда был занозой в заднице, даже когда твоя мать приводила тебя, — она переводит взгляд на меня. — Тебе известно, что он всегда заходил прямо за прилавок, брал нашу баночку для чаевых и таскал оттуда деньги? Его мать не знала, что, чёрт возьми, с ним делать. Благослови Господи душу этой женщины, она была такой милой. Я до сих пор не могу поверить в случившееся. Она не заслужила ничего из этого. Ни один из вас, ребята, не заслужил. Твой старик был тем ещё ублюдком.

Удивительно, как быстро его выражение обычной толерантности исчезает. Вместо этого его лицо ничего не выражает. Он просто смотрит прямо перед собой, сквозь меня, словно воспоминания поймали его в ловушку. Он ничего не говорит, но от него исходит столько враждебного жара, словно ты сидишь напротив горячей лампы.

Он протягивает руку и берёт свой стаканчик.

— Надеюсь, он горит в аду, — заявляет он, и пьёт, и пьёт, пока не опустошает его. Несмотря на весь шум вокруг, облако напряжённости нависает над нами в этот момент.

Зная, что, вероятно, сказала гораздо больше, чем следовало, Сьюзи откашливается, прежде чем поднимает свой карандаш и блокнот.

— Что будешь, малыш? Как обычно?

— Да, — коротко и лаконично.

Записав заказ, она поворачивается ко мне.

— А ты, дорогая?

Я качаю головой.

— Всё в порядке, спасибо.

— Закажи что-нибудь, — ворчит он, сверля меня взглядом.

— Эм... возможно, картофель фри?

— Будет сделано. Корзинка картошки фри. Скоро придёт. Держись тут. Я скоро вернусь.

— Ты преследовала меня в школе, ходишь на эту групповую терапию, на которую я теперь тоже вынужден ходить, и теперь проделала весь этот путь к моей Богом забытой берлоге с какой-то тупой отмазкой про домашку. Я не знаю, какого хера ты хочешь, но я не собираюсь вот так просто дать тебе это, поэтому вынужден сказать тебе, что я не...

— Я хочу нарисовать тебя, — выпаливаю я.

Он смотрит на меня, словно на умалишённую. Вздыхая, я поднимаю руку и убираю волосы за ухо.

— Я подала заявление в Институт Искусств Новой Англии, и им нужно моё портфолио к декабрю. Я следила за тобой, потому что у тебя такой взгляд, который, я думаю, очень хорошо перенести на холст. Думала, что смогу нарисовать тебя издалека, не беспокоя, но... — я поднимаю плечи до тех пор, пока они не оказываются на уровне ушей, а затем со вздохом позволяю им упасть, опуская глаза на чёрную пятнистую поверхность стола.

— Посмотри на меня.

Не могу объяснить, почему его команды имеют такое несомненное влияние на меня, или почему я не могу воспротивиться ни одной из них. Но даже без малейшего намёка на колебания, я поднимаю взгляд и встречаюсь с его задумчивыми стальными глазами.

— Продолжай то, что ты говорила.

Ещё один вздох.

— Но мне нужно, чтобы ты сидел передо мной, чтобы я смогла прорисовать твои черты и внешность именно так, как мне этого хочется, — так сложно выдерживать его взгляд, особенно когда смущение обжигает моё лицо, как сейчас. — Я надеялась, что ты позволишь мне нарисовать тебя.

Буравя меня своим стальным и острым, как лезвие, взглядом, он поднимает руки и складывает их за головой.

— Почему бы тебе не попросить Ноя? У нас же одинаковое лицо.

— На самом деле вы не... не совсем похожи, — он заинтересовано выгибает левую бровь, и я отвожу взгляд в сторону, пытаюсь найти объяснение. — Я знаю, что вы близнецы, но лицо Ноя более симметрично. Черты его лица нежнее, можно сказать изысканнее, красивее. Но ты... ты...

— Уродливее, — язвительно замечает он, приподнимая уголок рта в мальчишеской ухмылке.

Я качаю головой.

— Отнюдь нет, — я облизываю губы и бросаю взгляд на его лицо, прежде чем снова отворачиваюсь. — Ты... грубее. Поразительнее. В тебе есть неотразимая твёрдость. На тебя трудно не смотреть, — я прикусываю язык, чтобы не сказать большего.

Следует очень мягкий смешок, прежде чем он спрашивает.

— И что мне за это будет?

Я краснею, не уверенная, что его вопрос прозвучал абсолютно невинно.

— У меня не очень много денег...

— Меня не интересуют твои деньги, — вставляет он пренебрежительно.

— Хорошо. Я могу подтянуть тебя по предметам. Полагаю, ты пропустил много занятий, поэтому тебя нужно многое наверстать. Я могу помочь.

Он качает головой.

— В конечном итоге потратим не только твоё время, но и моё тоже. А сейчас для меня моё время чертовски ценно.

Не нужно быть гением, чтобы догадаться, на что именно и где тратится это драгоценное время. Без предупреждения мой мозг вызывает в воображении образ его худого, мускулистого тела, украшенного всеми этими красивыми татуировками. Он всплывает в моей голове, словно рекламный щит с красочной иллюстрацией между штатами. *Девять дюймов. Обрезанный.* Эта внезапная мысль возникает из хранилища в моей памяти. Мои глаза расширяются, и я могу почувствовать осязаемое тепло на моём лице и унижение от того, что я уже знаю.

— Чего тогда ты хочешь? — тревожное чувство страха расплзается вниз по моему позвоночнику в тот момент, когда эти слова покидают мой рот. Это ощущение становится ещё хуже, когда я вижу ухмылку, словно у Гринча, которая появляется в уголках его рта.

Я открываю рот, чтобы спросить у него причину этой усмешки, но меня прерывает возвращение нашей официантки. Я частично благодарна ей за моё спасение от выставления себя полной дурой. Снова. Хотя другой части меня по-прежнему любопытно услышать его ответ.

— Держите, ребята. Двойной чизбургер с беконом с пивной пенкой и волнистая картошка фри для тебя, — она ставит массивный гамбургер и картошку фри перед ним. — А вот твоя корзинка фри. Я добавила немного больше пивной пенки для тебя, дорогая, ты выглядишь слишком худенькой. Позовите меня, если понадобится что-то ещё, — с этими словами она уходит к другому столику, оставив меня задаваться вопросом, оскорбили ли меня только что.

— Она настоящий профессионал в сфере деликатности, — замечает Мэддокс сухо, откусывая большой кусок бургера. Пока он разделяется со своей едой, мы не разговариваем. Бездумно грызя свою картошку фри, я иногда поглядываю в его сторону. Странно, что я нахожу его поедание чего-то обыденного настолько привлекательным. Он ест так, словно не ел несколько дней, с большим, ненасытным аппетитом, словно его нельзя удовлетворить. Я ловлю его взгляд, когда он облизывает пальцы от кетчупа с его картошки. Этот шаловливый блеск в холодных глазах говорит гораздо больше, чем его буквальный аппетит.

В этот момент, несмотря на то, что мы находимся в людном месте, каждым своим дюймом я чувствую себя добычей. *Его* добычей. Как он настолько быстро и настолько основательно может покорить меня? Мне по-прежнему интересно. Как это чувствовать себя подчинённой кому-то вроде него? Он может с лёгкостью перепрыгнуть через стол, отделяющий нас прямо сейчас, чтобы сожрать меня. И... и я не думаю, что возражала бы. Часть меня, которая правит моим внутренним королевством безумия, полностью окунулась бы в этот кетчуп, если бы это значило, что Мэддокс вылизет меня языком. Эта мысль сопровождается очень зловещим, очень реалистичным изображением в голове, которое нервирует меня настолько, что я даже не знаю, как его воспринимать.

— Почему ты ходишь на групповую терапию? — спрашивает он через некоторое время, после того, как мы выходим из закуской. Мы снова вернулись в его грузовик. Находясь за рулём, он медленно проезжает мимо знака «стоп» на перекрёстке. Раздаётся сигнал от другого водителя, который обращает внимание на его безответственное вождение, но Мэддокс просто сигнализирует в ответ и продолжает свой путь.

Этот вопрос приходит неведь откуда. Он застаёт меня врасплох, и я уверена, что таков был его план. Сложив руки, я тяну за свободно свисающий конец чёрной нитки, которая запуталась вокруг декоративной пуговицы на длинном рукаве моей рубашки. Я не знаю, как

ответить сразу. Так что вместо этого спрашиваю:

— А ты почему?

Это не тот вопрос, на который я ожидаю ответ. Не от него. Вспоминая его реакцию раньше, когда официантка говорила о его матери, я могу с уверенностью предположить, что Мэддокс не слишком любит делиться личными историями. Неожиданный сигнал автомобиля заставляет меня немного подпрыгнуть, и когда я быстро смотрю в боковое зеркало, то вижу тот же автомобиль, который мы видели ранее позади нас на красном сигнале светофора. Это хороший автомобиль. Гладкий, тёмно-синий Infiniti, выглядящий так, словно только что выехал из автосалона. Он включает фары дальнего света, наполняя салон грузовика чрезмерно ярким голубовато-белым светом от светодиодных огней. Это само по себе уже достаточно сильно раздражает, но водитель никак не унимается и, решая досадить ещё больше, обременяет наш слух непрекращающимся сигналом.

— Да в чём его проб...

Мэддокс выскакивает из грузовика, не давая мне возможности закончить вопрос. Следующие несколько минут проходят как в тумане. Я нажимаю на ручку, открываю пассажирскую дверь и выскакиваю как раз в тот момент, когда Мэддокс хватается кувалду из багажника своего грузовика. Он несёт её с относительной лёгкостью, когда направляется в сторону той машины. Быстро заносит её над головой, — посылая единственное предупреждение другому водителю, — и прежде чем тот успевает понять, что к чему, тяжёлый металл приземляется на капот его тёмно-синей Infiniti. Она оставляет вмятину размером с кратер. Но, похоже, Мэддокс только начал. Становясь перед автомобилем, он замахивается и разбивает сначала правую фару, а затем перемещается к левой. Всё это происходит за несколько коротких минут, и пока он двигается по пути к разрушению, я ошеломлённая стою позади его пикапа. С широко раскрытыми глазами и челюстью, которая чуть не ударяется об асфальт, я молча наблюдаю за насилием Мэддокса.

— Ах, ты, сучёнок! — кричит наконец-то водитель, выпрыгивая из машины, словно летучая мышь из ада. Его скрипучий гневный голос слышен даже сквозь звон стекла, осыпавшегося на землю, и хруст алюминия, когда кувалда врежется в машину. — Ты заплатишь за всё это, маленький ублюдок! — он хватается Мэддокса, напоминая Брахманского быка, готового проткнуть врага своими рогами. Он крупный парень, высокий, и у него достаточное количество мышц и жира, с помощью которых он может повалить Мэддокса на землю и избить его. Но у Мэддокса хватается прыти использовать вес мужчины против него самого, и он быстро уходит в сторону. Он не даёт мужчине даже секунды, чтобы прийти в себя, и направляет деревянную ручку кувалды в его сторону с такой силой, что тот мгновенно опускается на колени и падает на бок с мучительным стоном. Пара фар, освещающих улицу не так уж далеко отсюда, сигнализирует о неизбежном приближении другого автомобиля. Внезапная мысль о том, что кто-то может прямо сейчас наблюдать и позвонить в полицию, наконец-то побуждает меня к движению. Я бегу в сторону Мэддокса.

— Мы должны уходить.

Он ничего не говорит, только стоит над водителем, свернувшимся на земле на боку в позе эмбриона. Мэддокс замахивается ногой и силой толкает мужчину, переворачивая его на спину. Тяжёлый металл кувалды опускается на горло мужчины, и, хотя тот трясущими руками пытается убрать её, Мэддокс надавливает ещё сильнее. Я уверена, что мои глаза сейчас распахнуты так же широко, как и у человека, лежащего на земле. Он задыхается, воздух медленно вырывается из его открытого рта; лицо кривится в агонии, в то время как

паника и страх плескаются в его похожих на бусинки карих глазах. Он бьётся, как рыба, которую вынули из воды, дёргая конечностями в попытке убежать.

Когда я смотрю налево, то картина, которую я вижу, должна напугать умную, здравомыслящую девушку. Это только доказывает, что я не обладаю ни одним из выше названных признаков. Если бы я была такой, то не стояла бы рядом с парнем, который выглядит настолько взбешённым, что готов совершить убийство. Но сильнее тревожит то, что здесь он полностью в своей стихии. Чувствует себя комфортно и невозмутимо, не спеша лишая человека жизни.

Его холодная ярость ощутима. Она охватывает меня со всей мощностью тайфуна. Возбуждение омрачает его лицо, заставляя выглядеть запредельно зловеще. Тело Мэддокса плотно обвивает напряжение, и он напоминает гремучую змею, готовящуюся к нападению. Он сохраняет вес кувалды устойчиво и твёрдо, ещё сильнее толкая её вниз. Этому нет конца. Он не остановится.

Он убьёт его.

Помоги мне! Вот что зывают ко мне глаза мужчины, когда на мгновение встречаются с моим взглядом. Не раздумывая, я опускаю руку на предплечье Мэддокса. От неожиданного слабого прикосновения, его мышцы рефлекторно дёргаются. Но этот молниеносный электрический жар под кончиками моих пальцев, когда я прикасаюсь к его обнажённому, татуированному предплечью, пугает меня до глубины души.

— Пойдём, — всё ещё дрожа, умудряюсь выдавить из себя. Когда он не двигается, я усиливаю хватку и тяну. — Не будь дураком, — это привлекает его внимание, и он стреляет в меня взглядом. Я не отвожу глаз. Не в этот раз. Почему я выбираю именно этот момент, что противостоять его пристальному взгляду, я объяснить не могу, но, если честно меня это радует. Я радуюсь этой сиюминутной смелости. — Я думаю, ты уже показал ему свою дорожную ярость. Также думаю, что будет очень глупо, если ты окажешься в тюрьме из-за него. Всё это будет весьма бессмысленно, — я не уверена в эффективности своих слов, пока спустя маленькую вечность он не уходит. Я устремляюсь за ним и проскальзываю обратно на пассажирское сиденье, закрывая дверь как раз перед тем, как он отъезжает. Я не перестаю смотреть в боковое зеркало со своей стороны до тех пор, пока мы не покидаем это место.

*****

— Ты можешь свернуть налево и высадить меня за углом Бёрч Драйв? Мой дом находится прямо за углом. Я дойду оттуда, — говорю я тихо, когда он сворачивает на улицу параллельную моей. Мы не говорили о том, что произошло ранее, пока ехали. Последние пятнадцать минут были проведены в подавляющем молчании, которое сопровождалось настолько сильной напряжённостью, что её можно было резать ножом. На этот раз никакая музыка не заполняла тишину. Я металась между тем, следует ли мне спросить его о том, что именно там произошло, или же не стоит. Эта его ярость должна была на чём-то основываться. И я хочу узнать. Я хочу спросить. Но не стану, потому что у меня не хватает мужества, чтобы сделать это по двум причинам, а именно: во-первых, я знаю, что я не имею никакого права расспрашивать его, потому что не очень охотно говорила о своём прошлом ранее, а во-вторых, страх перед его насмешками, когда он, скорее всего, очаровательно скажет мне «отвали», заставляет меня молчать.

— Ты живешь на Бёрч?

Я качаю головой

— Дентон. Через улицу.

— Какой номер?

— Дентон Авеню 76.

Он больше ничего не говорит после того, как поворачивает на Дентон. Вскоре мы на холостом ходу подъезжаем к бело-синему домику на одну семью с гаражом на две машины и красивой, ухоженной цементной дорожкой, ведущей к крыльцу с четырьмя освещёнными ступеньками. Моё сердце подскакивает к горлу при виде «Дуранго» на подъездной дорожке.

— Ты сильнее сжимаешь своё лезвие, а я всегда хочу расквасить чьё-то лицо.

Когда я смотрю на него, причина моего страха временно испаряется, и он становится моей единственной заботой, единственным, о ком я хочу думать. Он лениво смотрит на меня, слегка прищурив глаза, но всё же сила, не имеющая себе равных, остаётся в его взгляде. В этом грузовике, в этом пространстве, в такой близости, его яркие черты выделяются более чётко; тень и свет ласкают его лицо так мягко и сладко, как это хочу сделать я.

— Думаю, мы должны как-то удовлетворять своих демонов, — язвительно замечает он. Самокритичность его слов заставляет одну сторону его рта искривиться в невесёлой улыбке. — Похоже, твой старик тебя заждался.

Я следую за его взглядом через плечо и обнаруживаю Тима, опирающегося на перила крыльца, со скрещенными большими руками на груди. Яркий свет на крыльце сияет позади него, и от этого черты его лица скрывает тень. Но мне не нужно видеть его лицо, чтобы знать его охотничье выражение. Оно бесспорно источает гнев. Тим смотрит в нашу сторону, и я молюсь, чтобы он не видел нас.

Внезапное желание остаться в грузовике и попросить Мэддокса уехать настолько сильное, что я прикусываю нижнюю губу, чтобы не произнести эти слова.

— Спасибо, — отвечаю я, снова дёргая нитку на рукаве своей рубашки, и когда мне удаётся её вытянуть, начинаю бездумно наматывать её на указательный палец. — Спасибо, что подвёз, — к тому времени, как нитка заканчивается, мне удаётся обернуть её вокруг кончика пальца несколько раз, перекрывая приток крови, циркулирующий в этой области.

— Поэтому, не переборщи с лезвиями.

Я моргаю, перед тем как прячу руку от лишних глаз.

— Так ты будешь мне позировать? — спрашиваю, не обращая внимания на замечание.

Он пожимает плечами.

— Пока не решил. Как я уже сказал, у меня нет времени, чтобы тратить его на это. Тебе стоит как-то привлечь моё внимание, — Мэддокс устремляет на меня свой взгляд.

Я нервно прохожусь языком по губам.

— Как?

Я не совсем в здравом уме, но я не дура. Я знаю, что он подразумевает. Понимаю, куда он ведёт этот разговор. Даже сейчас, его невысказанные слова заряжают воздух в грузовике. Здесь тяжело и душно. Каждый вдох, который я делаю, насыщен его нераскаивающейся сексуальной привлекательностью. Жар опалает мои щёки, когда он протягивает руку к моему подбородку и томно проводит большим пальцем по моей влажной нижней губе. Его нежные ласки заставляют меня признать ту часть моего тела, на которую раньше я отказывалась обращать внимание. Осознавать это слишком странно, слишком чуждо, и всё

же удивительно интимно. Он делает это интимным. Я девушка, а он парень, и, полагаю, его прикосновения заставляют меня вспомнить об этом. Это возбуждает. Я хочу большего. В груди чувствуется такая наполненность, что каждый раз, когда я дышу, мои набухшие, твёрдые соски трутся о бюстгальтер, посылая по моему телу сладостную пытку. Мой пульс грохочет в такт моему трепещущему, бьющемуся сердцу.

— Ты же умная девочка, Эйли. Я уверен, что ты придумаешь что-нибудь, — его голос низкий и ровный, и влажная, горячая долина разливается между моих ног. То, как увлажняются мои трусики, одновременно и неловко, и странно обольстительно.

Его чувственные губы образуют усмешку, словно он об этом знает. Словно он понимает, каким сладким опустошением являются его прикосновения.

— Ты должна идти, — я практически скулю, когда он убирает руку. — Не хотелось бы, чтобы у тебя были проблемы.

— Я... — *«Не покидай меня»*. — Спасибо ещё раз, — я вспоминаю, что нужно забрать сумку и рюкзак, прежде чем выскакиваю из его грузовика, и закрываю за собой дверь. Я примерно на полпути к дому, когда отдаюсь искушению и смотрю через плечо. Мэддокс смотрит в ответ, его пристальный взгляд сфокусирован на мне. Я спотыкаюсь, делая следующий шаг, когда моё тело стремится повернуть в противоположном направлении. К белому пикапу. К Мэддоксу. К чему-то неизвестному, но всё же настолько соблазнительному. Но я этого не делаю. Я ничего не делаю. Шанс сделать или сказать что-нибудь остаётся в прошлом. Моя трусость контролирует меня сейчас, и она не станет рассматривать какое-либо неповиновение. Смирённая, слабая и покладистая, я иду к дому, к Тиму, в сторону страданий, от которых я знаю, мне никогда не уйти. Моё подсознание заползает в тёмный уголок в моей голове, в то время как нерушимые стены, которые я построила так давно, готовятся к худшему.

Худшее — это сильная рука на моём затылке, когда я подхожу достаточно близко к Тиму, и он хватает меня. Он использует эту мёртвую хватку, чтобы направлять меня остальную часть пути к дому. Я молюсь, чтобы Мэддокс уже уехал. Молюсь, чтобы он не остался и не увидел это.

Глава 11

Мэддокс

«Чёрт возьми, это не твоя проблема.

Она не твоя грёбаная проблема.

Разбирайся со своими сраными проблемами и уезжай, придурок».

Эта раздражающая борьба идёт в моей голове, пока я сжимаю руль так, что белеют суставы. Я еду по улице этого Плезантвильского кошмара, и моя обычно налитая свинцом нога сейчас едва давит на газ. В моём районе, если едешь так медленно, ты либо собираешься стрелять, либо ищешь давалку. Этого точно, блядь, не случится, потому что ты редко осознанно принимаешь решение выбрать правильное время, чтобы открыть огонь по всем фронтам.

— Чёрт! — сильный удар о руль не делает ничего, чтобы унять моё раздражение. Говорю себе, что не хочу иметь ничего общего с этой пташкой, но похоже, это, блядь,

бессмысленно, поскольку я резко останавливаюсь и разворачиваюсь обратно в сторону её дома.

На Эйли Беннет так и написано «приставучая девственница», и после Грейс я не ищу повторений. Было бы умно с моей стороны ехать дальше по дороге, пересечь шоссе и оттащить свою задницу обратно в трущобы. Подкурить косяк, трахнуть Бриа и забыть об испуганном мышонке и страхе, который я увидел в её оленьих глазах разного цвета. Этот страх закоренелый. Это тот страх, который берёт начало в каком-то довольно сложном дерьме, и то, что я видел на её руках, — она пыталась убить монстров у себя внутри, делая порезы извне, — подтверждает это. Кто-то создал этих монстров там. И я поставил бы своё левое яйцо на то, что это был её старик. То, как он схватил её, посылает старые предупредительные сигналы, знакомые мне с детства.

Но, если честно, меня ведь не должно ебать это. Иисус, я даже не знаю эту девушку. Что, блядь, она собирается сделать для меня? Какого чёрта я получу, если, блядь, вмешаюсь? Ни единой чёртовой вещи, вот что. Она явно не тот тип девушек, которые предоставят свою киску, не нагрузив эмоциональным дерьмом в придачу. Всё это пролетает в моей голове, и я знаю, что вмешательство является одной из самых глупых вещей, которые я мог бы сделать, но пытаться убедить себя сделать иначе прямо сейчас бессмысленно.

Я подъезжаю к парадному входу её дома, паркую машину и выскакиваю. Начиная отсюда, я действую на автопилоте, потому что если позволю себе думать об этом больше, то более чем вероятно, пошлю всё это нахуй и уйду. Я захожу на крыльцо. Стою перед её дверью, когда слышу грохот. Я не настолько глуп, чтобы находить оправдание тому, что это может быть за звук. Я уже знаю. Поднимаю кулак и стучу в дверь.

Глава 12

Эйли

Я забываю о Мэддоксе, его прикосновениях и своём сексуальном желании, когда меня толкают в фойе. Дверь с хлопком закрывается, в то время как я спотыкаюсь об синекоричневый ковёр с рисунком в прихожей. Выронив сумки из рук, я удерживаюсь на ногах, но Тим так сильно дёргает меня за руку назад, что складывается ощущение, что он вырвал её из сустава. Я кричу, слёзы застилают глаза, когда он толкает меня к стене.

— Ты, чёрт побери, теперь лжёшь нам? — он наваливается на меня, большая масса из гнева и злого умысла заперта в теле этого мужчины. Его рука покоится на моём горле, пальцы сжимаются на моей шее, когда он заставляет меня посмотреть на него. Его пропитанное джином дыхание опалает моё лицо, словно дым из выхлопной трубы, в то время как чёрные, стеклянные глаза прожигают меня насквозь. — Где ты, блядь, была?

Едва заметный всхлип вырывается из моего рта, когда мой мозг пытается придумать ответ.

— С... с Мэллори...

Тыльной стороной ладони он бьёт меня по щеке до того, как я успеваю закончить свою ложь. Удар настолько сильный, что моя голова дёргается в другую сторону и врезается в стену. Головокружение накрывает меня, но это ничто по сравнению с раздражающим пламенем, обжигающим мою щёку.

— Ты уже трахаешься с парнями? Позволяешь им пихать в себя их отвратительные члены? Ты всё ещё грёбаная девственница? — он задаёт вопросы очень близко и очень спокойно возле моего уха. Он не смеет говорить это громче, чем яростным шёпотом. Он тянет за воротник моей рубашки и дёргает вниз, достаточно сильно, чтобы разорвать.

— Тим? — тихо и огорчённо зовёт Рейчел, стараясь остановить его.

— Солжёшь мне ещё раз, и я вырву этот язык из твоего грязного лживого рта! — его слюна брызгает мне на лицо, когда он ударяет меня со всей яростью.

— Я не лгу... — я не знаю, почему продолжаю настаивать на лжи. Возможно, это извращённая потребность увидеть, насколько далеко я могу его толкнуть. Сколько вреда он сможет нанести? Ударит ли он меня, если я скажу, что хочу, чтобы Мэддокс сделал со мной все те больные и извращённые вещи, которые он ожидал сделать со мной с того момента, как они меня удочерили? Убьёт ли он меня, если я скажу, что лучше лишилась бы девственности с парнем, которого едва знаю, чем когда-либо позволю ему забрать у меня это насильно? Он думает, что владеет мной. Думает, что я его собственность. В его противном, свихнувшемся уме, я принадлежу ему. Тим думает, что моё влагалище принадлежит ему, потому что он прикоснулся к нему первым, раньше, чем я узнала, что оно у меня есть. Задолго до того, как я узнала, что «тайные прикосновения» не должны быть между женщиной и ребёнком.

— Машина Мэллори сломалась после занятий. К счастью, твой отец отвёз её домой. Она рассказала ему, что ждала тебя на поле после тренировки, но ты так и не пришла, — поясняет Рейчел, её голос по-прежнему тихий, будто если она повысит его, это разозлит монстра, стоящего между нами. — Где ты была, дорогая? Мы не пытаемся заставить тебя почувствовать себя плохо, но твой отец и я волновались, — если Рейчел и была свидетелем пощёчины и всего, что произошло после этого, то она просто не обращает на это никакого внимания. Зачем ей это делать, если она сама жертва? Зачем делать себя мишенью ярости монстра? Предполагаю, что легче засунуть голову в песок и делать вид, что ничего не происходит.

В секунду молчания, которая окутывает нас густой пеленой, я пытаюсь найти ответ на её вопрос. Ответ, который не вызовет ещё больший гнев Тима. Одно дело думать о противостоянии ему, и совершенно другое — сделать это. От разговора меня спасает неожиданный стук в дверь. Следует очень короткая пауза, в которой Рейчел и Тим переглядываются, а затем Рейчел, так как она ближе к двери, делает три шага и открывает её.

Моё сердце глухо стучит в груди от восторга и страха при виде его красивого лица. Мэддокс стоит в дверном проёме, как какой-то исконный плохой мальчик, со своими татуировками и размерами. На его лице то же пренебрежительное выражение, которое, кажется, соответствует его произвольной улыбке.

— Да? — голос Рейчел не очень тёплый и приветливый, и я уверена, что глубокая линия морщин недовольства появляется, когда она сводит брови вместе.

— Привет. Простите, что побеспокоил вас. Я одноклассник Эйли. Мы вместе работали над проектом в библиотеке ранее. Я решил подбросить её, и думаю, это выпало, когда он выходила из моего грузовика. Могу я отдать это ей?

Передавая что-то Рейчел, — что именно мне рассмотреть со своего места не удаётся, — он использует весь свой огромный рост, чтобы посмотреть поверх её головы. Наши глаза встречаются всего на несколько мимолетных секунд, прежде чем Тим становится передо

мною, полностью блокируя мне вид.

— Иди наверх. — Большая часть меня хочет проигнорировать его приказ и обойти его, но я этого не делаю. Подскакивая, я прихожу в действие только, когда он рывкает в моём направлении: — Живо!

У меня уходит целая вечность на подъём по лестнице, но не из-за той сильной боли, а потому что я не хочу уходить. Тим плетётся к главному входу, и мне хочется услышать, что он скажет Мэддоксу. Скажет ли он убраться ему прочь? Расскажет, что я неуравновешенная, вдаваясь в мельчайшие подробности того, как я пыталась убить себя три раза за один только прошлый год? Расскажет ли Мэддоксу о моих ночных кошмарах, в которых я просыпаюсь и кричу, потому что в них Тим насильно забирает мою невинность? Я бы не исключала и того, что Тим расскажет это всё. Расскажет Мэддоксу о высокой степени моего психического заболевания, просто чтобы заставить парня держаться от меня подальше. И он это сделает, я уверена. Мало того, что я пошла к нему домой, но, если Тим расскажет ему обо всех этих вещах, это только заставит Мэддокса уехать с мыслями о том, насколько я действительно сумасшедшая. Никто не хочет общаться с сумасшедшими.

Моё сердце болит, когда я думаю о том, что Мэддокс увидит меня такой. В свете психически неуравновешенной. Я ненавижу то, что меня волнует его мнение. Наверху их разговор звучит слишком приглушённо, и мне не удаётся что-либо услышать или понять. Но он короткий, и довольно скоро я слышу, как закрывается входная дверь и тяжёлые шаги Тима. Я бегу к себе в комнату, закрываю дверь и сразу поворачиваю замок. С грохочущим сердцем в моём горле, я жду. Пять... Десять минут спустя...

— Эйли? — спрашивает голос, после чего звучит мягкий стук в дверь моей спальни, и моё тело расслабляется от облегчения.

Я открываю дверь и вижу грустное лицо Сары, смотрящую на меня из тускло освещённого коридора.

— Эй, — приветствую я с небольшой болезненной улыбкой, моя щека всё ещё пульсирует. — Что случилось?

— Как ты? Папочка не причинил тебе боль... правда?

В её голосе звучит мольба, в голубых глазах плескается отблеск надежды на то, что мои следующие слова будут именно тем, что она хочет услышать, а не жестокой правдой. Она хочет, чтобы я солгала ей. Рейчел хочет, чтобы я лгала ей. Какая мать, такая и дочь. Они не могут смотреть правде в глаза. Тим — отличный папа для Сары. Он никогда не бил её. И мне хочется верить, что он никогда не прикасался к ней неподобающим образом. Сара боготворит своего отца. Рейчел боготворит своего мужа. Он бьёт её, но тот факт, что он показывает ей привязанность, перевешивает эту трагедию. Два человека в этом доме, введённые в заблуждение, обожают Тима.

— Всё хорошо, — это не правда. Но и не ложь. Со мной всё *будет* хорошо, потому что я уже проходила через это раньше. Гораздо хуже, чем это. — Ты хотела что-то ещё? Я, правда, устала. Собираюсь принять душ и завалиться спать, — я не хочу развлекать её прямо сейчас.

Она обиженно надувается,

— Хорошо, тогда поговорим завтра.

— Конечно, завтра.

Я закрываю дверь, когда она останавливает меня.

— Эйли?

Я вздыхаю.

— Да?

— Папочка... папа любит тебя. Ты же знаешь это, верно? Даже когда он делает плохие вещи... он всё ещё любит тебя. Он любит всех нас.

Его любовь неправильная. Он любит меня неправильно. Поймёт ли она, если я расскажу ей об этом? Поймёт ли она скрытый подтекст?

Кивнув, я прикусываю щёку изнутри.

— Сладких, Сара.

Я вижу по её лицу, что она хочет сказать больше. Рассказать мне больше позитивного дерьма о своём отце, чтобы я не думала о нём плохо. Она хочет забрать меня в свой идеальный мир и показать мне, что её отец не монстр, преследующий меня. Я не даю ей шанса продолжить разговор и быстро закрываю дверь, пока она всё ещё стоит там. Я отхожу от двери, но из-за ОКР¹ трижды дёргаю ручку двери, чтобы убедиться, что та заперта. Полагаю, Рейчел каким-то образом отвлекла внимание Тима или что-то в этом роде, или же он на пути к своей берлоге в подвале, где он потратит несколько следующих часов, утопая в янтарной жидкости. Внезапное сильное желание принять душ ведёт меня в ванную, и лишь под бегущими струями моё тело действительно расслабляется. Закончив с душем, иду обратно в комнату и мельком ловлю своё отражение в зеркале. На лице появляется синяк в той области, где он меня ударил. Завтра он будет отвратительным. Не предпринимая никаких действий, я ухожу, не в силах смотреть на себя слишком долго. Прежде, чем забраться в кровать, я нахожу свой сотовый телефон в рюкзаке и беру его с собой. Там длинный, красочный текст от Мэллори:

«Что с тобой случилось сегодня?

Я ждала целую вечность!!!

Ты бы хоть сказала мне, что собираешься кинуть меня!!!

Ты такая пустоголовая, Эйли.

Клянусь Богом, если бы я не была твоей лучшей подругой, то надрала бы тебе задницу. Лучше тебе написать или позвонить мне, когда получишь это».

Чувство вины обжигает желудок, подобно кислоте. Чувствую себя ужасно из-за того, что не сказала, что не собираюсь встречаться с ней. Это просто не приходило мне в голову, но я до сих пор чувствую себя ужасно. Мои пальцы скользят по сенсорному экрану, готовые напечатать длинное, печальное сообщение, которое подробно объяснит, почему именно я не потрудилась с ней встретиться. Но что-то меня останавливает. Реальность настигает меня со всех сторон, и я понимаю без единого сомнения, что не хочу делиться с ней этим. Не хочу, чтобы она знала о Мэддоксе и том факте, что я ходила к нему в квартиру. Не хочу рассказывать ей о закусочной или грузовике, или о том, что произошло возле моей двери несколько минут назад. Я не хочу рассказывать о чём-нибудь из этого. Если она узнает, то только всё испортит. Не знаю почему, но мне хочется сохранить это в секрете. Я переполнена секретами. Но этот особенный. Этот я хочу запрятать глубоко внутри себя, потому что это не неправильно. Не искажено. Не изранено. Это моё, что-то чистое и особенное. Я кладу телефон на тумбочку. Поговорю с ней завтра. Как-нибудь объясню ей всё это.

Когда моя голова касается подушки, Мэддокс овладевает всеми моими мыслями, отодвигая на задний план Мэллори, а также всё и всех остальных в моей голове, пока

полностью не порабощает мой разум. Он — мой Бог, и ему требуется моё полное и абсолютное поклонение. Я прокручиваю день с той минуты, когда зашла и обнаружила его с двумя девушками, до краткого, невероятно напряжённого момента, который мы разделили в его грузовике, когда он чувственно провёл большим пальцем по моей губе, а затем чуть позже постучал в дверь. О чём он думал? Улыбка появляется на моём лице. Любой человек, даже без мозгов, мог бы сказать, что он солгал о нашей совместной учёбе. И, тем не менее, тот факт, что он нашёл время и постучал в дверь, солгав от моего имени, — весьма трогательный. Бабочки порхают в животе, сердце глухо стучит и что-то вроде удовольствия медленно окутывает мои внутренности. От самой мысли о том, что кто-то вроде него может заботиться о ком-то вроде меня, даже на строго платоническом уровне, у меня начинает кружиться голова. Я держусь за это чувство, за эту мысль, словно за спасательный жилет, и закрываю глаза. Когда приходит сон, я вижу в нём Мэддокса, и в нём он сидит на моей кровати, слишком красивый, чтобы описать словами. Он манит меня пальцем подойти к нему, и я делаю это. Безоговорочно, чрезмерно счастливая и с преогромным удовольствием я сворачиваюсь клубочком рядом с ним, радуясь тому, что он просто держит меня в своих объятиях.

Глава 13

Мэддокс

У неё высококлассная задница, и мне как любителю попок по душе этот вид. Я сижу на диване в гостиной, она скользит, прыгая на моём члене, словно стриптизерша по вызову. Её задница отскакивает от моего паха при каждом скачке вверх и вниз. Она мокрая, и её соки стекают по моему телу. Её сводная сестра тоже здесь, стоит на коленях перед ней, посасывая и сжимая её груди. Если честно, я не спрашивал их имён. Сестра 1 с жирной задницей. Сестра 2 с глубокой глоткой, как ни у кого другого. Прямо сейчас всё прекрасно. Вы, наверное, думаете, что, если мои шары спрятаны в одну из этих цыпочек, а её сестра, стоящая на полу, готовится к ещё одному раунду, я должен быть более сосредоточен на том, что, блядь, происходит здесь и сейчас, и что я самый счастливый ублюдок на земле. Но вы чертовски ошибаетесь. Меня далеко нельзя назвать сосредоточенным. Мой член по-прежнему невыносимо твёрд, но мой ум сосредоточен совсем на другом дерьме.

Эйли. Я не переставал думать о ней с прошлой ночи. Редкая девушка застревает у меня в голове так надолго, но если и застревает, то только потому, что мы трахаемся. Мысли об Эйли абсолютно не имеют ничего общего с членом. Ну... не совсем. Когда я увидел её старика прошлой ночью, я сразу узнал этот кусок дерьма, копа, к которому на прошлой неделе меня послал Дро. И думаю, что это главная причина, по которой мне стоит беспокоиться прямо сейчас. Этот мудака — суцая проблема. Тот факт, что он её отец, делает всё только хуже. Я знаю, что он бьёт её. Мысли о том, что, появившись на пороге её дома, я мог только сделать хуже для неё, съедают меня изнутри. Внезапно мой мозг переходит в режим полной боеготовности. Я знаю, что он собирался избить её. Если только уже этого не сделал. Но насколько сильно? Придёт ли она в школу? Я никогда не появлялся там, когда мне было плохо. Было много пропущенных школьных дней, когда донор спермы бил меня. Волна гнева закипает внутри меня, она сжимает мои мышцы и заставляет подорваться на

ноги, и я толкаю эту чикку так, что она падает на пол вместе со своей сестрой.

— Эй, какого хера, Макс? — она смотрит на меня, явно пребывая в ярости. Мне насрать.

— Проваливайте, — я направляюсь на кухню, чтобы выбросить презерватив прежде, чем натянуть свои джинсы, — нахер отсюда.

После того как они одеваются, я выпроваживаю их за дверь и следую их примеру, закрыв её за собой. Я мчусь к своему грузовику, запрыгиваю внутрь и мчусь в школу.

*****

Эйли

Усевшись за кухонным столом утром, Тим, Рейчел, Сара и я безмолвно едим свой завтрак. О событиях прошлой ночи никто не упоминает. Звуки столового серебра — единственные звуки, раздающиеся в напряжённой тишине. Когда уже все готовы расходиться по своим делам, я подливаю ещё больше масла в огонь, сообщая им о потере своего велосипеда. Единственная причина, почему я говорю это, потому что не могу добраться в школу.

— Что с ним случилось? — спрашивает Сара, сделав глоток из стакана с молоком. Это достаточно невинный вопрос, и зная Сару, она задала его без злого умысла. Обычное, жизнерадостное, детское любопытство.

Я пожимаю плечами.

— Кто-то его украл, — я не вдаюсь в подробности. — Ты подбросишь меня, мам?

— Я подброшу тебя, — властно прерывает Тим, и никто за столом не осмеливается возразить.

Я начинаю нервничать в ту же минуту, как запрыгиваю на пассажирское сиденье «Дуранго». Я держу рюкзак на коленях, сосредоточив всё своё внимание на пейзаже за окном. Я настолько близко прижимаюсь к двери, что думаю, выпаду. Но мне плевать. Я не хочу находиться рядом с ним.

— Кто тот парень, который заходил прошлой ночью?

— Никто.

Он молчит. Проходит немного времени прежде, чем он снова начинает говорить:

— Оставлю всё как есть, — это явное предупреждение. Я готова выскочить из машины, когда мы подъезжаем к тротуару у школы, но его рука скользит под тяжесть моего рюкзака, останавливаясь на верхней части моего бедра. Когда он сжимает его, я рефлекторно дёргаюсь в сторону, но его хватка достаточно сильна, чтобы удержать меня от движения. Я опускаю голову, волосы спадают мне на лицо, скрывая моё отвращение. — Ты же знаешь, что он хочет только одного, Эйли, — его рука медленно движется вверх-вниз, массируя моё бедро. — Парням всегда нужно только одно. Когда они получают это, то оставят тебя настолько быстро, что ты даже не успеешь опомниться. Я не позволю этому произойти, — его голос низкий, и он так близко сейчас, опирается на середину подлокотника, шепча мне на ухо. — Я не позволю ему сорвать твою маленькую сладкую вишенку, малышка. Я убью его первым.

От тошноты у меня раздирает горло. Эта кислота, горькая и обжигающая, кипит и поднимается вверх по моему пищеводу. Я с трудом сглатываю, — один, два, три раза, — прежде чем она опускается, оставляя послевкусие. Она не исчезает полностью, когда я

толкая дверь машины, и, открывая её, хватаю свой рюкзак и выскакиваю на улицу.

*****

Мэддокс

Я осознаю, что не знаю, какого чёрта делаю, когда паркую свой грузовик на школьной стоянке, ведь я понятия не имею, где её искать. Я ещё не был сегодня в школе, и, если бы не она, ноги бы здесь моей не было. Пропуск уроков — это особый вид искусства для меня. И у меня не было ни малейшего намерения быть здесь сегодня. Были планы и получше. И я не знаю её чёртового расписания. Дерьмо, я едва знаю своё. Занятия начнутся через пятнадцать минут, и Ной, как правило, тусуется во дворе каждое утро. Я направляюсь туда, надеясь, что она с Ноем и его друзьями, чтобы я мог перестать беспокоиться и вернуться к делам. Замечаю Ноя, сидящего на одном из обеденных столов.

Очевидно, он удивлён, увидев меня.

— Ты... здесь? Ты же приходил в школу вчера. Это должно быть рекорд.

— Где, блядь, я должен по-твоему быть? — занимаю место на скамейке, повернувшись спиной к нему, чтобы видеть толпу.

— Например, расширять свою порно империю, — шутит он. Забавный паренёк, мой близнец.

— Решил взять выходной. Моему члену нужен перерыв, — я не обращаю на него внимания, но также стараюсь выглядеть, словно не ищу её в толпе.

— Ищешь кого-то?

Думаю, быть незаметным не одна из моих сильных сторон.

— Да, молоденькую цыпочку. Хочешь помочь мне? — когда мои глаза наконец-то мельком замечают её, я вскакиваю.

— Макс! Ты куда?

Я не понял, что сорвался с места, пока наполовину не пересёк дорогу. Достигнув бетонной лестницы, ведущей в здание школы, я начал подниматься, перепрыгивая через две ступеньки. Я натыкаюсь на людей и отталкиваю их со своего пути, чтобы добраться до неё.

— Эй, подожди, — зову я, когда приближаюсь к ней достаточно, чтобы она услышала меня. И я знаю, что она меня слышит, потому что на какую-то долю секунды она останавливается. Но затем Элли снова возобновляет движение, прибавляя скорость с каждым шагом. — Стой! — чертовски плохо, что мои ноги длиннее, чем у неё. Я настигаю её, когда она толкает одну из двойных дверей на первом этаже. — Разве ты не слышала, как я звал тебя ранее? — спрашиваю я, когда хватаю её за локоть, чтобы развернуть к себе лицом. Она опускает голову, и её волосы, которые я заметил, всегда были заплетены в две косички, свободно падают волнами вокруг лица.

Она кивает.

— Слышала, — её голос мягкий и тихий. — Прости...

— Не за что просить прощения, — говорю я. — Посмотри на меня, — я не жду, когда она поднимет голову. Вместо этого, я беру её лицо в ладони и делаю это за неё. Гнев, ранее поразивший меня, ударяет в живот, и единственное, что удерживает меня от крушения, ощущение мягкости её кожи своими руками. Я нежно скольжу большим пальцем по тёмно-фиолетовому синяку на её щеке, но она вздрагивает, прикусывая нижнюю губу в попытке удержать рвущийся наружу страдальческий стон и показать мне, что всё на самом деле не

так плохо, как выглядит. Это глупо с её стороны. Я так чертовски зол на неё, что могу ощутить ярость, проходящую через меня. Это яростный гнев, который застилает всё передо мной красной пеленой, и единственная вещь, которая облегчит всё это — выбить дерьмо из кого-то. Коп отлично подойдёт.

— Я знаю, что это больно, — это всё, что я могу сказать прямо сейчас. — Мне жаль, — и это тоже. Получается слишком чертовски легко.

Когда она кладёт свою руку на моё запястье, я думаю, что она собирается оттолкнуть меня, сказать, чтобы я оставил её в покое. Это то, что сделал бы я. Когда я проходил через это, то никогда не подпускал никого настолько близко, чтобы они могли увидеть, насколько это больно. Но она не я. Она не отталкивает меня. На самом деле её тёплая рука, будто лента из плоти, мягко обвивает моё запястье, и когда она сжимает его, я позволяю ей это. Я ощущаю её боль настолько сильно, словно она моя собственная.

Иисус Христос, мать его!

Я застрял между желанием ударить что-то прямо сейчас или курнуть травку, или принять СКАЙ, который на время заставит меня забыть.

— Всё нормально, — когда она отвечает, её голос выходит хриплым шёпотом, смешанным со слезами, которым она не позволяет упасть. Она фыркает и пытается улыбнуться. — Наверное, где-то прямо сейчас свинья совершает некий довольно удивительный полёт в воздухе.

Я теряюсь в её словах.

— Что?

— Ну, знаешь, свиньи летают, а *ты* на самом деле здесь, *в школе*. Думаю, ты и правда снабдил свинку крыльями, — она спокойно шутит, и когда на её лице появляется искренняя улыбка, я понимаю, насколько сильно она мне нравится. Она немного застенчивая, и ряд жемчужно-белых зубов между розовых полных губ полностью захватывают моё внимание. — Теперь можешь отпустить моё лицо, — говорит она, изо всех сил стараясь не встречаться со мной взглядом.

Ещё одна вещь, которая внезапно поражает меня, это насколько я не желаю отпускать её. Это такое чертовски сумасшедшее траханье мозгов, что я вынужден сделать несколько шагов назад от неё, чтобы удержать себя от потери контроля.

— Так... ты остаёшься?

— Не-а, — отвечаю я, — кое-кто меня ждёт, — я весьма понятно намекаю, чтобы заставить её думать, что это девушка, но на самом деле это клиент, который звонил мне утром насчёт заказа СКАЯ. Я даже не могу объяснить, почему ложь настолько необходима прямо сейчас. Но я не хочу, чтобы у неё появились какие-то левые мысли. — Увидимся позже, Эйли.

Я спускаюсь вниз по лестнице, когда она зовёт меня.

— Мэддокс?

Стоя внизу, я поднимаю голову и смотрю на неё.

— Что?

— Я рада, что ты пришёл.

Пять коротких слов, произнесённые с мягкостью, забираются мне под кожу, как игла, наполненная дерьмом, — я не должен делать это, но послевкусие может стать самым охрененым кайфом в моей жизни. Это не какая-то девушка, с которой я должен трахаться. На ней эти неоновые-жёлтые предупредительные знаки по всему стройному телу, которые

чётко говорят меня держаться нахер от неё подальше, но всё, что я могу делать, это тупо бежать навстречу. К ней. На максимальной скорости.

Ага, мне нужно убираться нахуй отсюда.

— Приложи что-нибудь к щеке, — а затем я разворачиваюсь и ухожу.

Глава 14

Эйли

Неделя течёт в черепашьем темпе. Каждое утро я просыпаюсь с новой надеждой, что снова увижу Мэддокса в школе, но к концу дня эта надежда превращается в угольки отчаяния. Какая-то странная тяжесть появилась в моей груди, и с каждым днём кажется, что она становится всё тяжелее. Такое чувство, словно валун не позволяет моему сердцу найти правильный ритм. Мэддокс не появился на групповой терапии, так что сегодняшним пятничным вечером всё, что я хочу сделать, это свернуться клубочком в постели, укрывшись одеялом с головой, включить марафон фильмов с Одри Хепберн по Netflix, пока не засну, и молиться, что забуду его. Забуду его пронзительные глаза. Забуду о том, как он прикоснулся ко мне во вторник и как нежно держал моё лицо в своих ладонях, пытаюсь успокоить меня. Забуду о том, как его слова действуют на меня, и как всё внутри начинает дрожать, когда он говорит мне сделать что-то. Забуду его спортивное телосложение, широкие плечи, движение живота при вдохе и выдохе, украшенного всеми этими татуировками. Забуду о всех тех отчётливо выраженных линиях его мышц, которые оттачивают его тонкую талию и ведут к паху, к длинному, толстому, испещрённому венами члену, вставшему между его сильных, накачанных ног, словно он мастерски выточенный столб. Забуду его, и забуду обо всём. Но забыть каждый дьявольски красивый аспект его тела равносильно тому, что я забуду своё собственное имя.

— Так ты это сделаешь?

Я моргаю.

— Сделаю что?

Сейчас я в комнате Мэллори. Фильм для меня в эту пятницу отменяется. Поскольку сегодня Хэллоуин, мне разрешили провести эту ночь в доме Мэллори. Не знаю, как она это сделала, но после того, как я сказала ей, что не смогу провести ночь в её доме, как мы изначально договаривались две недели назад, Мэллори попросила меня позвать Тима и передать ему телефон, чтобы она могла с ним поговорить. Ей понадобилось не больше двух минут, чтобы заставить его согласиться отпустить меня к ней домой с ночёвкой.

— Позволишь Мэддоксу Муру трахнуть себя на камеру.

От удивления мои брови резко взлетают к линии волос. Если бы я пила что-то прямо сейчас, я бы выплюнула всё на себя. Глядя на неё ошеломлённым взглядом, я стараюсь выяснить точно, когда и при каких обстоятельствах мы начали этот разговор.

— Что?

Она поворачивается, чтобы посмотреть на меня, пока стоит в своём шкафу, и закатывает глаза.

— Не притворяйся дурочкой. Всё это «я такая невинная жертва» только отдаляет тебя от него. И Даниэль, и Алисия сказали, что видели тебя в его квартире в тот день, когда ты

вроде как кинула меня. Так что я хочу знать, ты позволишь Мэддоксу трахнуть себя для его сайта?

Я полностью концентрируюсь на экране своего телефона, словно уверена, что он воспламенится в любую секунду. Он, или, возможно, это буду я.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, Мэл.

— Блядь, пощади меня, Эйли. Почему ты скрываешь это от меня? Я думала, что мы с тобой лучшие подруги.

Я смотрю на неё.

— Так и есть, — утверждаю я.

— Тогда почему, чёрт возьми, ты не сказала мне, что трахаешься с Мэддоксом?

Боже. Этот разговор выходит из-под контроля.

— Я не делаю этого! Я ничего такого с ним не делаю. Я просто хотела спросить, сможет ли он попозировать для меня. Я же говорила тебе, что мне нужно три новых и различных проекта для моего портфолио.

— Так что, ты собираешься просто... рисовать его? — не смотря на скептицизм в её голосе, она звучит совершенно сбитой с толку. Словно мысль о том, что с Мэддоксом Муром можно делать что-то, кроме как трахаться, немислима. Она не совсем ошибается. Мысль о том, чтобы иметь интимные отношения с Мэддоксом не только приходила мне в голову, она поселилась там. Она перевезла все свои вещи и обустроилась, создав уютный дом в моём мозге и в самом жарком месте к югу от моего живота.

Пожав плечами, я раскачиваюсь из стороны в сторону на её кровати, после чего подтягиваю ноги к груди.

— Не думаю, что он собирается сделать это.

Я имею виду рисование. Положив голову на приподнятые колени, я благодарна своим волосам, что они скрывают моё пылающее лицо. Увидев синяк, Мэллори коротко поинтересовалась откуда он появился, и я соврала, сказав, что врезалась в открытую дверь шкафа.

Она достаёт чёрную коротенькую юбку и держит её перед собой, смотря на себя в зеркало.

— Ну да, абсолютная правда. Парень трахается и зарабатывает на жизнь продажей наркоты. Не думаю, что у него есть время на твой художественный мини-проект. И без обид, но он даже и близко тобой не заинтересуется. Я просто подумала, что он хотел трахнуть тебя на камеру, вот и всё. Потому что это *его* мини-проект. Как насчёт этой? — она поворачивается ко мне, спрашивая моего мнения, которое, я уверена, ей не так уж и важно.

Предпочитая игнорировать её комментарии, я отвечаю:

— Выглядит хорошо. Ты должна надеть к ней чулки до бедра.

Поворачиваясь обратно к зеркалу, она морщит нос, прежде чем отбросить юбку в кучу одежды, лежащую на её кровати.

— Не достаточно горячо. Чёрт бы её побрал! Ненавижу, что мы не можем надеть хеллоунский костюм на чёртову вечеринку в честь Хэллоуина! Было бы намного проще!

— Что говорилось в сообщении?

— Адрес вечеринки и «никаких костюмов». Маски будут предоставлены при входе.

— Тогда просто надень одно из своих вечерних платьев. Только одному Богу известно, сколько их там в твоём гардеробе.

Она исчезает в шкафу и что-то говорит мне оттуда, но я не совсем понимаю её.

— Что? Я тебя не слышала.

Она возвращается.

— Я сказала, что хотела бы сделать это вместе с тобой.

Я хмурюсь.

— Сделать со мной что?

— Трахнуть с Мэддоксом, — её ответ звучит, как ни в чём не бывало. Это не такое уж и большое дело для неё. Сразу понятно, что она не понимает, как её слова задевают меня сейчас. — Я слышала, что ему действительно нравится секс втроём. Я бы позволила ему трахнуть меня, если бы ты тоже приняла в этом участие.

«Нет. Нет, я не хочу этого. Не хочу ничего из этого. Не хочу, чтобы она находилась рядом с ним. Не хочу, чтобы она даже смотрела на него! И особенно я не хочу, чтобы она или кто-либо ещё прикасался к нему».

Меня абсолютно шокирует то, насколько злой я становлюсь. Сама мысль о Мэллори с Мэддоксом не только заставляет меня плохо себя чувствовать, но и вызывает большое, чёрное облако такой сильной ярости, что я могу ощутить вкус своей собственной ревности. Я хочу толкнуть её на землю и несколько раз выцарапать ей глаза.

— Он не захочет тебя, — бормочу я мрачно.

Её смех звучит громко и достаточно резко, чтобы отвлечь меня от напряжения.

— Боже мой, Эйли, да он тебе нравится! — говорит она между вздохами, всё ещё смеясь, словно я только что рассказала ей самую смешную шутку во всей истории шуток. — Оу. Ты такая милашка. Хотела бы я, чтобы ты прямо сейчас увидела своё лицо. Ты выглядишь, как котёнок, у которого забрали его любимую игрушку. Боже, дорогуша, расслабься. Это даже не серьёзно. Да, я скажу тебе, что он чертовски великолепен, и люди говорят мне, что он может трахаться до тех пор, пока ты не теряешь рассудок. Но если честно, Эйли, в конечном результате он просто первоклассный мудака, который даже не посмотрит на тебя в конце дня. Ему нужны опытные девушки, как я, например. Я имею виду, ты куда-нибудь *хоть раз* выходила? И терапия не считается, — добавляет она, одаривая меня снисходительной улыбкой. — Он придёт, увидит, что всё написано на твоём миленьком личике, и уйдёт. Во всяком случае, всё же лучше наслаждаться его супер трахающими качествами, объезжая его член, а затем, когда закончишь, выбросить прочь из своей головы. Милая... Девушки, как ты не встречаешься с парнями вроде Мэддокса Мура, — она ещё и имеет наглость смотреть на меня с наигранной обеспокоенностью. Мне отвратительно, что она сейчас ведёт себя как сука. — Меня лично не интересуют такие, как он. Кроме того, даже если бы он хотел меня, он всё равно не мой типаж.

«Ага, он как раз подходящего возраста». Я так отчаянно хочу сказать эти слова, что они вертятся на кончике моего языка. Но придерживаясь типичной Эйли, я ничего не говорю. Я молча негодую, называя её каждым плохим словом, которое приходит на ум, и желая ей подхватить худшее венерическое заболевание, известное человеку.

— Прекрати дуться, Эйли, — говорит она со вздохом, словно разговаривает с ребёнком. Мэллори подходит к правой стороне кровати, и королевского размера матрас прогибается, когда она садится рядом со мной. Взяв меня за руку, она с улыбкой говорит: — Ты же знаешь, что я не пыталась быть слишком грубой. Я просто хочу, чтобы ты была осторожна. Мы лучшие подруги уже пять лет, и я не хочу, чтобы какой-то мудака пришёл и посчитал, что играть с тобой — в порядке вещей. Ты *нуждаешься* в моей заботе. И это всё, что я делаю в ситуации с Мэддоксом. Если он хочет тебя, мы вместе можем поймать его, — она касается

моей щеки на которой нет синяка. — Готова поспорить, ты даже не знаешь, что нужно будет сделать, если он вытащит свой член и скажет тебе отсосать. Вот почему ты нуждаешься во мне, Эйли. Я покажу тебе свои лучшие трюки, — она говорит всё так, словно это должно быть самой обнадёживающей вещью в мире, когда на самом деле это просто Мэллори и её типичный приём манипуляции.

Иногда, как сейчас, например, я задаюсь вопросом, почему мы вообще дружим. Мы с ней такие разные. Думаю, изначально меня привлекло в ней её напускная храбрость и то, насколько откровенной она была. У Мэллори на самом деле не было никакого фильтра. Она не считала нужным сначала подумать, прежде чем озвучить свои мысли. И это до сих пор не изменилось. Помню, как впервые встретила её и подумала: «Как же здорово, что она такая, какой я никогда не была. Такая, какой я хочу быть». Общительная, умная, сексуальная, но прежде всего раскованная. Её маленькие приступы нарциссизма и безбашенность раньше никогда меня не беспокоили. Но теперь я поняла, что мне всё труднее и труднее игнорировать их. Вздыхая, я заправляю волосы за ухо и безропотно принимаю её такой, какая она есть. Это — Мэллори. Она всегда будет Мэллори. Грубой, эгоистичной и эгоцентричной, но где-то глубоко под всем этим, она всё ещё моя лучшая подруга. Она всё ещё та девочка, которая подружилась со мной в восьмом классе. Всё ещё та девочка, которая заставляет меня смеяться над глупейшими вещами. К тому же, кто я такая, чтобы судить о ней только потому, что я грешу по-другому? У меня есть свои собственные ужасные качества. Моё собственное уродство похоронено прямо под поверхностью. Единственное отличие в том, что Мэллори более откровенно выражается насчёт своего.

— Он не хочет меня в этом плане, — отвечаю я ей через мгновенье.

— Ну, кого это волнует? Я собираюсь найти тебе намного лучшую перспективу на этой вечеринке. Но для начала ты переоденешься.

— Что не так с моей одеждой?

Она закатывает глаза.

— Всего лишь *всё*. Ты одета, как чёртова женщина из монашеского ордена. Тебе восемнадцать. Ты симпатичная. Поэтому давай поблагодарим чёртового Иисуса прежде всего за то, что ты не принадлежишь какому-то развратнику по имени Джим Боб, живущему где-нибудь по соседству. А теперь пошевеливайся, — заканчивает Мэллори, хватая меня за руку и стягивая с кровати. Когда я оказываюсь на ногах, она тащит меня к шкафу. — Я точно знаю, что ты должна надеть.

Пятнадцать минут спустя, я выхожу из ванной Мэллори полностью одетая. Хотя, я уверена, что то, что на мне, вряд ли можно назвать одеждой. Это типичный наряд Мэллори. И если бы Рейчел увидела меня сейчас, она, несомненно, запретила бы мне когда-нибудь снова с ней видаться. Когда я скольжу в чёрные сапоги, Мэллори подталкивает меня к зеркалу, и я мельком замечаю своё отражение. Обычно я не люблю зеркала, но это...

— Я выгляжу ...

— Ты выглядишь хорошо.

Она не ошибается. Странно видеть себя в такой одежде. Но я не могу сказать, что она плохая. Не могу сказать, что мне не нравится, как я выгляжу в ней. Подведя меня к шкафу, Мэллори набросала мне одежды, ожидая, что я примерю её. В том числе и короткую юбку, которую она примеряла немного раньше. И хотя она моя лучшая подруга, и предполагаю, что девушки переодеваются друг перед другом, я никогда не чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы сделать это перед кем-нибудь, даже перед ней. Тем не менее, она приняла

ещё один из моих бесчисленных чудачеств, и пока я поспешила в ванную, она терпеливо ждала. Оказавшись за закрытой дверью, мне стало легче дышать, и я молча говорила «спасибо» за то, что она не увидит мои шрамы. Одеваясь, я переживала, что юбка не скроет их. Но чулки были достаточно длинными, чтобы скрыть мои зажившие раны.

Вот теперь мне нравится моё отражение. Я объективно оцениваю свою внешность. Я одета в тот же наряд, который, предполагала, наденет она. И пока она думала, что это недостаточно горячо, я считала иначе. Мне нравится, что чёрная короткая юбка доходит до середины бедра всего на несколько дюймов выше края чулок, которые я надела. Это неприлично... сексуально. Я моргаю в немом шоке. Слова «я» и «сексуальная» — словосочетание, которое я никогда и не думала, что использую для описания себя. Но здесь и сейчас, они как раз уместны. Юбка сочетается с кружевным белым топом с глубоким вырезом и короткими рукавами, который открывает полосу кожи на талии. Такую соблазнительную полосу кожи. Скромной Эйли больше нет.

— Хочешь, я сделаю макияж?

Я качаю головой, пока поворачиваюсь спиной к зеркалу.

— Нет.

Я должна провести для себя границу. Заправив несколько прядей волос за ухо, я опускаюсь на кровать Мэллори, ожидая её.

Когда она появляется чуть позже из шкафа, платье, которое на ней надето, граничит между сексуальным и развратным. Тёмно-красное облегающее мини с небольшим корсетом служит далеко не тонким намёком. Но тонкий намёк — не то, что ей нужно. Заканчиваясь всего на несколько дюймов выше середины бедра, платье прилегает к ней, словно вторая кожа, не оставляя абсолютно ничего для воображения. Оно настолько обтягивающее, что сжимает и поднимает её грудь почти к шее, достаточно открывая декольте.

Она пробегает руками по своим накрученным волосам, крутясь несколько раз перед зеркалом, чтобы полюбоваться на себя перед тем, как обратиться ко мне.

— Ну?

Действительно хорошо.

— Очень горячо.

Её глаза сияют.

— Я выгляжу горячо, да?

— *Muy caliente*².

Она дарит мне кривую ухмылку, прежде чем повернуться обратно к зеркалу. Похоже, отражение даёт ей гораздо больше, чем мой краткий испанский комментарий, поскольку она продолжает корчить рожицы и снова и снова запускать пальцы в волосы. У неё уходит ещё пятнадцать минут, чтобы повторно нанести макияж.

— Ты должна, по крайней мере, позволить мне накрасить тебя этой соблазнительной красной помадой, — она подходит ко мне, держа вышеупомянутую помаду. — Обещаю, что она будет смотреться очень хорошо.

Со вздохом, я соглашаюсь.

— Только не очень много.

— Тшшш. Просто доверься мне, — она осторожно подносит помаду к моему рту, прежде чем отстраниться с сияющей улыбкой на лице. — Чёрт, а я хороша. Как знала, что это твой цвет. Вот, взгляни.

Покачав головой, я отвечаю:

— Поверю на слово. Готова?

— Ага, давай выбираться отсюда, — говорит она, надевая пару дорогих чёрных туфель на шпильках с красной подошвой.

Глава 15

Эйли

Белый Мерседес, припаркованный на круглой подъездной дорожке, — ранний подарок ей на день рождения от отца, о нынешнем месте нахождения которого теперь никто не знает. Автомобиль доставили около недели назад, чтобы смягчить удар от его отсутствия. Этот самый последний экстравагантный подарок от Грегори Петерса. Адвоката крупной компании, который прошёл через громкий бракоразводный процесс с матерью Мэллори после того, как обнаружили, что у него интрижка с клиентом. Само собой разумеется, Дарла Петерс не осталась без денег, но глубокие психологические проблемы заставили её стать отшельницей, от чего, по словам Мэллори, она горстями пьёт таблетки и утопает в алкоголе дни напролёт. По большей мере она игнорирует Мэллори, позволяя ей делать всё, что она хочет. Если подумать об этом, это отчасти грустно, и я знаю, что Мэллори на самом деле больнее, чем она это показывает, но, по её словам, у неё есть лучшее из двух миров. Она живёт без родительских запретов и ненужного багажа, который идёт вместе с этим, и в то же время так удобно пользуется папочкиной кредитной картой, когда нуждается в этом.

— Как тебе так быстро починили автомобиль? — спрашиваю я, скользя на пассажирское сиденье после того, как она разблокирует двери.

— Твой отец потянул за несколько ниточек и попросил своего механика, чтобы тот покопался в ней для меня.

Мэллори въехала в другой автомобиль на следующий день после того, как получила Мерседес. Она ужасный водитель. И в типичной манере Тима, он помогает другим людям, но отказывался починить цепь для моего велосипеда, когда та порвалась два раза в прошлом году. Поправив зеркало заднего вида, она вставляет ключ в зажигание и заводит машину, а затем летит вниз по улице. Она выворачивает на шоссе и выжимает газ от ноля до семидесяти за шесть секунд. Я привыкла к такому вождению за те два года, что она водит машину. Но это не значит, что я не хватаюсь за внутреннюю ручку двери, словно за свою жизнь, или что я не оглядываюсь нервно назад, думая, что в любую минуту скрытая полицейская машина выедет из-за дерева, чтобы остановить нас. К месту назначения мы прибываем достаточно быстро. Через несколько поворотов, мы сворачиваем на 127 шоссе и едем вниз мимо заводов и станций автотехобслуживания, располагающихся вдоль дороги и речки Корвин, которые кишат мусором и сточными водами.

Сбавив громкость, я смотрю на неё.

— Где именно проходит эта вечеринка? — я хмурю брови, когда она сворачивает на едва освещаемую грунтовую дорогу. — Я думала, что мы направляемся в чей-то дом.

— Неа.

Я жду, когда она предоставит хоть какую-то дополнительную информацию, но она этого не делает. Возвращаю взгляд к виду за окном, когда она подъезжает к большому зданию из красного кирпича с разбитыми окнами, перед которым в грязи припарковано небольшое количество машин. В основном здесь подростки, как и мы, в белых масках

кроликов, которые заходят внутрь тёмного здания. Хотя, быстро окинув взглядом людей, замечаю, что также есть несколько человек постарше, которым на вид больше двадцати одного года.

— Это вечеринка в Зазеркалье. Тема «Алиса в стране чудес», думаю, — говорит она, приходя к тому же выводу, что и я. Она не даёт мне времени рассмотреть наше окружение или позволить мне поговорить с ней о безопасности и необходимости держаться вместе, когда открывает дверцу машины и выскакивает, словно нетерпеливый щенок.

— Мэллори, подожди! — бежать на каблуках — самое ужасное, что я могу сделать, но у меня нет особого выбора в данный момент. Я настигаю её уже у входа в тёмное здание. В частично освещённом проходе коридора, полностью обрисованном граффити, стоит огромный мужчина. Мы платим за вход, и он вручает нам точно такие же маски белых кроликов, которые носят все остальные. Мы проходим дальше внутрь с небольшой группой перед нами. Когда они открывают сильно поцарапанную, помятую, ржавую металлическую дверь, мы шагаем внутрь и сразу же окунаемся в другой мир. Этот мир, состоящий из гипнотического неоновоего освещения, пронзает темноту сильным мерцанием, в то время как басы взрываются через сабвуферы. Это мир эйфорического хаоса, где похоть и секс сходятся в одной точке, создавая оргии разврата. Мои глаза мечутся повсюду, не в силах сосредоточиться на чём-то одном. Я чувствую себя чересчур одетой, и даже платье Мэллори кажется скромным по сравнению с тем, во что одета масса полностью пропотевших подростков, на которых фактически ничего нет.

Все танцуют, раскачиваясь под сопровождающую их песню EDM, сотрясающую пол. Я держусь поближе к Мэллори из страха заблудиться в толпе, продолжая поглощать взглядом всё вокруг. Воздух затхлый, переполненный и переплетённый с множеством запахов, которые накрывают с головой. Какой-то парень становится у нас на пути в такой же маске кролика, которые носят все остальные. Тот факт, что на нём нет рубашки, позволяет увидеть большие крылья бабочки на его спине. Радужная балетная пачка скрывает всё, что должно быть скрыто, а высокие кожаные ботфорты подчёркивают его тонкие ноги. На шее у него светящиеся неоновые бусы, в то время как радужные карикатуры очаровательно светятся в темноте, украшая его торс.

— Эй, сучка, ты почти вовремя добралась сюда! — вторгаясь в пространство Мэллори, он подходит достаточно близко, чтобы можно было перекричать музыку, и стягивает маску на голову, открывая ухмылку на своём лице. Генри Кингстон до ужаса грубый, надоедливый и очень ехидный дружок Мэллори, которого она подцепила на драмкружке в прошлом году. Я не очень хорошо к нему отношусь, а именно потому, что когда он и Мэллори собираются вместе, это редко заканчивается хорошо. На Генри всегда можно положиться в том, что он сделает и без того плохие решения Мэллори ещё хуже.

Мэллори отстраняется от меня, с визгом прыгая в его объятия.

— Я хотела выбрать идеальный наряд! Как тебе? — она отходит и вертится.

— Неистово, сучка! Обожаю каблуки!

Он напряжённо смотрит в мою сторону с фальшивой улыбкой.

— И ты тоже здесь!

Кривя свои губы, я говорю:

— Ага.

— У меня есть конфетки! — вот и конец нашего разговора, когда он фокусирует своё внимание на Мэллори, стягивая маленький, чёрный мешочек со своего левого запястья.

Открыв его, он смотрит на взволнованное лицо Мэллори. — Это самое чистейшее дерьмо из всего, что ты когда-либо пробовала.

— Молли?

— Лучше. СКАЙ. Натуральный.

Волна беспокойства пробегает по моим жилам, когда я смотрю, как моя лучшая подруга глотает маленькую розовую таблетку. Всё взаимодействие между ними настолько обыденно, что это бросает оттенок абсурда на всю создавшуюся ситуацию.

— Мне нужно шлифануть.

— Порошком?

Мэллори хихикает, кивая головой.

— О, да.

Я заставляю себя говорить, хотя уверена, что мои опасения будут проигнорированы.

— Мэллори... — похожее предостережение, которым я постоянно живу, прорывается в моём голосе. — Давай притормозим и потанцуем, хорошо?

Она поворачивается ко мне с улыбкой:

— Мы ещё успеем потанцевать. Мне просто нужно сходить в уборную на минуточку. Просто подожди меня там, — она указывает на металлические подмости прямо над нами. — Найду тебя, как только вернусь, — Генри тянет её прочь, прежде чем я могу сказать что-нибудь, и она, не думая, идёт за ним без оглядки назад.

— Блядь.

Я не матерюсь, но думаю, что в моей нынешней ситуации меня можно оправдать. В этот момент в окружении оргии пьяных людей, сотрясаемой басовой вибрирующей музыкой, проходящей через мою грудь, и множеством лазерных лучей, обращённых на меня и толпу, я чувствую себя полностью и совершенно одинокой и брошенной. Словно маленький потерянный ребёнок, я проталкиваюсь через толпу в надежде отыскать *родителя*, который забыл, что я здесь. Но Мэллори не мой родитель. Она подруга, которая нашла кое-что получше, чему стоит уделить время. Я должна быть злой, и, возможно, часть меня и злится, но это и рядом не стоит с той трясинной жалости к самой себе, в которой я тону. Пока поднимаюсь по железной лестнице, моё зрение размывается из-за горячих, жалящих слёз, которые я пытаюсь сдерживать. Здесь не так многолюдно, но, несмотря на это, я нахожу угол с наименьшим количеством людей и прислоняюсь к одной из опорных балок здания, желая и надеясь, что смогу исчезнуть внутри этого холодного, бетонного интерьера. Чувствуя ещё большую отрешённость от всего этого, я невыносимо долго смотрю вниз на толпу, и мне становится интересно, удержит ли меня эта штукавина от нанесения себе боли, или металлический прут сломается, и я кану в небытие. На этот вопрос нет ответа. На меня вдруг наваливается чей-то вес, вжимаясь в меня. Моё сердце замирает от страха, и два резких выдоха вырываются из моего горла, когда мои глаза расширяются в неверии. Парализованная ужасом, я могу только стоять и чувствовать, как чья-то толстая твёрдость толкается в мою спину.

— Боже, детка, твоя задница ощущается так хорошо, — в моих ушах начинает звенеть, когда насквозь пропитанное алкоголем дыхание обжигает край моего уха. — Ещё лучше мой член будет ощущаться между твоими ягодицами, — он протягивает руки по обе стороны от моего тела, впиваясь пальцами в железные перила и заключая меня, таким образом, в ловушку. Я медленно поднимаю взгляд и смотрю перед собой, моё тело, словно в состоянии транса. — Я собираюсь трахнуть тебя так сильно, что ты будешь умолять о большем, — он

двигает бёдрами, потираясь своей эрекцией мою попку. Но я не двигаюсь. — Ты будешь кричать для меня, детка?

Всё внутри меня кричит бежать. Бежать без оглядки.

— Нет, — это всё, что мне удаётся сказать. Страшный, жалкий звук вырывается из глубины моего уже разрушенного тела. Находясь в таком уязвимом состоянии, чувствую, как демоны вылезают на поверхность и предстают предо мной в данный момент в образе Тима, и его тень, его вес, и его тело заменяют то, что стоит позади меня.

«Мой маленький цветочек».

Его слова. Три маленьких отвратительных слова играют на повторе в моей голове, как испорченная музыкальная шкатулка. Мой кошмар оживает. Дышит мне в затылок. Прикасается ко мне скользкими руками. Яростно истекает кровью в моей реальности, лишая меня любой силы.

«Пожалуйста... не надо».

Я не знаю, откуда, но кто-то слышит мою внутреннюю борьбу и всего за несколько секунд, которые требуются мне, чтобы сделать прерывистый вдох, тело позади меня исчезает.

Я поворачиваюсь и вижу своего спасителя, держащего обидчика за ворот рубашки. Его спина опасно выгнута, в то время как половина тела перекинута через железные перила. Ствол пистолета крепко прижат к голове незнакомца.

— Ты в порядке?

Хриплый, резкий тон с нотой угрюмости притягивает мой взгляд к человеку, обращающегося ко мне. И в этот самый момент синий лазерный луч падает на него, освещая безупречные черты лица и придавая ему неземной вид. В море чужих людей его лицо кажется знакомым. Он далеко не друг, и, тем не менее, непреодолимый порыв восторга, который проходит через меня спиральями при виде жестокости на его лице, почти сбивает меня с ног.

Мэддокс.

Невероятно большая, необъятная часть меня хочет прыгнуть к нему в объятия, уткнуться лицом в эту крепкую грудь и поблагодарить его за то, что он только что сделал. Но сама мысль о том, что я буду так близко к парню, когда один из них только что напал на меня, приковывает меня к месту, и мой трепет смывает поток ледяной воды, хлынувший по моим венам.

— Эй, — скрытое требование в этом одном слове заставляет меня встретиться с ним взглядом. — Он сделал тебе больно? — спрашивает он, теперь уже немного более грубо.

Покачав головой, я отвечаю:

— Нет.

— Хорошо, — говорит он и возвращает своё внимание к обидчику, продолжая разговаривать со мной. — Как долго, по твоему, он сможет провисеть в воздухе, перед тем как встретится с землёй?

— Чёрт, мужик! Дерьмо. Мне очень жаль, хорошо? Я не знал, что она твоя девочка!

— Эйли?

Мои глаза возвращаются к его лицу, и хотя он только что позвал меня по имени, его взгляд по-прежнему прикован не ко мне. Но с того места, где я стою, мне на него открывается хороший вид, и он выглядит совершенно равнодушным к тому, что происходит. К тому, что он делает. У него такое же жёсткое выражение лица, которое было, когда он

прижимал кувалду к горлу водителя на прошлой неделе.

— Он не сможет продержаться долго, — я наконец-то нахожу ответ и произношу его с поразительной холодностью, словно соперничаю с Мэддоксом. — Столкновение его тела об бетон будет хуже.

— Думаю, нам стоит проверить эту теорию. Мне отчасти теперь интересно, как работает гравитация. Дополнительные баллы к нашему проекту по астрономии.

Парень кричит в знак протеста, когда Мэддокс наклоняет его через перила ещё больше. Большой интерес заставляет меня задаться вопросом, сделает ли он это на самом деле. Когда наши глаза снова встречаются, я нахожу ответ.

— Как насчёт того, что мы получим дополнительные баллы, не совершая убийство? Я делала так много раз, — произношу я.

Вижу, как дёргаются его губы.

— Совершала убийство?

Я не удивлена, что он находит это смешным. Не спеша, я узнаю Мэддокса Мура немного с другой стороны.

— Получала дополнительные баллы, — поправляю я. — Ты должен отпустить его.

Что-то странное происходит внутри меня, когда он на самом деле делает это и оттаскивает парня от края, опуская его на ноги. Но он всё ещё держит пистолет у его головы.

— Ты должен извиниться за то, что коснулся её своими мерзкими руками.

— Прости, мне очень жаль. Я никогда не сделаю этого снова. Я прошу прощения за то, что прикоснулся к тебе!

Знаю, что это не искренне. Знаю, что он делает это только потому, что находится под принуждением, но меня это не волнует. Я чувствую себя хорошо от лицемерия того, как этот идиот унижается, от звуков его извинений за то, что он нарушил моё личное пространство. За то, что положил на меня свои руки без моего грёбаного разрешения. Не раздумывая, без какого-либо колебания я подхожу к извращенцу, замахиваюсь ногой и бью его так сильно по яйцам, как только могу. Его глаза расширяются, и он сгибается от боли пополам. Когда Мэддокс отпускает его, и он падает на пол в позе эмбриона, нервно опуская руку между своих плотно сжатых бёдер, у меня нет никакой жалости к нему.

Всё, о чём я могу думать, это то, что он мог сделать то же самое с какой-нибудь другой девочкой, которой бы не так повезло, и за неё никто не вмешался и не помог. Я смотрю на него сверху вниз, и поднимаю ногу, чтобы снова ударить. Это словно дымка, которая обволакивает меня, когда я себя режу. Я забываю, где нахожусь. Больше ничего не существует. Я вижу, как идеально могу выплеснуть свои внутренние эмоции и превратить их в нечто физическое. Мой гнев выплескивается, пока я пинаю этого человека. Гнев ощущается так хорошо. Хоть раз в жизни мне дан маленький шанс ощутить себя сильной. Ощутить контроль над чем-то другим, кроме лезвия моей бритвы.

Чувствую, как руки скользят по моей талии, и как меня отрывают от земли на дюйм, прежде чем Мэддокс снова опускает меня, эффективно останавливая от причинения ещё большего вреда. Через мгновение он касается холодной ладонью левой стороны моего лица, наклоняя голову настолько низко, что пространства между нами хватает лишь для дыхания, дымка рассеивается.

Хрипло, он спрашивает:

— Хорошее ощущение, не правда ли?

Внезапно я понятия не имею, о чём именно он говорит, потому что то, как он смотрит

на меня, как нежно и мягко ласкает большим пальцем уголок моего рта, дразня нижнюю губу, заставляет меня забыть обо всём на свете, и я безумно, словно под воздействием алкоголя, упиваюсь им.

— Что? — я глупа от похоти, этот пьянящий феромон просачивается в воздух, который мы делим.

— Злость? Когда отпускаешь её, — он наклоняет свою тёмную голову, останавливаясь в нескольких дюймах от моего наполовину открытого рта. Мои глаза мечутся между его тлеющим взглядом и безумно сладостным ртом, и мои губы дрожат от желания ощутить его вкус, небольшую часть того, что я могу представлять себе, находясь так близко к осуществлению этого. Я чувствую, как бьётся моё сердце, даже когда на мгновение перестаю дышать. Я готова упасть в обморок от ожидания.

Поцелуй меня, Мэддокс. Пожалуйста... пожалуйста... прижми свой красивый рот к моему.

Я думаю, что он это сделает.

Я молюсь, чтобы он это сделал.

И чуть не умираю, когда он не делает этого. Но это эмоциональная смерть длится недолго. Всего через несколько секунд он пробуждает во мне тлеющие угольки плотских желаний. Его грешный рот скользит по моим губам, и когда горячее дыхание и влажные губы касаются моей щеки, меня бросает в дрожь. Я даже забываю о поцелуе, как о процессе. Это.... Это простая, дразнящаяся игра дыхания и плоти гораздо интимнее, чем если бы он *просто* поцеловал меня. Эротика, пропитанная сладостью и мукой.

— Ощущается... хорошо...? — резкий выдох срывает с моих уст, когда мои глаза распахиваются. Мэддокс опускает руки на обнажённую кожу моих бёдер, а затем скользит ими к местечку между юбкой и чулками. Он гладит кусочек голой кожи костяшками пальцев. Вверх и вниз. Вверх и вниз. Медленно, очень медленно двигаясь вверх, пока его рука не исчезает под юбкой. — Мне нравится, как ты чувствуешь, Эй... ли, — хриплый, очень сексуальный шёпот и гортанный выдох моего имени заставляют моё тело содрогнуться в конвульсии. Мне приходится поднять руки, чтобы ухватиться за его плечи, когда он нежно скользит вверх по изгибу моей правой ягодицы, и мои колени превращаются в желе.

— Мэддокс... — я с трудом узнаю свой собственный голос, пропитанный желанием. Настолько отчаянный от нужды. Сила тех эмоций, которые зыбью проходят через меня прямо сейчас, поражает. — Пожалуйста, я ...

Внезапный оглушающий взрыв раздаётся где-то далеко, сотрясая всё здание и неустойчивое сооружение у нас под ногами. Подмости, словно в знак протеста начинают раскачиваться из стороны в сторону. Мы видим огонь, прежде чем слышим крики. Языки оранжевого и голубовато-белого пламени достают до потолка, быстро распространяясь к выходу. Наступает хаос, когда толпа в панике направляется к ближайшему выходу. Каждый человек пытается протолкнуться наружу из одного входа, создавая эффект «бутылочного горлышка».

— Идём! — Мэддокс хватая меня за предплечье и переходит на быстрый бег, таща меня за собой. Мы мчимся по второму этажу в противоположном направлении от всех остальных.

— Подожди! — упряплюсь я, заставляя его остановиться. — Моя подруга, Мэллори... она в уборной, — я оглядываюсь назад, и мои глаза расширяются от ужаса, когда я вижу, что

весь танцпол охвачен пламенем. — О, Боже ...

— Мы должны уходить!

— Но...

— Сейчас же! — он грубо тянет меня за руку, заставляя меня споткнуться, но я восстанавливаю равновесие, удерживая себя от падения, и увеличиваю шаги, чтобы не отставать от него.

Огромные, чёрные клубы дыма сгущаются вокруг нас, преграждая нам путь. Но Мэддокс продолжает мчаться, быстро перебирая ногами и не сбиваясь с темпа. Его хватка становится сильнее, когда он тянет меня за собой. Воздух душный. Здесь очень жарко, и каждый вздох обжигает мои ноздри вредным дымом, от которого на глаза наворачиваются слёзы. Такое чувство, что мы бежим вечность, и когда я уже думаю, что не смогу сделать больше ни шага, мы резко останавливаемся. Он отпускает мою руку и делает шаг вперёд, дёргая ручку двери перед нами. Ничего не происходит.

— Блядь! Её заклинило! — он убирает руку руку. — Отойти, — предупреждает он, после чего поднимает ногу и делает ею мощный удар. За ним следуют ещё три удара такой же силы, прежде чем дверь наконец-то открывается.

Когда мы выходим на улицу, я жадно глотаю воздух открытым ртом. Такое чувство, словно я горю в агонии, которая быстро несётся вниз по моему пересохшему горлу. Приступ кашля заставляет меня согнуться пополам и положить обе руки себе на колени, чтобы нормально перевести дыхание.

— Копы скоро будут здесь.

Я выпрямляюсь, чтобы посмотреть на него сквозь слезящиеся глаза, не сомневаясь, что издалека уже доносятся звуки сирены. Смотрю в сторону, откуда идёт звук, и вижу красные, синие и белые сигнальные огни на фоне ночи. Я знаю, что это кажется невероятным, что *он* тоже должен быть здесь, учитывая, что между нами находилось три административных округа, но от мысли, что Тим может быть одним из офицеров в патрульной машине, у меня начинается паника.

— Нам нужно уходить.

Я не могу согласиться. Неважно насколько иррационально моё мышление, Тим мог появиться так далеко от области своей юрисдикции, и лучше не оставаться здесь, чтобы проверить это.

Мы идём в сторону пожарной лестницы, которая находится сбоку здания. Он спускается первым, и я следую его примеру. Мне достаточно легко удаётся делать это, пока я не оступаюсь. Пытаюсь ухватиться за одну из металлических перекладин, чтобы удержать равновесие, но все мои попытки тщетны, поскольку я недостаточно быстра. Я успеваю только схватить ртом воздух, зажмуриться и приготовиться к неизбежному падению. Но вместо того, чтобы встретиться с жёсткой землей, которую я ожидаю, я оказываюсь в руках Мэддокса.

— Поранилась?

Я качаю головой.

— Нет.

Ненавижу то, что он чувствует необходимость снова поставить меня на ноги. Но я думаю, что это необходимо, чтобы выйти отсюда и не попасться. Мэддокс тянется к моей руке и сплетает наши пальцы, прежде чем снова потянуть меня за собой. На грунтовой стоянке каждый пытается попасть в свой автомобиль и удрать. Когда мы, как и все эти люди,

спешим побыстрее добраться до грузовика Мэддокса, я замечаю Мэллори. Генри поблизости нигде нет. Я не могу точно определить, хорошо это или плохо, но знаю, что предпочла бы лучше видеть с Мэллори его, а не тех двух парней, между которыми она сейчас зажата.

Как и раньше, я внезапно останавливаюсь, как вкопанная, и отпускаю руку Мэддокса. Он останавливается в паре метров от меня на середине шага и поворачивается ко мне с хмурым взглядом.

— Что такое?

— Я вижу свою подругу, — говорю я, а затем быстро отворачиваюсь от него, чтобы позвать её. — Мэллори! — кричу я через стоянку, складывая руки в трубочку около своего рта, чтобы усилить свой крик. — Мэллори! — я делаю несколько шагов в её сторону и снова останавливаюсь. — Мэллори! — она оглядывается вокруг и, когда наконец-то замечает меня, рьяно машет рукой. Она улыбается, как идиотка, когда начинает босиком бежать мне навстречу. У неё ужасный вид. Макияж размазан, волосы спутаны, а платье открывает ноги настолько, что я могу увидеть кружево её трусиков под ним.

— Ох, мой Бог, Эйли! — она режется в меня, хихикая. От неё несёт дымом, уборной и потом. Совершенно очевидно, что она немного под кайфом. Обнимая меня за шею, она хватает прядь моих волос и растирает её между указательным и большим пальцем. — Такие мягкие. У тебя такие красивые, прекрасные волосы, Эйли.

Я обнимаю подругу за талию, чтобы удержать её на ногах, когда она падает на меня.

— Где твои ключи? Я отвезу тебя домой.

Она отстраняется, хмурясь.

— Нет... неа, я не собираюсь домой. Есть ещё одна вечеринка. Я поеду туда с этими ребятами, — она качается, разворачиваясь и указывая большим пальцем в сторону двоих парней, которые последовали за ней. Они, конечно же, старше. Скорее всего, им под двадцать, но они моложе той толпы стариков, которую предпочитает Мэллори. Оба длинноволосые, неопрятные на вид и с множеством татуировок на коже. Они выглядят как парни, которых вы можете встретить в баре, обслуживающем исключительно преступников из байкерских банд. Не нужно быть гением, чтобы догадаться, что они хотят от неё. Или, возможно, они уже получили это и готовы к большему. Ни один из них не выглядит порядочно. — Я знаю, что ты не захочешь пойти, поэтому встретимся позже, ладно?

Я не вижу, как подходит Мэддокс, но чувствую его в тот самый момент, когда он оказывается близко, останавливаясь прямо за мной.

— Эй, йоу, Макс. Мужик, что не так?

Тот, что стоит сбоку от Мэллори выходит вперёд, как и Мэддокс. Они привычно пожимают руки ладонью к ладони и ударяют кулаками, словно каждый парень, казалось, знает, как это делается. Сейчас он стоит рядом со мной, но его поза будто говорит о том, что он пытается защитить меня от этих двух парней.

— Ни черта, — отвечает он ему коротко и ясно. Я заметила, что он делает это, когда чем-то расстроен. Он не отводит взгляда от этих двух парней, только слегка указывает головой в мою сторону, чтобы показать, что он говорит со мной. — Мы уходим.

— Мэллори, пойдём, — мне ненавистно выходить из тени защиты Мэддокса, но мне приходится сделать это, чтобы дотянуться до руки Мэллори.

— Нет! — кричит она, отталкивая меня, и спотыкаясь, отступает назад. — Я сказала тебе, что пойду на вечеринку с этими ребятами. Я не хочу, чтобы ты со мной нянчилась. Я в порядке.

Как бы я хотела, чтобы она не усложняла всё настолько сильно.

— Ты можешь повеселиться с ними в другое время. Прямо сейчас ты должна поехать домой со мной и протрезветь.

— К чёрту это, Эйли, прямо сейчас ты полностью портишь мне настроение. Слушай, я знаю, что иногда до тебя туго доходит, поэтому я скажу это медленно. Я. В порядке. Оставь. Меня. В покое.

— Мэллори.

— Это твоя сучка, Макс? — спрашивает другой с непристойной ухмылкой. Он прожигает меня своим взглядом, небрежно закидывая руку на плечо Мэллори. — Если ты так сильно беспокоишься о своей подруге, можешь присоединиться к нам. Я уверен, Макс не станет возражать поделиться тобой. Он уже делал это раньше. Я прав, Макс? Мы делим эту киску?

С уверенной лёгкостью, он скользит рукой под мои волосы и сжимает мой затылок, плавно прижимая меня к себе.

— Не её, — его голос тихий. Холодный. Эти два коротких слова пропитаны явным доминированием. — Увидимся, — сохраняя свою хватку на мне, когда мы разворачиваемся, чтобы уйти, он скользит большой ладонью дальше и полностью оборачивает руку вокруг моих плеч.

Глядя через плечо, я говорю:

— Но... Мэллори.

— Твоя подруга — шлюха, — говорит он прямо. — Она трахается в ночных забегаловках. Ты ничего не сможешь сделать для неё, если конечно не хочешь присоединиться к ней? — он останавливается возле своего грузовика и демонстративно смотрит на меня. — Хочешь преподнести лёгкую киску, которую можно было бы съесть?

Я нервно провожу языком по нижней губе.

— Нет, — бормочу я, опуская голову, когда щёки начинают краснеть. — Не им.

«О Боже, о Боже, о Боже!»

Пожалуйста, хоть бы эти слова прозвучали лишь в моей голове.

Боже, пожалуйста!»

Когда он касается пальцами моего подбородка и медленно поднимает голову, я ужасно боюсь посмотреть ему в лицо и увидеть там насмешку. Но когда я всё-таки поднимаю взгляд, то вижу в его полуприкрытых глазах сильное опаляющее пламя желания.

— Если ты предлагаешь свою киску мне, будь чертовски уверена, что с этим не последует никакого эмоционального багажа, — продолжая держать мой подбородок, он немного наклоняет мою голову, а затем приближается и касается своими тёплыми губами моего уха. — Я возьму твою киску, Эйли, с удовольствием, — взрыв дрожи проходит по каждому дюйму моей кожи, словно языки пламени, обжигая меня между бёдер и расплавляя мою пульсирующую плоть. — Но мне не нужно твоё сердце. Ты можешь оставить его себе, — добавляет он.

Я резко падаю с высоты горячего желания прямиком в яму холодного отчаянья. Он так умело проводит меня от одного спектра эмоций к другому, что мне интересно, откуда он унаследовал эту способность. Когда я успела дать ему власть делать мне больно?

— Хорошо. — Я пытаюсь выглядеть безразлично, но уверена, терплю крах, поэтому сдержанно продолжаю: — В любом случае, это не то, что я бы тебе предложила.

Любопытство сочится в его небезгрешном взгляде, прежде чем уголок рта

приподнимается в ухмылке.

— Давай так и оставим.

Глава 16

Мэддокс

Я читаю её, как книгу. Она думает, что скрывает свои эмоции, но они сменяют друг друга на её красивом личике, словно немое кино. Мне стоит восхищаться ею хотя бы за попытку, даже если её большие, выразительные глаза делают это невозможным для неё. Но если честно, всё именно так и будет. Я достаточно глуп, чтобы думать, что смогу покувыркаться с ней в постели больше одного раза. И я бы мог найти кого-то, кто дополнит трио, но я не могу превратить это во что-то, что будет походить на отношения.

Внутри своего грузовика я не могу отвести от неё взгляд. Я словно вижу её в первый раз, и мой мозг и член не совсем понимают, как справиться с данной ситуацией. Я знаю, что она милая, красивая, но даже в таком беспомощно милом и невинном образе Эйли пробуждает в парне защитный инстинкт. Появляется желание обнять её и сражаться с монстрами ради неё. Но прямо сейчас она далека от уязвимой, или милой, или невинной. Прямо сейчас она чертовски сексуальна. Эйли в этой одежде вызывает к моей более первобытной, более тёмной части моих инстинктов, которая хочет её на коленях передо мной, сжимающую и ласкающую мой член до тех пор, пока я не испущу семя на её великолепное красивое личико. Пробуждает желание пометить её, заклеить самым первобытным способом.

Юбка, топ и эти чёртовы чулки — один только взгляд на них влияет на мой член. Единственное, что сдерживают меня от скольжения рукой под её юбку — это знание того, что если прикоснусь к ней, — я просто чертовски уверен, — то не смогу остановиться, пока она не начнёт скакать на моём члене.

— Осторожно!

— Чёрт! — я давлю на тормоз, и быстрый рефлекс — единственное, что удерживает нас от тарана в машину перед нами. Столкновения не произошло, но наши тела резко наклоняются вперёд от резкого торможения грузовика, а затем мы откидываемся назад на сиденья, когда машина полностью останавливается.

— Ты в порядке?

Эйли кивает, её глаза расширены от страха, когда она смотрит на меня, и всё, что я хочу сделать, это схватить её лицо и нахрен поцеловать эти пухлые, тёмно-красные губы.

— Всё хорошо, — словно акула, учуявшая запах крови, я слежу за перемещением этого маленького розовенького язычка, который показывается на долю секунды, скользя по губам, а затем снова скрывается у неё во рту. Я бы всё отдал, чтобы попробовать его вкус. Её вкус. — Что насчёт тебя? С тобой всё хорошо? — спрашивает она.

«Отнюдь нет. Я хочу перетащить тебя через подлокотник своего грузовика, отодвинуть твои трусики в сторону и опустить тебя на свой твёрдый, словно камень, член. Хочу быть внутри этой тугой киски, прямо, блядь, сейчас».

Я прочищаю горло.

— В порядке.

Фигня. Я ёрзаю на своём сиденье и скольжу рукой по своему дружку, чтобы немного поправить его. Сила воли и упрямство — единственное, что удерживает мою ногу на педали газа и заставляет продолжить нашу поездку.

Она даже не понимает, как ей повезло прямо сейчас. Если бы я не был за рулём, то оказался на ней так быстро, что она даже и не поняла бы, что с ней стряслось, пока я бы не погрузился в её тугую киску.

— Эти ребята с Мэллори... они твои друзья?

Я слышу её вопрос, и мне приходится отвлечься от маленькой фантазии, в которой Эйли в главной роли, чтобы сосредоточиться на том, что она говорит. Она говорит о Тэке и Блэе. Эти двое далеко не «друзья». Правда заключается в том, что они не должны были оказаться в этой части города. Единственная причина, почему Дро мирится с ними на своей территории, так это потому, что он работает на сделке с Диконом, их боссом. Дро попросил меня присутствовать на этой вечеринке сегодня ночью и толкнуть столько СКАЯ, сколько смогу. Но затем, потому что он также попросил меня ничего не делать, кроме как не спускать с них глаз, я провёл большую часть ночи чертовски взбешённый, наблюдая за тем, как эти ребята толкают своё второсортное дерьмо на нашей территории.

А затем я увидел её. Неимоверно маловероятно, учитывая, что танцпол был битком забит оргией танцующих, гетеросексуальных, чрезмерно перевозбуждённых подростков, но на инстинктивном уровне я знал, что это была она. Я узнал её походку. Не могу точно сказать, когда успел её запомнить, но каким-то образом я узнал девушку, поднимающуюся по лестнице короткими, плавными шагами и утончённо раскачивающимися бёдрами. Это была Эйли. Я последовал за ней, чтобы точно удостовериться. И рад, что сделал это. Не буду говорить о том, как мне хотелось сбросить этого обдолбанного мудака, который считал, что может распускать к ней свои руки, с платформы. Было бы забавно посмотреть, как расколется его череп о бетонный пол. К счастью для него, она была там.

— У меня нет друзей.

— Оу.

Этот мягкий короткий звук что-то делает со мной и следующее, что понимаю, я объясняю, почему, блядь, у меня нет приятелей, с которыми я мог бы почесать языком.

— Я не очень хорошо схожусь с людьми. Дружба, знакомства — это всё бессмысленно для меня. Люди, как правило, питают мой интерес только до тех пор, пока остаются для меня полезными. После того, как ты исполнил свою роль, ты перестаёшь существовать для меня.

— Это грустно, — замечает она мягко. В голосе звучит сострадание, но её нежность проходит по моей груди, словно наждачная бумага.

— Это я.

Глава 17

Эйли

— Подкинуть тебя к дому? — спрашивает он, с явной напряжённостью в сжатых челюстях. Хмурое выражение на лице выходит за рамки задумчивости. Молча, задаюсь вопросом, сделала ли я или сказала что-то неправильно.

— Нет, — ответ слетает слишком быстро. Ненавижу то, как отчаянно хочу прямо сейчас

хотя бы малейшую частичку его времени и внимания. — Я должна ночевать сегодня у Мэллори.

Тишина, а затем:

— Он отпустил тебя с поводка? — вопрос наполнен сильным презрением, и жжёт, словно кислота. Выражение лица Мэддокса ни о чём не говорит, когда он на мгновение поворачивается в мою сторону. Он полностью закрылся.

Я не делаю вид, будто не знаю, о ком он говорит. Он видел синяк на моей щеке. Возможно, парень не так часто посещает школу, но это не означает, что он дурак. Он знает, что происходит. Знает, что Тим причиняет мне боль. Только понятия не имеет, в каком количестве. И я хочу, чтобы это осталось в секрете.

Я колеблюсь какое-то время, прежде чем откинуть свою осторожность полностью, и кладу руку на его бедро. Мэддокс заметно дёргается, мышцы его бедра напрягаются под моей ладонью, словно своим прикосновением я сделала ему больно. Когда я собираюсь отстраниться, его рука опускается на мою, как молот. Хватка настолько сильная, что я боюсь, что он может сломать мне пальцы.

— Мэддокс, — всхлипываю, и он мгновенно ослабляет хватку.

На секунду оторвав глаза от дороги, он смотрит на меня с нежностью.

— Прости, — бубнит Мэддокс. Он продолжает удерживать мою руку тёплым весом своей ладони.

Мы едем молча в место известное только ему. Не имеет значения, куда он меня везёт или где мы окажемся в конечном итоге. Я пока не готовая отправиться домой. Мне комфортно в его грузовике. Комфортно от того, что моя рука зажата между его рукой и бедром. Комфортно просто находиться рядом с ним, упиваясь соблазном его присутствия. Именно в этот момент я испытываю блаженство, которое мне было неизвестно ранее.

Примерно сорок пять минут спустя, мы подъезжаем к старому, деформированному проволочному забору. Сразу за ним — ряды массивных, прямоугольных контейнеров из стали, возможно, около сорока — пятидесяти футов в высоту³. Такие контейнеры прикрепляют к задней части полу-грузовиков для межштатных перевозок.

Поворачиваясь к нему, я спрашиваю:

— Что мы здесь делаем?

Мэддокс глушит двигатель и вытягивает ключ из замка зажигания.

Молча он открывает дверь со стороны водителя и выходит.

— Стараюсь, чтобы ты получила хорошую оценку.

Не обращая внимания на слабый голосок в своей голове, говорящий, что это, вероятнее всего, не очень хорошая идея, я выхожу из грузовика, закрываю за собой дверь и бегу, чтобы присоединиться к нему в нескольких футах от забора высотой в восемь футов⁴.

— Ты же не думаешь перелезть через него... да?

Он разгоняется прежде, чем я успеваю произнести последнее слово. Прыгает на забор, и тот скрипит и дрожит, когда Мэддокс забирается на него. Он садится на него верхом на секунду, а затем перекидывает обе ноги на другую сторону и спрыгивает без малейших колебаний. Парень приземляется на другой стороне без особых усилий.

— Твоя очередь, — говорит он небрежно, словно прыжок через забор — самая простая вещь для времяпровождения.

Трепет скручивает мои внутренности, когда я качаю головой.

— Нет ни единого шанса, что я через него перелезу.

— Тебе придётся, если хочешь увидеть то, что я собираюсь показать.

Любопытство, смешанное с хорошей дозой скептицизма, побуждает меня спросить:

— Что это?

Он посмеивается.

— Тащи свою попку сюда, и сама увидишь.

Я кусаю нижнюю губу, теперь полностью взволнованная.

— Я не думаю, что...

— Прекрати думать, — огрызается он, но потом немного мягче добавляет: — Я не дам тебе упасть, — ловлю его взгляд, прожигающий меня через дыры в ограждении. Он такой острый, притягательный, что, кажется, способен изучить меня на молекулярном уровне. — Я обещаю, что не позволю, чтобы с тобой что-нибудь произошло, — произносит он с такой непоколебимой уверенностью, что было бы глупо не доверять ему.

Даже со всем доверием, которое я к нему испытываю, паникующая, не ищущая приключений часть меня всё ещё кричит: «*Какого хрена ты делаешь?*», когда я начинаю пытаться перелезть через забор. Я игнорирую её, как только могу, сосредотачивая всё своё внимание на Мэддоксе, ожидающем меня на другой стороне. Не так уж и просто подняться на самую вершину, особенно в юбке и на каблуках.

Поднявшись, я смотрю на него вниз.

— Готов?

Он кивает, удобнее расставляя ноги.

— Прыгай.

Сильно закрыв глаза, и с небольшим криком, слетающим с губ, я прыгаю. Он ловит меня, словно принцессу, когда я приземляюсь ему в руки со звуком «Ох». Юбка задирается вверх, открывая слишком большую часть бёдер, а волосы в беспорядке падают мне на лицо. Я уверена, что выгляжу ужасно, и быстро протягиваю руку, чтобы поправить юбку.

— Было не так уж и трудно, да? — спрашивает он с этой привычной ухмылкой, заставляющей подгибаться мои колени и посылающей бабочек трепетать в моём животе.

— Вообще-то, было, — начинаю я, желая возразить, и оборачиваю свои руки вокруг его шеи, когда он ставит меня на ноги. — Но ты сделал это лёгким.

В ответ он берёт меня за руку и тянет за собой, проходя длинный путь через плохо освещённую площадку. Когда мы останавливаемся в крошечной темноте у одного из стальных контейнеров, Мэддокс отпускает мою руку и тянется к покоцанной, жёлтой приставной лестнице контейнера.

Со стоном, я спрашиваю:

— Снова лезть?

Он усмехается.

— Это последняя.

Мэддокс поднимается первым, а я следую за ним. Когда он достигает вершины, то подает мне руку, чтобы помочь подняться. На крыше контейнера наши шаги эхом отдаются от стали, когда он ведёт, а я плетусь за ним. Здесь прохладнее, и ночной воздух свистит в наших ушах; он скользит по моей голой коже, оставляя после себя мурашки. Когда Мэддокс останавливается по центру на краю контейнера, я становлюсь рядом с ним и крепко обнимаю себя.

Повернув голову от его резкого движения, я вижу, как он снимает через голову свитер. Белая рубашка под ним немного задирается, оголяя соблазнительное тату, покрывающее

рёбра и часть торса над его низко висящими на бёдрах джинсами. Жар приливает к моим щекам, когда я поднимаю взгляд, чтобы обнаружить, как он вскидывает бровь и самодовольно ухмыляется.

— Всё ещё не смотришь, да? Иди сюда.

Мы делаем шаг навстречу в одно и то же время. Я наклоняю голову, когда он ловко надевает на меня свитер.

Морща нос от смеха в его голосе, я засовываю сначала одну, затем другую руку в рукава, которые он протягивает для меня.

— Некрасиво дразнить, — говорю я, тихо утопая в его свитере. Он всё ещё тёплый от его тела, и меня окутывает ощущение, словно он обнимает меня, и запах его одеколona становится единственным ароматом в мире, который я хочу вдыхать. *Всё* время.

Убрав прядь волос от моего рта за ухо, Мэддокс тянет за переднюю часть своего свитера, приближая меня к себе. Опустив голову немного вниз, шепчет:

— Но я слишком хорош в этом.

Облизывая губы и глядя на него, я добавляю:

— Я не знаю, что делать, когда ты говоришь мне такие вещи.

Это ужасно, что я не могу просто заткнуться и не говорить глупые и постыдные вещи вроде этих, когда он так близко ко мне. Его близость — мой криптонит.

— Оближи свои губы для меня, — это неожиданная просьба, которой моё тело покоряется мгновенно. Языком скольжу по своим губам и подсознательно прикусываю внутреннюю часть своей плоти, когда его глаза сосредотачиваются на моём рте.

Мэддокс берёт моё лицо в ладони и поднимает голову.

— Сделай это снова. Только медленно.

— Мэддокс...

— Шшш, — успокаивает он, прежде чем скомандовать: — Сделай это.

Чувствую себя глупо, когда медленно провожу языком по своей верхней и нижней губе. Но делаю, как он говорит.

— Доволен?

Его глаза темнеют, дыхание становится неровным, затруднённым, и я быстро моргаю и тихо вздыхаю, когда напряжённая выпуклость вдавливается в меня. Мысль об отвращении или страхе даже не приходит мне в голову. На самом деле, это всё, что я могу сделать, чтобы удержать себя и не наклониться немного ближе, пытаюсь отчаянно почувствовать больше этой впечатляющей длины. Моя кровь кипит, согревая всё моё тело, и свидетельство моего собственного желания расцветает на моих щеках, отчего мне становится трудно дышать.

— Не совсем, — отвечает он. С резким выдохом, опаляющим моё лицо, он резко отступает от меня, словно я вызываю у него отвращение.

Мэддокс расхаживает по краю контейнера и опускается вниз, приседая на корточки, а затем садится полностью, свешивая ноги с края.

Охлаждая страсть, я стою там, в течение долгого времени, не уверенная, должна ли последовать за ним. Но всё моё тело тянется к нему, словно магнит, поэтому мне не остаётся другого выбора.

С изысканной девичьей грацией, которую мне удаётся откопать в себе, я опускаюсь на колени рядом с ним, а затем принимаю сидячее положение, и, убедившись, что юбка прикрывает бёдра, следуя его примеру и свешиваю ноги с края.

— Почему ты такой злой? Это я тебя разозлила?

Мэддокс пожимает плечами.

— Я всегда злой. Не могу припомнить день, когда не чувствовал, что уничтожаю что-то. Или кого-то. Это всегда там, прямо под кожей. Иногда я могу это контролировать. В другое же время... Не хочу.

Я вслушиваюсь в его мягко сформулированную исповедь и позволяю ей проникнуть в меня. Я молча слушаю его, наслаждаясь хрипотой его голоса и мыслью о том, что являюсь кем-то, кому он доверяет настолько, чтобы поговорить. Я невероятно тронута прямо сейчас. Больше, чем можно описать словами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мы молчим какое-то время, после чего он смотрит на меня и продолжает:

— Я и ты? Мы не так уж и сильно отличаемся, — он вздыхает. — И это до чёртиков пугает меня. Я чувствую потребность защищать тебя. И то, что ты в какой-то степени сломлена, выводит меня из себя. Так же, как это было с моим братом. Он вытерпел много издевательств. Особенно от одного парня. Как ты, наверное, поняла, Ной не очень-то склонен к конфронтации, поэтому он ничего не делает. Его подход — игнорировать и чертовски сильно молиться о том, что это закончится, в конце концов, — оттенок презрения в его голосе перерастает в явную озлобленность на своего брата.

— Так что же случилось с тем парнем? Он в конечном итоге оставил Ноя в покое?

Он выпускает сухой, невесёлый смешок.

— Я припёр парня к стене в уборной, а затем несколько раз стукнул лицом об раковину, и только потому, что он любил называть Ноя «гомиком». Я подумал, что будет неплохо, если он узнает, как это ощущается на самом деле, поэтому вставил ему в задницу ручку от вантуза, — когда Мэддокс поворачивается, чтобы посмотреть на меня, я встречаюсь с тёмным, угрожающим взглядом, от которого стынет кровь. — Ты хочешь знать, как я себя чувствовал после того, что сделал?

— Расскажи мне, — отвечаю я тихо.

— Невероятно удовлетворённым, — я не нахожу никакого намёка на сожаление на его лице, и не могу объяснить почему, но я больше не встревожена этим. Неожиданно я чувствую, как его рука мягко скользит по внутренней части моего правого бедра, и сердце подскакивает к горлу. Не моргая, смотрю вниз на его по-мужски массивную, татуированную руку, так нежно поднимающуюся к краю моего красновато-розового шрама, и мой первый инстинкт — содрогнуться и отстраниться. — Что-то вроде того, как я представляю, что чувствуешь ты, делая это.

Всё во мне борется, чтобы встать и убежать. Убежать и спрятаться. Убежать и плакать. Убежать и резать.

— Эйли, — его голос опускает меня на землю. Вырывает меня из атмосферы моего плывущего разума и привязывает к его непоколебимой силе. — Ты дрожишь.

Так и есть. Яростная дрожь ног смущает.

— Прости.

— Посмотри на меня, — и мои глаза сразу поднимаются к его лицу. — Ты должна перестать извиняться за то дерьмо, в котором нет твоей вины.

Кивнув, я отвожу взгляд. Если я сейчас открою рот, то уверена, что сделаю одну из двух вещей: заплачу навзрыд или выложу все свои секреты. Ничто из вышеуказанного не должно произойти. Я ещё не готова оттолкнуть его всем своим багажом. Тишина, которая возникает между нами, вибрирует от слов, которые я не могу произнести. И мы молчим так в течение

нескольких минут.

— Посмотри наверх.

Моё тело было создано для того, чтобы следовать его указаниям. Не могу ничего с собой поделаться. Поднимая взгляд, я обнаруживаю полуночное небо, усеянное крапинками сверкающих звёзд. Их так много там, что мои глаза мечутся из стороны в сторону, стремясь разглядеть их все. Без вмешательства дневного света, они сверкают непривычно ярко, простираясь так далеко и широко, насколько позволяет взгляд.

— Это захватывает дух, — я смотрю на него. — Как ты нашёл это место?

— У меня свои методы, — на его легкомысленный ответ, я снова возвращаю взгляд к небу. Боковым взглядом замечаю, как он откидывается назад, складывая руки и заводя их за голову.

Я вздыхаю.

— Я бы хотела свои вещи для нашего проекта и камеру. Это был бы отличный кадр.

— Не то чтобы мы не могли вернуться.

— Мы? — я не могу скрыть счастья. — То есть, ты делаешь проект со мной? Я думала, ты сказал, что это пустая трата времени?

Он достаёт свой телефон и держит его перед собой, так что не отвечает сразу, потому что отвлечён бешеным набором сообщения на телефоне. Это нелогично, что мне приходится ревновать к телефону, и ещё более абсурдно для меня вообще ревновать к тому, кто украл его внимание. Глядя вверх на звёзды, трудно найти какую-либо красоту там, когда мои мысли настолько поглощены уродливыми чувствами. Молча, я пытаюсь урезонить ненужный беспорядок в своей голове, и замечаю, что Мэддокс встал на ноги, только когда чувствую тяжесть его руки на своём плече. Он убирает руку и протягивает её мне, чтобы я взялась за неё. Одним быстрым движением он поднимает меня на ноги.

— Ты до сих пор мне не надоела, — он тянет прядь моих волос и бездумно играет с ней между пальцами. — Поэтому я предполагаю, что сейчас ты стоишь моего времени.

Он горячий и холодный. И я не должна находить его высокомерие таким сексуальным. Не должна слепо следовать каждому его слову. Не должна быть собачкой у его ног, ожидающей крохотной частички его внимания. Не должна хотеть иметь с ним что-либо. И, тем не менее, вот она я, упиваюсь его вниманием, и молча, выжидая, чертовски сильно желаю получить возможность вкусить хотя бы толику его греха.

— Ты должна почаще распускать волосы. Мне это нравится.

С трудом сглотнув, я отвечаю:

— Я буду делать это, но только если ты попозируешь для меня.

Его рот дёргается.

— Я плохо влияю на тебя. Но ладно, я буду позировать для тебя.

Не могу ничего поделаться и расплываюсь в лучезарной улыбке.

— Правда? Ты сделаешь это?

Мэддокс смотрит на меня серебристыми глазами, и шаловливая улыбка приподнимает уголки его сексуального рта.

— Да, я сделаю это.

Эйли

Он держит своё слово. Ждёт меня в понедельник после школы. Я наслаждаюсь, видя его, небрежно прислонившегося к ряду шкафчиков и разговаривающего со своим братом. Когда я подхожу, наши взгляды встречаются, и я уверена, что вижу искорку удовольствия в его глазах из-за моего появления.

— Как жизнь, Эйли?

Несмотря на то, что я бросаю Ною тихое «Привет», мой взгляд по-прежнему прикован к его татуированному брату, который, кажется, тоже не прекращает глазеть на меня.

— Привет, — произношу с застенчивой улыбкой и красными щеками.

Он усмехается.

— Я готов к моему крупному плану.

Слышится фырканье Ною.

— Я до сих пор удивляюсь, как ты убедила этого идиота позировать для тебя. Ты хоть знаешь, насколько он ненадёжен, Эйли?

Пожимая плечами, я отвечаю:

— Я в него верю.

Мэддокс выдавливает осуждающую улыбку.

— Думаю, ты такая одна.

— Иногда это всё, что нужно, — бормочу я. Стоя между этими двумя, я внезапно осознаю, настолько у меня маленький рост, и это становится ещё более очевидно, когда я поднимаюсь на носочки, чтобы достать до замка на своём шкафчике.

— Какая твоя комбинация? — спрашивает он с поднятой вверх рукой, стоя прямо за мной.

— 53-12-9, — выдаю цифры шёпотом, но делаю это без колебаний. Он набирает их, крутя сначала влево, а затем два раза вправо, и снова назад к последней цифре. Он убирает замок секундой позже, и дверь моего шкафчика открывается.

— Спасибо.

Я хватаю необходимые книги для домашней работы на сегодняшний вечер и оставляю те, что мне не нужны.

— Я готова, — говорю я, закрывая за собой дверцу. — Ты идёшь с нами, Ной?

— Нет, — Мэддокс не даёт Ною возможности ответить. — У него есть дела.

Ной хмурится, но это быстро перерастает в улыбку при виде парня, направлявшегося в нашу сторону.

— На самом деле, ты прав, Макс, у меня есть дела получше, — говорит он весело, и возбуждение написано у него на лице при его приближении.

Я мгновенно узнаю это парня, потому что он один из самых популярных. Он играет за футбольную команду школы Бригам и зависает в кругу Мэллори. Райли Фелтон. Он не очень красивый в общепринятом смысле этого слова, со своим орлиным носом, глубоко посаженными карими глазами и широким ртом, но того, как он ведёт себя, достаточно, чтобы люди его замечали. Когда он подходит и останавливается возле Ною, я сразу понимаю, что они вместе. Они поразительная пара.

Я наблюдаю за выражением лица Мэддокса, когда он смотрит то на брата, то на Райли, который стоит так близко к Ною, что тыльные стороны их ладоней и рук соприкасаются. Нахмутив брови, он не отводит взгляда от Райли, когда говорит:

— Ты имеешь виду *кого-то*, младший братец? — в его голосе нет никаких эмоций.

Грустный, задумчивый взгляд омрачает милые черты Ноя прежде, чем тот вздыхает и берёт Райли за руку, переплетая пальцы.

— Ты поймёшь в один прекрасный день, что не всё крутится только вокруг секса, Макс. Возможно, это и началось именно так, но мы гораздо выше этого.

Его загадочные слова сразу же запускают цепную реакцию в Мэддоксе. Невидимый занавес злости, который он, кажется, знает так хорошо, нависает над его широкими плечами, и от этого тяжёлого веса они опускаются.

— Не нужно.

Кулаки сжаты, челюсть напряжена и его красивое лицо искажается в достаточно жестокую маску, которая говорит, что он готов убивать. Мэддокс готов убить своего брата.

Продолжительно и тяжело вздохнув, Ной продолжает:

— Посмотри на себя. Он мёртв все эти годы, но по-прежнему продолжает контролировать тебя. Ты *позволяешь* ему контролировать себя, Мэддокс.

— Заткнись.

— Если ты будешь продолжать держаться за то, что случилось...

Разносится невероятный рёв.

— Закрой пасть!

А затем Мэддокс шагает вперёд, сокрушая кулаком лицо Ноя.

Это происходит слишком быстро. Но конечный результат всё-таки разрушительный. Ной распластан на полу с кровоточащим носом и кровоподтёками на челюсти, в то время как Мэддокс нависает над ним, словно злобная сила, готовый вбить своего брата в чрезмерно отполированный пол.

Ной медленно вытирает нос.

— Если хотя бы какая-нибудь унция тебя хоть немного заботится о ней, то ты уймёшь этот гнев. Потому что ты только причинишь ей боль... так же, как он делал больно маме. Не становись им, — его последние слова звучат как удар ниже пояса, и, конечно же, они оказывают желаемый эффект.

Мэддокс отшатывается, словно его ударили. Выражение его лица меняется от полного опустошения до ужаса, прежде чем ему удаётся обуздать свои эмоции. Единственное свидетельство того, насколько сильно слова его брата повлияли на него, выражается в том, что он спотыкается, когда делает два шага назад.

— Да пошёл ты, Ной, — он разворачивается и уходит, и я, не медля ни на секунды, следуя за ним.

Только единственный оклик Ноя останавливает меня на полпути:

— Он... он разбит на множество кусочков, Эйли. Возможно, их слишком много, чтобы сложить обратно вместе. Просто будь осторожна. Он может порезать.

Недолго думая, я отвечаю:

— Надеюсь, он это сделает.

И надеюсь, что порез будет достаточно глубоким, чтобы оставить шрам. Я хочу, чтобы он был настолько глубоким, что вылечить рану будет невозможно. Он принесёт осколки, а я подставлю плоть, и мы будем истекать кровью, зализывая наши израненные души.

*****

Я нахожу его в ярости на лестничной площадке между первым и вторым этажом. Он бьёт по серой кирпично-бетонной стене со всей силой, что у него есть. Влажный, трескающий звук давит на уши. Его, кажется, не волнует, что он обрушивается всем своим телом на стену перед собой и бьёт голой рукой, разрывая плоть и размазывая по ней кровь. Его удары жестоки и безжалостны. Он безумно продолжает двигаться, впадая в транс и продолжая вредить себе. Борьба с демонами ослепляют его для всего, кроме боли, нанесённой самому себе. Я не знаю, что его мучает, но понимаю его агонию.

Я прекрасно осознаю риск на который иду. Опасность, которой я себя подвергаю, когда подхожу к нему сзади. Я не должна идти на это, но мысль о том, что я ничего не сделаю и буду просто наблюдать за ним, настолько болезненно невыносима, что сжимает мою грудь тисками. Горло сдавливает из-за растущего кома, скорость пульса под кожей достигает межгалактической скорости, но для меня есть только Мэддокс. Я делаю глубокий вдох и жду, подбирая момент, прежде чем обнимаю его за талию и прислоняю лицо к напряжённой спине. Он не позволяет мне держать его долго. Не принимает никакого утешения от меня. Он застывает. А потом реагирует. Мэддокс хватается за предплечье, обводит вокруг своего тела и прижимает к измазанной кровью стене. Всё это происходит словно одно движение, так плавное, что я едва успеваю ахнуть. Он просовывает своё колено между моих ног и толкает его вверх до тех пор, пока я не вынуждена оседлать его накаченное бедро.

Я боюсь посмотреть на него, но Мэддокс лишает меня этого маленького выбора, когда сметает рукой мои волосы и сжимает пальцы на моём затылке. Малейшее давления его пальцев заставляет меня мгновенно встретиться с ним взглядом. Он выглядит взбешённым. От него исходит такая угроза, что приличная доза страха ползёт вниз по моему позвоночнику.

— Тебе не стоило следовать за мной.

Это дикое рычание — всё его предупреждение, прежде чем он опускает голову и целует меня. Но это гораздо больше, чем просто поцелуй. Он наказывающий и грубый, нетерпеливый и пропитан пылающей яростью. Мэддокс хватается моё лицо, отчаянно держит мою голову, вцепившись пальцами, и изливает каждый последний кусочек своей необузданности в меня. Я ощущаю, насколько дико он чувствует себя в этот момент. Ощущаю его неукротимое желание. Ощущаю мрачность, голод и первобытность Мэддокса на вкус. И его привкус настолько сильный, что может вызвать зависимость.

Я наслаждаюсь.

Утопаю.

Дышу, когда он дышит.

Он — ветер, а я — дерево, изгибающееся и покачивающееся из-за его всеобъемлющей силы.

Поглощённая головокружением и чрезмерным желанием, я могу только постанывать и хныкать от горячей и скользкой чувственности его поцелуя.

— Я знал это, — он прерывисто дышит напротив моего влажного, опухшего рта, его голос хриплый, но глубокий. Играет пальцем с уголком моих губ и медленно проводит им назад и вперёд по моей нижней губе. — Блядь. Я, блядь, знал, что если когда-нибудь поцелую тебя, то не смогу остановиться, — он хватается меня за челюсть, вдавливая пальцы в мою кожу так, что мой рот образует «О». — Я не могу, чёрт побери, перестать целовать тебя.

Он овладевает моим ртом снова, и это влажное блаженство. Его твёрдый, но податливый язык сталкивается жаркими, томными ударами с моим языком, зубы впиваются

в мою нижнюю губу, прежде чем он снова возвращается к моему рту, заполняя его.

Знаю, что я не очень хороша в этом, потому что Мэддокс Мур забрал мой первый настоящий поцелуй. Но я следую его примеру, предварительно касаясь своим языком его, делая то, что кажется правильным. Что кажется приятным. Когда я обнимаю его за шею, он отскакивает от меня, словно я обожгла его. Он стоит на небольшом расстоянии, со злостью раздувая ноздри, его грудь вздымается. Он выглядит так, будто пробежал марафон, и его поза говорит о готовности к ещё одному забегу.

Мы стоим так в течение длительного времени. Просто смотрим друг на друга, пока наше затруднённое дыхание эхом отдаётся по лестничной площадке.

— Слушай...

— Мы должны обработать твои руки, — прерываю я. Почти уверена в том, что он собирается сказать. Могу прочесть это по его выражению лица, которое он пытается взять под контроль. Он хочет оттолкнуть меня. Порвать эту тонкую связующую нить, которую мы создали. Хочет отступить, потому что я вижу его слабое место. Я вижу его уязвимым и могу с уверенностью предположить, что для Мэддокс Мура об уязвимости не может и быть речи. Показывать свою уязвимость кому-то, это словно дать им оружие, и показать, где именно и каким образом они могут сделать тебе больно. Но причинить боль Мэддоксу — последнее, что я когда-либо хочу сделать. И даже если бы мне пришлось сделать ему больно, я сначала причинила бы боль себе бесчисленное количество раз, прежде чем сделала это с ним.

— Эйли...

Не обращая на него внимания, я направляюсь вниз.

— Мистер Кауфман хранит аптечку для оказания первой медицинской помощи рядом с гончарными изделиями в задней части мастерской.

У меня чувство дежавю, когда я смотрю на него снизу-вверх, стоя на лестнице. Мы были в похожей ситуации раньше. Только он смотрел на меня. В ночь после того, как Тим ударил меня. Мэддокс последовал и загнал меня в угол на лестничной площадке, только на противоположной стороне школы. Он был там ради меня. Злился от моего имени и ещё какими-то образом понимал, что я нуждалась в его комфорте больше, чем во всём остальном. Теперь эти роли поменялись, и у меня появился шанс утешить его.

— Я не могу сделать это с тобой.

Всё, что он хочет сделать — это сбежать.

Направляясь назад вверх по лестнице, я останавливаюсь перед ним в одном шаге.

— Всё, что я хочу прямо сейчас, просто нарисовать тебя. Ты говорил, что сможешь мне, и я хочу, чтобы ты сдержал своё слово.

Мне нужно больше времени.

Мэддокс сердито смотрит на меня, и я вижу, как он хочет сказать свои два любимых слова.

— Ты не можешь сказать мне, чтобы я проваливала нахрен, — говорю я спокойно, ещё сильнее воспаляя его раздражение. Он прищуривается и в течение длительного времени просто смотрит на меня. Я ощущаю, как нервозность иголками покалывает на моей коже.

— Ты чертовски непослушная, — ворчит он перед тем, как проходит мимо меня, спускаясь вниз по лестнице. Я следую за ним в более спокойном темпе, и ничего не могу поделаться с растущей улыбкой на моём лице.

*****

В классе искусств, некоторое время спустя, он сидит на кафедре в центре комнаты, на которую мистер Кауфман, как правило, ставит предмет для рисования перед определённым классом. Я стою на коленях между его ног, оборачивая белый бинт вокруг его поцарапанных кровавых костяшек. До сих пор он не выразил своего возмущения по поводу того, что я это делаю. Мэддокс позволил мне подвести его к раковине и оставался относительно спокойным, пока я смывала кровь с рук. Затем я принесла аптечку мистера Кауфмана, которая хранится в зоне глиняных изделий, и вернулась с необходимыми вещами. Он немного шипел и морщился, пока я чистила его раны медицинским спиртом, но позволил втереть мазь в каждую руку, прежде чем я обмотала их бинтом.

Я как раз заканчиваю забинтовывать его вторую руку.

— Ты не должна этого делать, — это первое, что он говорит мне после произошедшего на лестничной площадке. Его голос звучит хрипло, грубовато, словно он кричал.

Я облизываю губы и пожимаю одним плечом. До сих пор чувствую его губы на моих.

— Мне не сложно, — отвечаю, отставляя в сторону аптечку, и поднимаюсь на ноги. — Если дашь мне минутку, я подготовлюсь, и мы сможем приступить к работе.

Обретя цель, я раскладываю свой штатив, подготавливаю холст и ставлю его на мольберт. Захожу в свою разрисованную коморку и обратно, собирая кисточки, а затем направляюсь к рабочему островку, где храню все краски. Я беру то, что мне нужно, в основном акриловые краски, и возвращаюсь к своему холсту. Он держит перед собой телефон, отросшая чёлка его тёмных волос сексуально спадает ему на глаза. Мне хочется подойти к нему и убрать её обратно. Но я этого не делаю. Я не делаю ничего, кроме как занимаю место на стуле позади, и молча наблюдаю, как он набирает сообщение. Это девушка? Или это по работе? Эти два вопроса крутятся в моей голове, словно карусель в заброшенном парке развлечений. Я понимаю, что не могу сосредоточиться, и поэтому говорю «спасибо», когда искра вдохновения проходит через меня, заставляя сделать образ, набросок, то, что для меня естественно.

Мэддокс встаёт некоторое время спустя и, шатаясь, идёт в мою сторону. Мне приходится моргнуть несколько раз, чтобы вывести себя из моего нахлынувшего вдохновения.

— Мне нужно идти, — подходя достаточно близко, он протягивает руку и хватается прядь моих волос. Как и прежде, он играет с ней, словно это настолько увлекательно, что поглощает всё его внимание. — Я должен уйти, — говорит он немного более твёрдо, и я не совсем уверена, он пытается убедить себя или меня. Глядя вверх, я нахожу поразительно чистые и полные эмоций глаза, смотрящие прямо сквозь меня. А затем он наклоняет голову вниз, перемещая руку на мою щёку. — Скажи мне уйти, — в его голосе слышится напряжённость, удушающее отчаянье. — Чёрт возьми, Эйли, скажи мне, чтобы я оставил тебя в покое.

Я качаю головой.

— Прости, — шепчу я, — но я не хочу, чтобы ты оставлял меня в покое.

Будто вес его эмоций становится слишком тяжёлым, он прислоняется своим лбом к моему и закрывает глаза.

— Я чертовски тебе не подхожу, — бубнит он и глубоко вздыхает. — Здесь нет ничего для тебя, кроме боли. Ты подбираешься ко мне слишком близко, и в конечном итоге я сделаю тебе больно.

Беря во внимание то, что я чувствую, и что это, возможно, мой последний шанс, я осторожно прикасаюсь к его лицу, и когда он не отступает назад, я позволяю себе пробежаться пальцам по его щеке, а затем по челюсти. Затем отстраняюсь на дюйм.

— Сделай, Мэддокс, — я знаю, что мой голос звучит слишком слабо, но я говорю это с уверенностью. Он знает, что я имею в виду. И я не жалею о сказанном. Я не откажусь от этого.

— Глупышка, — рычит он. А затем с голодом набрасывается на меня. Поглощает меня. Опускает свой красивый рот на мой и проталкивает язык между моих губ, разрушая меня для всех остальных. — Глупая наивная девочка, — отчитывает он между резкими вдохами, между страстными, требовательными поцелуями, которые отдаются жаром в моей сердцевине, заставляя меня полностью открыться. — Почему, чёрт побери, ты не можешь быть как все остальные? Почему ты не можешь иметь другое проклятое тело? Почему *ты* должна иметь значение?

Я закрываю глаза на секунду, осознавая то, что он просто спросил меня, прежде чем снова смотрю на него.

— Потому что я вижу тебя. Я вижу тебя, Мэддокс, более ясно, чем когда-либо видела что-либо или кого-либо в своей жизни. И я знаю, что это пугает тебя, потому что ты тоже можешь видеть меня.

Чувствую, что огромный вес исчезает с моих плеч, и в этот раз сама начинаю целовать его. Мой поцелуй и близко не стоит с уровнем мастерства Мэддокса, но я облизываю его губы и застенчиво касаюсь его языка своим. Его ответный стон побуждает меня к большему. Но он не позволяет мне слишком долго всё держать под контролем, и я задыхаюсь в его рот, когда он с лёгкостью поднимает меня со стула. Шум падающих на пол моих принадлежностей для рисования теряется в тумане пьянящего желания. Обвиваю руками его шею и ногами талию, когда Мэддокс держит меня за попу, сжимая большими руками мои ягодицы через ткань джинсов. Поцелуй не прерывается, когда он подносит меня к столешнице и с лёгкостью сажает на неё. Отдалённо в своём затуманенном рассудке я слышу, как тюбики и банки с краской катятся и падают со столешницы. Они не имеют никакого значения.

Мэддокс отрывается от моего опухшего рта, запускает пальцы мне в волосы и запрокидывает мою голову назад, оставляя дорожку влажных поцелуев вдоль моей челюсти и вниз по шее. Это жадные поцелуи. Поцелуи, которые ощущаются так, словно он собирается проглотить меня. Я стону, когда он жёстко всасывает нежную кожу на моей шее. Резкая боль, смешанная со сладким удовольствием от его губ и языка, успокаивающих боль, заставляют меня жаждать большего. Он опускается вниз, стаскивая джемпер с моих плеч, и тот скользит вниз по моим рукам и лужицей обвивается вокруг моей талии и запястий.

Он берёт мою грудь через ткань моего лифчика и топа, и я с потрясённым очарованием наблюдаю, как он опускает свою тёмную голову, прикусывая сквозь тонкий материал сосок левой груди. Даже сквозь барьер одежды, я чувствую, как сжимаются его зубы, и хныканье вырывается из моего открытого рта, когда сладчайшая волна тепла растекается между моих бёдер, заставляя меня извиваться. Мэддокс снова находит мой рот, запускает руки в мои волосы и наклоняет голову так, как ему хочется, погружая свой язык глубже.

— Скажи мне остановиться, — командует он низким голосом и прижимается своим лбом к моему, тяжело дыша. — Скажи мне остановиться, Эйли, потому что клянусь, если ты этого не сделаешь, я стяну твои джинсы, разложу тебя на этом столе и скользну своим

членом внутрь твоей тёплой киски.

Кто знал, что такие непристойные слова могут так возбуждать? Или это только потому, что они исходят из красивых уст этого парня? Захватывающий взрыв мурашек скользит по моей коже, когда я касаюсь пальцами его рта.

Нежно, он сжимает губы и целует мои пальцы, а затем переплетает их со своими.

— После я не смогу остановиться, — продолжает он. — Я собираюсь трахнуть тебя, Эйли. Собираюсь трахать тебя медленно, и трахать тебя жёстко. Собираюсь заставить тебя кричать так громко, что любой, кто остался в этом здании, прибежит посмотреть, как хорошо ты сможешь принять мой член.

Последние слова он шепчет в мою нежную кожу между шеей и ушком, посылая мурашки по моему телу. Жар пульсирует в моём животе и стекает вниз к впадинке между бёдер, затапливая сердцевину. Я пульсирую, задыхаюсь, и хочу большего *от* него, большего *для* него. Чтобы он не делал сейчас, но это тёмное очарование страсти служит доказательством того, что я именно там, где должна быть.

Хочу ли я останавливать его? Нет. Я не хочу. Но я не могу позволить делать ему со мной все эти вещи на этом столе, посередине класса искусств, несмотря на то, насколько я изнываю от желания. Со временем это долетит до Тима, и он будет жаждать крови. И моей, и Мэддокса. За себя я не очень-то беспокоюсь. Но я не могу вынести и мысли о том, что мои неосторожные действия причинят боль Мэддоксу.

Со вздохом, я подаю импульс и запускаю руку в его густые волосы.

— Ты говоришь, что не подходишь мне, но ты всегда обо мне заботишься.

Он фыркает.

— Побочный эффект глупости, полагаю.

Я улыбаюсь и наклоняю его голову поближе, чтобы оставить нежный поцелуй в уголке его рта.

— Спасибо.

— За что?

— За каждый раз, когда ты был рядом. Теперь...

Он тяжело вздыхает.

— Я не могу тебе ничего обещать, Эйли.

— Хорошо, потому что я ничего и не жду. Давай не будем давать этому определение. Мы просто позволим всему идти своим чередом.

Мэддокс нежно осыпает меня ещё одним потоком поцелуев из своего богатого запаса сексуального мастерства. Я живу ради того, чтобы он раскрыл мои губы, живу ради того, чтобы он решительно погрузил свой язык в мой рот и мягко ласкал меня им. Он целует меня так, словно я лучшее, что он когда-либо пробовал, и ему больше не нужно ничего, кроме как наслаждаться моим вкусом.

Глава 19

Мэддокс

Последние дни были сумасшедшими. Ни грёбаной минутки свободного времени. Дро всё время занимает меня какой-то работой. Но данный момент за поясом моих джинсов два пистолета — СИГ и Глок. И ещё один полуавтомат спрятан в левом сапоге. До него,

вероятнее всего, будет немного сложнее дотянуться, но я уверен, что моя цель будет на земле задолго до того, как сможет выстрелить в меня. Нас семеро в маленьком подвальчике небольшого китайского ресторана на Файет-Стрит. Каждый на грани. Здесь жарче, чем в заднице у дьявола, и среди нас ни одного такого, у кого не вспотели яйца. Но мы все сохраняем спокойствие сейчас, потому что все готовы в любую секунду схватиться за оружие. Знаю, потому что, чёрт возьми, сам готов. Мы не на своей территории. Потрёпанный китайский ресторан принадлежит хорошему другу Дикона. Это должно служить нейтральной территорией, но, тем не менее, я чертовски на грани. Я весьма уверен, и Дро тоже, поэтому Уилки и я стоим за ним с одной стороны от зелёного покерного стола. Думаю, мы единственные, кому он доверяет прикрывать свою спину, на случай, если что-то пойдёт не так, потому что любой из нас, не колеблясь, пустит пулю в кого-то. Нас превосходят по количеству на одного, но мне по-прежнему нравятся наши шансы.

Покупатель, которого для Дро прислал Дикон, стоит по другую сторону стола в окружении трёх мускулистых вышибал. Мы здесь уже десять минут и до сих пор всё идёт по плану. Но даже будучи пессимистом, я всегда готов к тому, что что-то пойдёт не так.

Это простая поставка оружия. Покупатель принёс большую сумку с деньгами. Сто штук, если быть точным, достаточно, чтобы заплатить за три чёрных вещевых мешка на столе, заполненных разнообразными винтовками, полуавтоматами и патронами.

— Что у тебя есть для меня? — в его грубом голосе звучит акцент.

— Почему бы тебе не взглянуть? — предлагает Дро.

Покупатель — низкорослый, бульдогоборзый ублюдок с залысинами и чувством моды а-ля сутенёр восьмидесятых — даёт сигнал своим пальцем с золотым кольцом на левой руке. Груды мышц в костюмах делают шаг вперёд, чтобы осмотреть товар. Они тщательно проверяют спусковые крючки, дула, магазины, передние и задние прицелы, а также каркас каждой пушки. Закончив, они начинают общаться на языке, — могу предположить, что на русском, — прежде чем молчаливо кивают Дроски.

— Мы возьмём это и любой другой груз, который вы получите в будущем, — говорит он. — Заплати ему, — в то время, как один из качков убирает мешки с оружием со стола, второй высыпает содержимое сумки на стол. Третий подонок по-прежнему стоит за толстым покупателем по правую сторону. — Восемьдесят штук, как и договаривались.

— Закатай губу, блядь. Что ты имеешь виду под «восемьдесят штук»? Здесь речь идёт о ста кусках, мужик.

Бульдог хмурится, его челюсти двигаются, словно маятник, когда он говорит:

— Это не то, о чём я договаривался с Диконом.

— Мне, блядь, плевать, о чём вы с ним договаривались. Моя цена установлена. Сто штук или ничего.

Всё происходит быстро. Не уверен, кто первый достаёт оружие, но в мгновение ока пистолет каждого заряжен и направлен друг на друга. Я держу Глок в левой руке, целясь в одного из качков, пока СИГ в правой руке направлен на покупателя. Напряжённость сохраняется несколько минут, пока мы все играем «кто первый дрогнет». Смотрю, кто же сдастся первым. Болван, на которого направлен мой Глок, или, походу, тупее, чем кусок дерьма, или у него шары из стали, потому что он смело тянется вниз за одним из пистолетов в сумке, стоящей возле него. Думаю, первое. Следуя моему начальному и единственному инстинкту, я спускаю курок и стреляю. Пуля пронзает воздух и достигает своей цели. Он кричит: «Ублюдок!» — и тут же сгибается, прижимая руку к груди. Она кровоточит, но это

ничто, учитывая, что я мог сделать хуже.

— Следующая окажется между твоих глаз, — говорю я спокойно. Но теперь меня ждёт пуля с моим именем, когда груды мышц № 2 направляет пистолет в мою сторону, готовясь выстрелить.

— Достаточно! — рывкает покупатель. Он что-то быстро говорит своим людям по-русски, и они опускают своё оружие через секунды. — Это было простое недоразумение. Мы больше не будем проливать кровь. Я уверен, что ты и я сможем заключить другую сделку, Дроски. Возможно, за несколькими напитками и в хорошей компании?

— Ты платишь мне остальную часть моих денег, и мы говорим о дальнейшем бизнесе.

— Конечно, конечно.

Покупатель отправляет груды мышц № 3 к своей машине. Тот вскоре возвращается — угадайте с чем? — ровно с двадцатью штуками, которых не хватает. Всё, что происходит после, идёт как по маслу, как и должна проходить сделка по поставке оружия.

*****

Через несколько часов я в душе. Устал до мозга костей. В течение нескольких дней, Дро заставлял меня бегать по всему проклятому городу и собирать деньги, причитающиеся ему от его дилеров. Когда я не занимался этим, то работал на второй работе в его гараже. Разбирал детали из угнанных автомобилей и устанавливал их в автомобили, которые нужно было починить, чтобы мы могли повысить цену на них и заработать на забывчивых клиентах.

Также я намеренно трахал всех девушек, до которых только могли добраться мои руки, и не только потому, что сайт растёт быстрее, чем я ожидал, это были бесполезные попытки выбросить Эйли из головы. После того, что случилось с Ноем в понедельник, я избегал её, как только мог. Я старался избавиться от воспоминаний, которые стали ещё более настойчиво преследовать меня, после того, как Ной вспомнил об отце и нашей маме, сказав, что я собираюсь пойти по тому же пути, что и тот гнусный урод.

От размышлений об этом моя кровь закипает. Какого хуя этот самоуверенный говнюк говорит мне подобную херню, слишком, блядь, хорошо зная ад, в котором мы оба выросли? Я принимал дерьмовые решения, но я не дерьмовый человек. Я защищал его, а это то, чего тот мерзкий подонок никогда не делал, поэтому, как он может судить меня, сравнивать с монстром, который изнасиловал нас, не думая о том, как это повлияет на меня?

Потому что я знаю, что он может быть прав.

Я самодовольный и эгоистичный, и имею такую же склонность к насилию, как и мой отец. Но я давно принял свою судьбу. Эти мысли, как ведро ледяной воды мне на спину. Осознание того, что Ной может быть прав, даже в самой малой степени, заставляет меня чувствовать себя так, будто я чертовски болен. Я — побитое животное в клетке, которое никто не хочет. Поэтому я нападаю. Но так было не всегда. Я не всегда был таким жалким подлецом. Наша мама любила меня, и она была милейшей женщиной, которую только можно было встретить. Годы борьбы с собственной депрессией сделали её замкнутой, и поэтому она всё держала в себе. Но она любила искренне и сильно, и это привело её к неизбежному крушению. Она влюбилась в подобие человека, который использовал её доброе сердце, кормил таблетками, искал выгоду в отсутствии у неё близких друзей и манипулировал ею, пока не стал её целым миром. Он погубил её душу. Отнял годы жизни,

прежде чем она пустила пулю себе в голову.

Эйли... Чёрт побери. Эйли во многом похожа на мою маму. И я не хочу запятнать её, как кусок дерьма, которым был мой отец, запятнал мою маму. Она прекрасна. Такая доверчивая. Она излучает эмоции везде, куда ступает. Её выразительные глаза отражают всё, *постоянно*. И я вижу в них то, что не должен хотеть, но, как ни странно, в чём нуждаюсь. Например, вспышка её улыбки или странное чувство юмора не должно иметь для меня даже чёртову долю смысла, но имеет. Я не хочу проводить с ней время, но всё же страстно желаю этого. Именно в эти последние несколько дней мне не терпится увидеть её. Преследовать, если понадобится. Но это то, что я не могу себе позволить. Я не делаю подобного. Я никогда, блядь, никогда в жизни даже не думал о подобном дерьме. Я не такой тип парней. Я не гонюсь за женщинами. Чёрт побери, я не убиваюсь по ним. *Ненуждаюсь* в них. Но если я это делаю, то только потому, что моему члену нужна киска. Ясно и чертовски просто. Это должно быть ясно и чертовски просто с Эйли.

Но тогда, кого я нахуй обманываю? Я вижу её, когда просто закрываю глаза. Она стала моей первой, второй и последней мыслью. Я даже не знаю, как или когда это, чёрт побери, произошло. Но я не могу перестать думать о ней. Красивой, чувственной и такой чертовски невинной. Я разрываюсь между желанием трахнуть её, защитить и запереть где-то, словно какой-то помешанный психопат, и никогда не позволять ей выходить из моего поля зрения. И прямо сейчас, когда я держу в руке член, который твердеет только при одной мысли о её пухлом маленьком ротике и тугой киске, желание трахнуть её сильнее, чем когда-либо.

Я думаю о том кабинете рисования, представляя, какой горячей и готовой она была. Знаю, если бы не остановился, она позволила бы мне забраться на неё на том столе и развела бы для меня свои красивые загорелые ножки. Она бы молила об этом, и я бы дал ей именно то, что она хотела.

Я поглаживаю рукой член, используя немного мыла, и когда её имя срывается с моих уст, выскальзывая из самой глубокой, самой собственнической части, прихожу к разрядке, — молочно-белые струи покидают меня, осушая, но не совсем удовлетворяя. Это накопившееся разочарование смывается в сток. Но я всё ещё могу ощутить эту хватку на своём горле. Я едва дышу, и всё, что мне хочется прямо сейчас — чтобы она была здесь передо мной, и я мог утвердить на неё права. Но её здесь нет. А я — жалкий придурок, стою здесь один и чахну по ней. Что, блядь, она делает со мной?

— Чёрт побери! — кричу я, ударяя по рыхлой плитке на стене душа. С этим дерьмом нужно покончить.

В комнате я беру пару чистых джинсов, рубашку, и надеваю их. Пачка кисло-солёных чипсов, которые я оставил на своём туалетном столике вчера, сойдёт для нормального обеда. Сажусь за стол перед ноутбуком, подумывая заняться работой, чтобы отвлечься. Смонтажировать некоторое порно. Сделать свою белую задницу приятной для глаз. Но не проходит и трёх минут одного моего видео с шикарной блондинкой, как мои мысли снова возвращается к Эйли. Я хочу почувствовать её, попробовать её. Она не издаёт фальшивые звуки для аудитории, вместо этого, она стонет только для меня. Я хочу исследовать своим грязным ртом каждый её чёртов дюйм. Хочу видеть её лицо, когда заставлю кончить. Но глаза Эйди пугают меня до охерения. Они видят меня насквозь. Сквозь всё это дерьмо. И мне хочется утонуть в них настолько глубоко, чтобы забыть, что значит быть одиноким. Чёрт.

Я оказываюсь на ногах в мгновение ока. Смотрю вниз, и таким твёрдым членом, какой у меня сейчас, можно забивать гвозди в бревно. Чёрт побери, такое чувство, будто я никогда

прежде не был в киске. Думая о ней, я за одну секунду становлюсь таким твёрдым, словно принял целый флакон Виагры. И здесь дело даже не в простом трахе. Мой член — не единственный орган, реагирующий на неё.

Я беспокоюсь о ней, и меня съедает любопытство, ударил ли её старик снова. Признаюсь, я ездил раз или два в её район. Первый раз — на следующий день после нашего с ней увлечения, после того, как я подвёз её к дому её подруги. Я приехал в субботу вечером и просидел в одном квартале от её дома целый час, прежде чем понял, каким маньяком являюсь, и поволок свой зад обратно домой.

Я думал, что это было простой случайностью. Поддавшись порыву, я снова проверил её в воскресенье ночью, думая, разобраться с тем, что чувствую, что бы это ни было. Но это чувство вернулось снова, и кричит рьяным желанием в центре моей груди — открытая рана, которая, кажется, становится только больше с каждой секундой, пока я нахожусь вдали от Эйли. Это никуда не исчезает. Я, блядь, вру сам себе. Прихожу в движение, даже прежде чем полностью осознаю свою следующую мысль. Ключи, часы, бумажник, куртка, носки и сапоги — я хватаю всё это и целенаправленно направляюсь к чёртовой двери, одеваясь на ходу. Вылетаю и спускаюсь вниз по лестнице в мгновение ока. Школьные занятия вот-вот закончатся. Надеюсь, я застаю её прежде, чем она уйдёт.

Глава 20

Эйли

Я не вижу и не слышу от Мэддокса ничего в течение нескольких дней после произошедшего в классе искусств, и как бы прискорбно это не звучало, у меня нет возможности связаться с ним. Я не могу заявиться к нему домой снова. У меня больше нет велосипеда. Один или два раза я думала о том, чтобы попросить у Ноя его номер, но та крупница гордости, что у меня ещё осталась, удерживает меня от поведения отчаявшейся дурочки. Кроме того, в последний раз я видела их вместе с братом, когда Мэддокс ударил брата и Ной оказался на полу. Я пыталась быть там для него, но я не могу заставить его. Не могу заставить его доверять мне. Он не судит меня, поэтому я собираюсь сознательно приложить усилия, чтобы попытаться сделать то же самое. Не знаю, что имел в виду Ной, когда сказал то, что вызвало в Мэддоксе такую злость, но как известно, у каждого есть секреты. И они разбираются с ними своими способами. Это я понимаю. Я не в восторге от его исчезновения и скучаю по нему. Так что я буду ждать. Мои дни проходят в каком-то подвешенном состоянии, пока я жду, что он вновь вернётся в мою жизнь. Появится или на групповой терапии, или в школе, или даже в моём доме. Я стала той, кто *нуждается* в его близости. Вот и снова подошёл конец недели, и последний звонок оповещает об окончании уроков. У меня ещё занятия по гуманитарным наукам исследовательской группы наверху в библиотеке, так что я делаю небольшую остановку около своего шкафчика, чтобы оставить ненужные книги, которые заберу сегодня вечером домой. Рюкзак пустеет, так что нести его теперь гораздо легче.

Библиотека большая и считается одним из величайших достоинств школы Бригам. Под конец учебного дня здесь немного народу, но ученики всё ещё бродят вокруг. Обнаружив в глубине зала — за одним из массивных, прямоугольных дубовых столов — четырёх членов моей исследовательской группы по гуманитарным наукам, я спешу к ним. Алекс, Дэвид,

Джен, Кори и я редко общаемся вне занятий, но в классе мы очень слаженно работаем вместе. Когда нам предстоит особо трудный тест, например, такой, какой один из наших преподавателей гуманитарных наук приготовил для нас на следующую неделю, мы объединяемся и помогаем друг другу там, где другие слабее.

Что нереально помогает, особенно если учесть нагрузку курса, затягивающую нас, словно болото, не говоря уже о классе прикладной физикой.

— Эй, Эйли, Джен собирается взять что-нибудь перекусить. Ты хочешь что-нибудь? Это благодаря Алексу, — сообщает Дэвид с ухмылкой, откидываясь на спинку стула.

— Нет, я в порядке, спасибо, — я ставлю свою сумку на стол и занимаю место рядом с Кори, который опускает свою пепельно-белую голову вниз, набирая текстовое сообщение.

— Так, Эйли, я как раз собирался продолжить то, что мы обсуждали в классе сегодня днём. Ты уже получила оповещение насчёт Греции, да? — спрашивает Дэвид.

Я киваю, вынимая свою тетрадь по четырём предметам, с торчащими на каждой странице разноцветными вкладками.

— Да, получила.

— Отлично, поэтому мы делаем то, о чём договорились. Каждый из нас изучает одну из исторических эпох, делает заметки, а затем мы составим невероятное эссе со всеми необходимыми событиями, которые будут присутствовать в тесте. Мы сделаем копии и выучим это.

— Будет сделано, начальник, — колко отвечает Кори, получая пристальный взгляд от бесспорного лидера нашей группы.

Джен возвращается с сумкой, полной еды, которую мы не должны здесь есть, и ставит её под стол, чтобы кто-нибудь из библиотекарей её не конфисковал. Мы немного работаем молча, перед тем как разделить нашу назначенную исследовательскую тему. Было бы проще просто использовать интернет, чтобы собрать всю необходимую информацию, но миссис Киган против интернет-исследований. Как она выразилась: «Любой лузер может создать страничку Википедии в эти дни, исковеркав историю. В то время как слова, написанные в книгах по истории, никогда не изменятся, чтобы соответствовать чьему-то предвзятому мнению». Она права. Но от этого не легче. Кори и я идём на второй этаж, где хранятся больше книг по истории. Здесь в книгохранилище никого нет, кроме нас двоих.

— Знаешь, Эйли, меня тут кое-что интересует, — начинает Кори, когда мы идём по ковровому проходу и разделяемся в поисках нашего раздела по истории. Я иду направо, а он поворачивает налево. Погрузившись в мысли, я двигаюсь мимо высоких стеллажей в поисках книг о древнем Риме, рассеяно слушая, что он говорит.

— Что?

— Какую музыку ты предпочитаешь? Потому что у меня есть билеты на Avicii в эту субботу, и я знаю, что сообщая об этом в последнюю минуту, но я пытался набраться храбрости, чтобы спросить тебя об этом, — я слышу его тихий смех — он звучит нервно, будто Кори испытывает одновременно и облегчение, и освобождение. — Ну, во всяком случае, ты свободна завтра вечером?

Я рада, что нас разделяют ряды полок, потому что я не знаю, что ответить. Меня никогда раньше парень не приглашал на свидание. Чёрт возьми, никогда не было парня, которого я бы интересовала. Ни разу.

За исключением, может быть...

— *Нет.*

Одно гортанное слово пугает меня до глубины души, и я открываю рот, позволяя вздоху слететь с губ. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, что это он. Я узнаю этот голос везде, даже в толпе. С широко раскрытыми глазами и грохочущим сердцем, на бесконечный момент я забываю, как дышать, когда Мэддокс перебрасывает мои распущенные волосы на другую сторону, обнажая шею и прикасаясь к ней влажными губами. Он прямо здесь, у меня за спиной, прижимается так сильно, что я чувствую каждый дюйм его каменного тела, прижимающегося к моей мягкой попке.

— Скажи ему «нет», Эйли.

Хриплое рычание наполнено обжигающей властью. Каждый дюйм моей кожи потрескивает от его голоса, его близости так, словно на оголённый провод пролили воду. Опустив руки мне на бёдра, Мэддокс разворачивает меня к себе лицом. Прошло несколько дней с того момента, как я видела его, и всё же мой разум, тело и душа откликаются на него при одном только взгляде.

— Эйли?

Я не могу даже думать нормально, не говоря уже об ответе, когда слышу голос Кори сквозь неразбериху в моей голове.

— Я...

— Эйли... — я поворачиваю голову вправо и вижу Кори, стоящего в начале прохода. Не могу даже представить себе, что он видит. Вероятно, то, как меня прижимает к книжному стеллажу сердитый, пугающий, татуированный парень, который, кажется, совсем не намерен отпускать меня в ближайшее время. — Эйли, ты в порядке?

— Я...

— Она занята.

Кори впивается злым взглядом.

— Как насчёт того, чтобы позволить ей самой ответить?

— Как насчёт отвалить к чертям собачьим? — переполненный тестостероном, Мэддокс отстраняется от меня и направляется в сторону Кори. Мне приходится бежать, маневрирую, чтобы встать перед ним и заставить остановиться на полпути.

— Мэддокс, не нужно... — опускаю руку ему на живот, всего в нескольких дюймах к югу от его быстро бьющегося сердца. Когда он смотрит на меня вниз, в его глазах сгущаются грозные тучи. — Пожалуйста, — добавляю я.

— Мне нужно, чтобы он ушёл, — отвечает он, слишком тихо, потому что не может контролировать свой гнев.

Киваю и пытаюсь выдавить улыбку.

— Я могу это сделать. Просто дай мне поговорить с ним.

Когда я делаю шаг назад, Мэддокс хватает меня за запястье.

— Сделай это отсюда, — он не разрешает мне уйти. Его хватка достаточно свободна, чтобы я могла вырваться, если захочу, но я не хочу этого. Даже немного.

Обернувшись, я обращаюсь к Кори, который хмурит лицо от всего этого зрелища. Я отчётливо могу представить, как странно всё это выглядит.

— Я в порядке, Кори.

Сомнения слышатся в его следующем вопросе:

— Он твой парень или что-то в этом роде?

— Что-то в этом роде, — рычит Мэддокс.

— Эйли...

— Правда, я в порядке. Мэддокс просто пошутил. Я действительно хотела бы пойти с тобой в эти выходные, но я собираюсь рисовать портрет Мэддокса для своего портфолио. Вот почему он здесь. Мне нужно поговорить с ним об этом.

— О, — отвечает он, с неохотой. — Хорошо. Я понял. Просто... может тогда в другой раз?

Я медленно киваю, кусая внутреннюю часть нижней губы.

— Возможно.

— Увидимся внизу?

— Да, сейчас спущусь.

— Я бы дал ему максимум час, прежде чем ты потеряешь к нему интерес, — фыркает Мэддокс с дерзкой усмешкой.

— Возможно, но, по крайней мере, я развлеклась бы в течение этого часа, — отвечаю ему, встречаясь с его прищуренным взглядом. Но только потому, что он слишком хорош в этой игре, интенсивностью своего взгляда раздевая меня догола, я отвожу взгляд. — Ты здесь, — говорю, бессмысленно глядя на большую руку, которой он всё ещё удерживает меня за запястье.

— Я здесь, — вторит он.

Быстро моргаю, решаясь взглянуть ему в лицо.

— Почему?

Без предупреждения, Мэддокс дёргает меня к себе, и я ахаю, когда он толкает меня к книжной полке позади и прижимает к ней своим телом. Запуская большую руку в мои волосы, он сильно, по-собственнически хватает меня за затылок и наклоняет свою голову, пока его дыхание не проникает в мой полуоткрытый рот.

— Потому что я хочу поцеловать тебя.

Да! Пожалуйста, да!

Я жажду его требовательный рот на моём, словно каплю воды после многолетней засухи.

— Я хочу тебя на своём языке, Эйли.

Я не совсем осознаю смысл его слов. Всё, что имеет для меня значение — страстное желание почувствовать пьянящий поцелуй. Я поднимаю голову, закрываю глаза и жду... жду... и жду...

Он тихо усмехается.

— Не здесь, пока что, — он скользит большим пальцем по моей нижней губе в сладкой, мучительной ласке. — Повернись, — командует он, но не даёт мне возможности сделать это самой и поворачивает лицом к книгам. — Не шевелись, — добавляет он хрипло. От ощущения его тяжёлого дыхания на моём ухе, внизу моего живота медленно разливается тепло.

Я мгновенно чувствую его отсутствие, и меня одолевает желание развернуться и посмотреть, куда он ушёл или что делает. Но что-то удерживает меня от этого.

Поэтому я жду и вместо этого спрашиваю:

— Что... что ты делаешь? — мой голос дрожит в тишине, и я начинаю задыхаться, когда чувствую, как его сильные, крепкие руки касаются пояса моей тёмно-синей юбки-макси и начинают стягивать её вниз. Поток холодного воздуха касается моих выставленных напоказ ягодичек. Тянусь вниз и кладу свою руку поверх его, чтобы остановить его от дальнейших действий.

— Мэддокс... — слово «стон» застревает у меня горле при ощущении его мягких, тёплых губ, скользящих вдоль моих ягодиц. Его пальцы скользят по моим дрожащим бёдрам и забираются под полоску хлопковых трусиков. Чувствую его горячее дыхание на своих ягодицах, когда он томно стягивает трусики вниз по моим ногам, и они падают поверх моей юбки, которая лежит лужицей у моих ног на полу, покрытом ковром.

В панике я наклоняю голову влево, а затем смотрю вправо на открытый проход. Внезапная мысль о том, что кто-то может зайти сюда в любой момент и обнаружить меня со спущенной юбкой, — в то время, как моя нижняя часть полностью выставлена напоказ, — и Мэддокса на коленях позади меня, порождает дрожь, проносящуюся вниз по моему позвоночнику, и я издаю тихий стон.

«Господи, что со мной происходит? Хочу ли я чтобы нас на самом деле кто-то увидел?»

Да.

Ответ зловещим перешёптыванием проносится в моём сознании. Эта пульсация, словно ласка, пронзает каждую часть моего тела.

Это возмутительно.

Грешно.

Неправильно.

Ведь неправильное не должно ощущаться так хорошо? Так удивительно хорошо? Если это грех, то я с удовольствием буду гореть в аду только ради ударов его языком по моему самому интимному месту. Ради него я готова гореть вечно. Я хочу его прикосновений. Я принимаю это, жажду этого.

Всё моё самообладание уходит на борьбу с импульсом не оглянуться назад. Но я нуждаюсь в этом. Я должна видеть, что он делает.

— Мэддокс... кончит... кончится тем, что кто-то придёт.

Я смотрю через плечо вниз и нахожу, что его взгляд прикован ко мне, дьявольская ухмылка растягивает уголки порочного рта, в то время как в дымчато-серых глазах блестит чистое озорство.

— Да, ты кончишь, — бубнит он, — Я прослежу, чтобы это произошло, — от обещания в его голосе я таю.

Моё дыхание танцует чечётку в моих лёгких, выходя горячими и быстрыми вдохами на книги передо мной, когда я ощущаю внушительно толстый палец, проникающий в мою скользкую плоть.

Мэддокс издаёт гортанный звук, и он настолько первобытный, настолько звериный, что всё женское во мне отвечает на это: моя сердцевина рефлекторно пульсирует, грудь набухает, а соски твердеют в лифчике, требуя тёплой помощи его рта.

— Чёрт, Эйли, — говорит он хрипло. — Ты такая чертовски мокрая, малышка, — он скользит пальцем вверх, а затем вниз, и вверх, и вниз, играя в моей влажности. — Выгни спину и толкни свою попку немного на меня, — он вкрадчиво даёт наставления, мастерски дёргая меня за ниточки. Слегка опираясь на книжную полку, я выгибаю спину и толкаю бёдра назад ради полного удовольствия.

Он хватает мои округлую попку руками и разводит ягодицы, полностью лишая меня всякого чувства скромности. А затем дует на мои складочки, его лицо так близко к моей опухшей, пульсирующей плоти, что это... невозможно описать словами. Когда его рот касается моих половых губ, мои колени слабеют, и мне приходится ухватиться за полку,

чтобы удержаться в вертикальном положении.

Мэддокс целует меня там, где влажность стекает капельками, словно мёд. Он тщательно поедает меня, используя свой язык, такой горячий, такой влажный, и настолько медленный. Он пирует моей плотью, словно амброзией богов. Когда он проникает внутрь, я сгибаюсь практически пополам, и мои ягодицы широко раскрываются. Мягкие, прерывистые стоны свободно вылетают из моего рта, пока я стараюсь отстраниться от него. Но его хватка сильна настолько, что Мэддокс удерживает меня именно так, как он хочет. Вся моя вселенная собирается внизу, где его прекрасный язык пробует, облизывает и щёлкает по невероятно чувствительному комочку моих нервов. Удовольствие, которое я никогда раньше не испытывала, настолько сильное и удивительное, что из меня вырывается оглушающий крик, и всё тело сотрясается от невероятной кульминации.

Мои колени подгибаются, и на этот раз у меня нет сил держать себя. Но он оказывается рядом. Сильные, мускулистые руки обнимают меня за талию, и Мэддокс прижимает меня к себе. Затем разворачивает к себе лицом и захватывает мой рот своим в голодном, страстном поцелуе. Я ощущаю свой аромат, и сочетание наших вкусов восхитительно опьяняет.

Глава 21

Эйли

Позже мы приезжаем к нему в квартиру. Уход из библиотеки был одной из самых неловких вещей, которые мне когда-либо приходилось делать. Когда мы с Мэддоксом спустились вниз, я сразу поняла, что все слышали мой крик удовольствия. Пока Мэддокс ждал меня снаружи, я в спешке собрала свои вещи и с очень покрасневшим лицом попрощалась со своей исследовательской группой. Прямо перед отъездом из школы Мэддокс спросил, в любом ли месте я смогу рисовать. Получив от меня самый простой ответ, какой я только могла дать, он помог мне перетащить мои вещи для рисования в свой грузовик и повёз нас к себе в квартиру. Мы работали над картиной в течение последних двух с половиной часов, поэтому решаем ненадолго прерваться, прежде чем продолжить.

Ожидая, когда он вернётся из ванной, я сижу на стуле перед своим мольбертом и смотрю на его портрет, нарисованный на холсте. Это даже не приближено к реальности, и я начинаю понимать, что никогда и не будет. Мэддокс Мур слишком силён, чтобы быть запечатлённым красками. Но то, что у меня есть, будет одним из лучших его воплощений, которые я когда-либо делала. Он здесь, в резких мазках кисти. Малиново-красный и белый, а за ними негативное пространство⁵ в тених — создают иллюзию разрушения. Он Бог на моей картине.

Арес.

Грозный. Ненасытный. Опасный.

— Великолепный, — бормочу я в оцепенении, и именно в этот момент Мэддокс появляется в поле моего зрения. Во рту становится сухо, пока я тупо пялюсь на него. *«Ему стоит быть моделью»*, — размышляю я глупо. Нижнего белья, джинсов, кожи, возможно? Это не имеет значения до тех пор, пока на нём мало одежды.

Только Мэддокс может превратить походку в заявление о сексуальном бунте. Босиком и с голым торсом, он расхаживает по квартире в тёмно-синих джинсах, низко сидящих на бёдрах. Слишком низко. Он завязал волосы в конский хвостик, что ещё сильнее

подчёркивает скулы и делает его взгляд более пристальным. Я краснею и опускаю голову, когда наши взгляды встречаются. От того, как он смотрит на меня таким пожирающим, пронзительным взглядом, моя кожа начинает гореть. Воспоминание о сцене в библиотеке накрывает меня, словно сезон дождей. Боже, я позволила его великолепному рту и языку пировать мной. Думая об этом даже сейчас, несколько часов спустя, моё тело всё ещё покалывает. Это ощущалось удивительно, потому что я хотела его прикосновений. И всё ещё хочу.

— Скажешь что-нибудь?

Слышу его хриплый смешок. Покачивая головой, бормочу:

— Нет.

— Проголодалась?

Мэддокс направляется на кухню, и я слышу стук кастрюль. Поднимая одно колено на стул, я киваю и кладу на него подбородок.

— Ты готовишь? — спрашиваю я с улыбкой.

Парень криво ухмыляется.

— Шокирует, да?

— Есть такое.

— Я не профессиональный повар, но научился готовить некоторые довольно вкусные блюда, — он достаёт ингредиенты из холодильника и хватает оттуда бутылку пива, пока находится рядом. — Моя мама... она отлично готовила.

Заинтригованная возможностью узнать о нём побольше, я спрашиваю:

— Она учила тебя этому? — я молюсь, чтобы этот вопрос не спугнул его.

Мэддокс делает большой глоток из бутылки.

— Когда была возможность, — он пожимает плечами и, поставив своё пиво на столешницу, берёт нож для мяса из ящика рядом. — Это была одна из немногих вещей, которые делали её действительно счастливой. Она постоянно была грустной. Но когда она готовила... да, она оживала на какое-то мгновение, — в его голосе было столько эмоций, столько боли, когда он говорил о ней, что даже отсюда я чувствовала это.

Я встаю и оказываюсь возле него в считанные секунды. Ничего не говорю, потому что иногда молчание означает гораздо больше, чем слова. Я просто поднимаюсь на носочки и нежно целую его в щёку, прежде чем кладу голову на его руку. И он разрешает мне. Мы стоим так в течение нескольких бесконечных минут. Я, словно опора, даю ему понять, что я здесь ради него, готовая отдать всё, что ему может понадобиться. Моя награда — единственный признак того, что он принимает мою молчаливую поддержку и комфорт, когда обнимает меня рукой за плечи. Мэддокс притягивает меня ближе, и я подхожу его телу так идеально, что это изумляет меня. Прижимая мою голову к своей груди, одной рукой он всё ещё крепко обнимает меня за плечи, в то время как второй обвивает талию и оставляет сладкий поцелуй на моей голове. Мои глаза закрываются, и я тихо вздыхаю. *Ничто и никто не сможет отнять у меня это блаженство.*

Мы делаем всё синхронно. Он готовит, пока я измельчаю и нарезаю кубиками ингредиенты, которые ему нужны. Мы так естественно движемся рядом друг с другом, словно делали это всегда. Он использует любую возможность, чтобы прикоснуться ко мне, чтобы поцеловать меня. Я чувствую себя желанной. И счастливее, чем я когда-либо была. Он стоит позади меня, уткнувшись мне в шею, и вращает бёдрами, поэтому я чувствую толщину его выпуклости на своих ягодицах. Я стону, инстинктивно толкая бёдра назад, и чуть не

отрезаю себе палец.

— Осторожней, Эйли, — говорит он, забирая нож из моих рук и откладывая его подальше от меня. — Мне нравятся эти пальчики, — выдыхает Мэддокс мне на ухо и, взяв меня за руку, подносит мои пальцы к своим губам, захватывая мой указательный палец ртом. Он кружит языком вокруг кончика, и я дрожу.

«Господи, что он делает со мной».

Выпустив мой палец, он берёт меня за подбородок и приподнимает голову вверх, чтобы получить доступ к моему рту. Я ощущаю вкус пива, которое он только что пил. Ощущаю тёмную силу его желания. *Ощущаю его вкус.* Этот пьянящий аромат задерживается на моём языке, обволакивая мои вкусовые рецепторы. Он отстраняется, и я начинаю задыхаться. Паника охватывает меня. Я отчаянно нуждаюсь в том, что даже сама не могу назвать. Но оно там, я знаю это, просто вне моей досягаемости. Как и зуд, который вы не можете достать, чтобы почесать.

Еды — зажаренной курицы с овощами и белым рисом, несмотря на её восхитительность — недостаточно, чтобы усмирить этот зуд. Я на грани, и не знаю почему, но с каждым крадущим воздухом поцелуем, я тревожусь всё больше.

— Так, как ты меня хочешь? — спрашивает Мэддокс, когда мы заканчиваем с едой.

Обнажённым сверху.

Тепло разливается по моим щекам, и я моргаю, глядя на него, в ужасе, что могла произнести это вслух. Облегчение накрывает меня, когда он смотрит на меня в ответ, немного приподняв правую бровь.

— Эм... так же, как ты и сидел на диване.

Неожиданно звонит мой телефон, и я бегу к своему рюкзаку. Я так благодарна за спасение. Нахожу его в наружном кармане и смотрю вниз на экран. Это напоминание о групповой терапии через десять минут.

Честно говоря, я не забыла. Я просто думаю, что не пойду. Мало того, что мне нужно закончить картину, так ещё всё во мне борется с идеей потерять время с Мэддоксом. Боже, я совсем не готова закончить этот день. Я готова сделать что угодно, чтобы продлить его.

Встав с колен, я поворачиваюсь к нему:

— Мне нужно позвонить.

Он приподнимает бровь.

— Всё хорошо?

Я киваю, проводя рукой по волосам.

— Мне просто нужно сообщить маме, где я.

— Мне тебя подбросить?

— Нет! — ответ получается резким, словно у меня тик от идеи оставить его. — Нет, это не займёт много времени. Просто нужно немного уединения.

Мэддокс смотрит на меня, щурясь в течение нескольких долгих секунд, но затем указывает в сторону одной из комнат позади меня.

— Там не так уж и много места для уединения, но ты можешь использовать мою комнату. Вторая дверь слева.

— Спасибо, — и я в спешке ухожу, прежде чем взболтну что-нибудь ещё, опозорив себя.

Заходя в его спальню, я мысленно подготавливаю себя к тому, что собираюсь делать. Нервно жую нижнюю губу и прикладываю телефон к уху.

Раздаётся три гудка, а затем:

— Привет, милая, я приеду, чтобы забрать тебя...

— Вообще, мам, Мэллори собирается меня забрать. У неё сейчас тяжёлое время дома, поэтому она спросила, могу ли я остаться у неё на ночь.

Я задерживаю дыхание на протяжении длительной, выдержанной паузы, которая следует после. Беспокойство заставляет моё сердце биться быстрее, ладони потеют. Я почти уверена, что она знает: я лгу.

— Я не знаю, Эйли... твой отец...

— Пожалуйста, мам? Я бы не просила, не будь это так важно. Она действительно сейчас нуждается во мне.

Поразительно, насколько я спокойна внешне. В моём голосе нет даже малейшего колебания, которое выдало бы меня.

Но я скрещиваю всё, что можно. Пальцы на руках, на ногах, и глаза, для ровного счёта.

Длинный, тяжёлый вздох, а затем:

— Хорошо, я понимаю. И ты очень хорошая подруга, раз желаешь помочь этой девушке, — я замечаю, как она говорит *«этой»*. Не очень радушно. Однако, в этом нет ничего нового, учитывая, что Мэллори ей никогда не нравилась. В принципе, как и остальным людям. — Эйли, это должен быть последний раз за долгое время, хорошо? Мы же не хотим злить твоего отца.

Нет. Мы этого не хотим. От этой только мысли у меня в горле зарождается горький сгусток гнева.

— Только на сегодняшнюю ночь.

В мою ложь легко поверить, потому что раньше я ей никогда не лгала. Я хорошая девочка Эйли. Сдержанная, мягкотелая и такая уступчивая.

— Хорошо, я люблю тебя. Будь паинькой, — можно подумать, я знаю, как быть кем-то другим. Но ведь я только учусь, не так ли? Если такое чувство от плохого, тогда я с удовольствием сдам значок хорошей девочки прямо здесь и сейчас, и надену корону плохой.

Я быстро отправляю Мэллори сообщение, чтобы она прикрыла меня, и тут же получаю ответ с текстом: *«Всё в порядке. Но надеюсь, ты знаешь, что делаешь»*. Только я не отвечаю. Я не настолько смелая, чтобы уговорить себя провести ночь с Мэддоксом, но я попрошу его подбросить меня к Мэллори, только... позже. Гораздо позже.

Когда я оглядываюсь вокруг, меня вдруг осеняет, где я нахожусь. Не знаю, почему то, что я в его спальне, так меня воодушевляет, но это так. Кровать, комод, шкаф слева — вот и все предметы в этом маленьком пространстве. Но всё здесь принадлежит ему. Он касался этого, носил, укрывался и спал здесь. Мэддокс повсюду в этой комнате. Опускаясь на его кровать, я нерешительно беру свитер, лежащий на краю. Поднеся его к лицу, я делаю глубокий вдох, впитывая опьяняющий запах его одеколona.словно наркоман, победивший тягу к наркотикам по собственному желанию, я закрываю глаза и откидываюсь назад на его кровать, погружаясь в сладкие грёзы.

В конечном итоге я снова возвращаюсь в гостиную. У меня немного кружится голова, словно алкоголь бежит по моим венам. Но я могу лишь предположить, какого это находиться в состоянии алкогольного опьянения, потому что никогда не пила раньше. Я нахожу его возле полуоткрытого окна рядом с кухней: он разговаривает по телефону, расхаживая взад и вперёд неторопливой походкой. Блестящие солнечные лучи падают Мэддоксу на спину, красиво очерчивая профиль, будто даже солнце не в силах противостоять молодому Богу в смертном теле. Его действительно невозможно описать

словами. Бросившись к своему холсту, я хватаю кисточку и палитру и растворяюсь в мгновенном вдохновении. Этот момент должен быть запечатлён.

Закончив разговор, он прячет телефон в карман и устремляется в мою сторону.

— Сейчас вернусь, нужно кое-что проверить.

Нахмурившись, я спрашиваю:

— Всё в порядке?

Он кивает.

— Работа.

Лаконичный ответ; он не видит необходимости пояснять, когда уходит. Я прослеживаю за ним взглядом, пока он не исчезает в своей спальне.

С каждой минутой после его ухода моё напряжение растёт. Уголок моего рта подёргивается, когда я задаюсь вопросом, не злоупотребляю ли я гостеприимством. Совершаю ли я ошибку, позволяя себе остаться здесь дольше, чем он хочет? Я внезапно поднимаюсь на ноги. Иду на кухню, чтобы очистить свои принадлежности. Если он намерен меня выгнать, я хочу, по крайней мере, быть готовой. Спрятав палитру в большой кармашек сумки для холстов, я хватаю влажные кисточки с пола рядом со мной и тоже прячу. Всё это занимает около пяти минут, и в это время я пытаюсь не представлять, что он скажет, когда выйдет из своей спальни. Я не хочу уходить. Насколько ещё большей дурой я буду выглядеть, если скажу ему об этом? Или ещё хуже, если буду умолять остаться. Умолять его оставить меня здесь до тех пор, пока я хочу. Могу ли я быть настолько бесстыдной?

Я занимаю своё место на раскладном стуле в центре гостиной, скрестив ноги, и вдруг меня осеняет, что да, я действительно бесстыдная. Я бы хотела сделать все эти вещи. Попросить его остаться. Умолять его не выпускать меня из этой квартиры. И это пугает меня больше всего. Я сама себя пугаю, когда дело доходит до этого парня. Все те вещи, которые я готова сделать с ним, для него, безграничны. Он *заставляет* меня чувствовать себя безгранично. С ним я испытываю эмоции, которых не испытывала никогда раньше, и все они настолько же волнующие, насколько и пугающие.

Он двигается так тихо, что я почти не слышу его, пока не становится слишком поздно. Оказавшись прямо позади меня, Мэддокс берёт меня за подбородок и запрокидывает голову настолько, что у меня не остаётся другого выбора, кроме как смотреть только на него. На нём снова маска невозмутимости, но в его ожесточённых, серых глазах я вижу всё, что он не может показать внешне. Это необузданные эмоции, управляемые едва сдерживаемой страстью, которая мгновенно зажигает опаляющее пламя внутри меня. Мэддокс томно скользит большим пальцем по моей нижней губе — нежный жест, который, как я замечаю, он оставляет только для меня — и дёргает её вниз, приоткрывая мой рот.

— Красивые губки, — замечает он хриплым, гортанным шёпотом.

Он наклоняется, затмевая всё. Он — всё, что я вижу. Всё, что я *хочу*. Между нами нет нежности, когда он раздвигает мои губы и вторгается в мой рот своим тёплым языком, переплетая его с моим. Мэддокс целует меня долго и медленно, каждый раз погружаясь глубже, и моё тело пылает настолько сильно, что я больше не могу игнорировать тот факт, что мои трусики становятся влажными.

— Как далеко ты хочешь, чтобы я зашёл? — выдыхает он напротив моих губ, и мурашки охватывают всё моё тело. Он просит моего разрешения.

Я хочу ответить ему, но как это возможно, когда он делает подобные вещи? Такая простая способность, как думать, ускользает от меня, когда я наблюдаю за его

тагуированными руками, спускающимися вниз по моей груди. На его руке часы, — глупо с моей стороны обратить на них внимание в такой момент, — большие чёрные часы с изображением чёрного скелета, которые, кажется, только усиливают чувственность к его действиям. Тёплая, грубая ладонь скользит по слишком разгорячённой коже, и моё дыхание становится прерывистым, когда Мэддокс проникает под мою рубашку и проводит рукой между моих грудей. Коснувшись указательным пальцем левого соска, он скользит под лифчик и, подразнивая, проводит им по затвердевшей горошинке, пока я извиваюсь в его руках. Выгибая спину, я толкаюсь грудью в его руку, желая большего трения.

— Как далеко ты хочешь, чтобы я зашёл, Эйли? — выдыхает он мне на ухо, по-прежнему медленно массируя мой чувствительный сосок.

На этот раз вопрос поставлен очень ясно, но не было никакой необходимости спрашивать об этом. Он уже знает мой ответ.

— До конца, — шепчу я, задыхаясь, и уверенность овладевает всем моим телом.

Низкий рык вырывается из его горла на мой ответ, прежде чем Мэддокс обрушивается на мой рот. Отстранившись, он обходит и быстрым рывком поднимает меня со стула, умелыми руками сжимая мои бёдра. Затем он скользит ладонями вниз и задирает мою юбку вверх, чтобы она не мешала его следующим действиям. Он ещё раз показывает свою поразительную силу и притягивает меня к своему телу. Его руки сразу же скользят вниз, чтобы удержать меня под попку, когда я скрещиваю ноги у него за спиной, крепко хватаясь за шею. Мэддокс несёт меня в спальню и сажает на кровать. Все его действия следуют в идеальной последовательности. С излишней осторожностью. Он словно хищник нависает надо мной. Большой, устрашающий и ужасно голодный. А я — добыча, загнанная в капкан, встревоженная и беспомощная, и он держит в руках мою судьбу. Но я до последнего вдоха готова к его первому, второму и третьему укусу. Я хочу, чтобы он поглощал меня, пока я не распадусь на части в его руках.

Бросая невинный взгляд в его сторону, я нервно кусаю нижнюю губу в ожидании его следующего шага. И это заставляет его наклониться ближе и крепче обнять меня.

— Тебе не будет больно, Эйли, — бормочет он возле моего рта, запустив руки мне в волосы, и скользя ими по моей спине, умело расстёгивает лифчик. — Не со мной.

Его рвение — непоколебимо, но я вижу нежность в его пропитанных страстью глазах, что стирает последние сомнения, которые я бессознательно скрываю. Отбросив мой кардиган куда-то в сторону гостиной, он то же самое проделывает с моей рубашкой и юбкой и бросает их неизвестно куда.

Уязвимость появляется в тот момент, когда я остаюсь полностью обнажённой под его горящим взглядом. Не могу себе представить, что он видит. Но я знаю своё тело. Я запомнила каждую крошечную унцию несовершенства, и знаю, что никогда не смогу сравниться с десятками других девушек, которых он, несомненно, видел. Я слишком худая. У меня слишком светлая кожа. Находясь в таком положении на постели, я понимаю, что моя грудь плоская из-за несправедливой силы притяжения, поэтому я ощущаю себя ужасно плоскогрудой. Ему не нужно пристально присматриваться, чтобы увидеть шрамы от сражений с моими демонами. Моя кожа усеяна порезами, а самые последние из них, нанесёнными дома на внутренней стороне бёдер, говорят о том, что моё тело не создано для близости.

— Проклятье, — я плююсь на Мэддокса, моргая. Его глаза сужаются, но они блестят, словно бриллианты на его лице, когда он проходится взглядом по всему моему телу. Дрожь

пробегают по коже, словно он только что коснулся меня. Мурашек становится больше, когда я попадаю под его пристальный взгляд. — Ты прекрасна.

Мой первый и единственный инстинкт — отрицать его слова.

— Нет, — я слабо улыбаюсь, сражаясь с жалящими слезами. — Я не прекрасна, — я тянусь к простыням под нами, чтобы прикрыть себя, но он хватается за запястья и вытягивает их над моей головой, удерживая одной рукой. Другой рукой Мэддокс приподнимает мой подбородок, заставляя смотреть на него.

— Ты чертовски невероятна, — выдав это пылкое, неоспоримое утверждение, он наклоняется ко мне, чтобы скрепить его поцелуем. Нежным и медленным. Затем жарким и страстным. Пробуждающим удивительный шторм внутри меня, который, потрескивая, бесконтрольно отдаётся у меня под кожей и искрами выстреливает в каждом направлении моего яства. Я возвращаюсь к жизни ради Мэддокса, в то время пока он жадно поглощает мой рот, наслаждаясь вкусом.

Прекрасно понимая, как моё тело отзывается на него, я начинаю извиваться под ним.

— Такая чертовски потрясающая для меня.

Я задыхаюсь и напрягаюсь, ошеломлённая потоком возбуждения, проходящим через меня. Я не понимаю, что его рука находится между моих ног, пока он не задевает пальцем влажную плоть под тканью трусиков. Отодвинув их в сторону, Мэддокс нежно и очень аккуратно скользит кончиком пальца вниз и опять вверх. Он осторожно, медленно играет в моей влажности, поддразнивая меня. Я дрожу, когда жар ещё сильнее разливается по моему телу.

Мои глаза мгновенно закрываются, и я прижимаюсь к нему саднящими от поцелуев губами, нуждаясь в его дыхании, потому что моего мне недостаточно. Я извиваюсь, чтобы освободиться из его объятий, чувствуя необходимость прикоснуться к нему, обнять и всем своим естеством почувствовать, что этот момент реален. Мне нужно знать, что это не фантазия, которую моё воображение придумывает для моего блага.

— Мэддокс... пожалуйста. Я хочу прикоснуться к тебе.

Мэддокс качает головой, и его хватка на моих запястьях не ослабевает, когда он резко выдыхает мне в ухо:

— Если я позволю тебе прикоснуться ко мне, то потеряю контроль, — говоря это, он вводит в меня один толстый палец и даёт мне именно то, что я желала, но не могла назвать, пока он не показал мне. — А мы ещё даже не приблизились к этому.

Длинный, страстный стон слетает с моих губ, когда он потирает большим пальцем мой клитор, в то время как его палец движется в меня и обратно. Я извиваюсь и сильнее насаживаюсь на его руку, рывками двигая своими бёдрами в поисках ритма его пальца.

Он опускает губы на мой правый сосок и втягивает торчащую, темноватую бусину в рот. Он нежно посасывает и кружит своим горячим, влажным, умелым языком, прежде чем щёлкнуть по нему, пока я не начинаю извиваться, безудержно содрогаясь под ним. Моё тело выгибается дугой, и, чувствуя влагу между ног, я начинаю ёрзать и извиваться, желая большего. Задыхаюсь и стону, скорость моего пульса и сердца больше напоминает трепет. Мэддокс поднимает свою тёмную голову и переходит к другой груди. Он покрывает её поцелуями, посасывая, пока распространяющийся жар его рта не касается другого соска. Зажав его зубами, Мэддокс кружит по нему языком, лаская, и нежные покусывания превращают затвердевший бутон в невероятно чувствительный пик. Я делаю глубокий вдох, а затем ещё один, и когда уже думаю, что больше не смогу вынести этого, — когда

напряжение, словно вулкан, готово взорваться, — Мэддокс отстраняется, оставляя меня в бреду и разочаровании на своей кровати.

Поворачиваю голову влево и вижу, что он роется в тумбочке, прежде чем вернуться обратно. Точно ястреб он следит за мной, пока с невероятной скоростью снимает одежду, поражая меня. Рубашка, джинсы, носки летят в воздух. Он — мужское совершенство в своих облегающих чёрных боксерах. Я брожу взглядом по всему его мускулистому телу перед тем, как остановиться на весьма заметной выпуклости. В горле появляется ком и мне с трудом удаётся сглотнуть. Моё насквозь промокшее лоно пульсирует, сжимая и разжимая внутренние стенки, и я не совсем уверена, от предвкушения это или от страха. Но становится предельно ясно, что явно от первого, когда он спускает боксеры вниз по накачанным ногам, освобождая свой невероятно твёрдый девятидюймовый⁶ член.

Жёсткое, тёмное и грубое желание ласкает моё нутро как язык любовника. Как язык Мэддокса. Возбуждение стекает по моей и без того влажной плоти только от одного взгляда на него. Я словно язычница готова добровольно принести себя в жертву на его алтарь, желая, нуждаясь, жаждая вторжения его девяти дюймов, будто моя жизнь зависит от этого. Что ещё более возбуждающе, так это наблюдать, как он хватается себя, разрывает небольшой пакетик фольги зубами и направляет блестящий презерватив к выпуклой головке своего члена. Медленно, Мэддокс скользит им по своему усыпанному венами члену перед тем, как забраться на кровать. Он тянется ко мне, и я инстинктивно растрavляю ноги, беря его в колыбель. Голая кожа к голой коже, одна обжигающая температура на двоих. Взяв мою левую руку, он оставляет на ней едва ощутимые поцелуи, вызывая взрыв мурашек с головы до ног. Обвив ей свою шею, Мэддокс выполняет то же самое мучительное и нежное действие с другой рукой, а затем опускает её к первой. Он притягивает меня к себе с грубой, мужской потребностью, и я поддаюсь его власти.

Опустив голову, он смотрит на меня сверху вниз с огнём в глазах.

— Последний шанс остановить меня, — произносит он мягко напротив моих губ так тихо, что я могу ощутить напряжение в его голосе.

Чувствую его у своего входа и ощущаю, как он дрожит от силы контроля, которому он подвергает себя, чтобы не сделать то, что для него естественно.

Я целую его.

— Не останавливайся, — я бессовестно облизываю его губы. — Я хочу чувствовать тебя. Заставь меня почувствовать каждый свой дюйм.

Он исполняет моё желание. Нежно и медленно Мэддокс толкается в первый раз, и его толщина растягивает меня, наполняя, а затем он сталкивается с моей тонкой, словно бумага, стенкой девственности.

— Эйли... — измученный стон опалает мою щеку. — Иисус, блядь. Ты такая узкая.

Я притягиваю его к себе ещё ближе, сплетая руки у него на шее, и прижимая колени крепче к его телу, сжимаю бёдра. Закрываю глаза и шепчу ему в шею:

— Отдай мне всего себя, Мэддокс.

Он берёт моё лицо в ладони, чтобы проглотить болезненное хныканье, когда пронзающим толчком он рвёт мою девственную плеву. Всё во мне хочет отстраниться от вторжения, от пульсирующей тянущей боли, но извращённым образом я наслаждаюсь жжением. Оно так естественно для меня. Мэддокс прижимает меня к себе и входит глубже, хороня последний свой дюйм во мне. Он не двигается после этого, но держится совершенно неподвижно, пока мы оба тяжело дышим.

— Я могу вытащить, — грубо шепчет он, — скажи только слово, и я вытащу...

Я качаю головой, впиваясь в него взглядом.

— Не надо.

Даже сейчас, будучи во мне так глубоко, как только может быть, пульсируя от сводящей с ума потребности насытиться полностью, он всё ещё продолжает думать обо мне. Всё останавливается в этот момент, и ко мне приходит осознание. Находясь в маленьком мире, где существуют только он и я, где его дыхание поддерживает мою жизнь, а моё — его, где пища и вода — поцелуи и прикосновения, которые мы разделяем, я прихожу к душераздирающему осознанию того, что Мэддокс для меня всё. Я падаю, плыву и тону в любви к нему.

Потому что здесь и сейчас, он обнажён. Не телом. Душой. Он полностью обнажает себя для меня, чтобы я увидела его всего. Он даёт мне полный доступ к глубинам его эмоций. Позволяет мне увидеть уродство вместе с поразительной красотой уязвимости, свои страхи и боль. Я в восторге. Таким невероятным восторге, что не могу ничего поделаться, кроме как захватить его губы в глубоком, пропитанном слезами поцелуе.

— Не останавливайся, — выдавливаю я. — Никогда не останавливайся.

Мэддокс начинает двигаться. Сначала небольшими толчками, которых достаточно, чтобы позволить мне привыкнуть к его размеру, его длине и ошеломляющему ощущению наполненности.

Он оставляет меня опустошённой каждый раз, когда немного отводит бедра назад, но когда снова возвращается, растягивая, заполняя, и практически плывя внутри моих стенок, нет эйфории лучше.

Мэддокс убирает мои руки со своей шеи, прижимает их у меня над головой и, опустив свои ладони на мои, переплетает наши пальцы, крепче цепляясь за меня. Прислоняется лбом к моему. Покрытые потом мускулы дрожат, когда он говорит:

— Чёрт... Эйли, — его слова выходят обрывистыми, в то время как толчки набирают почти дикий темп. — Блядь, малышка, слишком много.

Я понимаю, что именно его затуманенный мозг пытается сказать, потому что я чувствую то же самое. Он ощущается так хорошо, что я с трудом могу это вынести. Но думаю, я умру, если он остановит это прекрасное трение своего твёрдого пульсирующего стержня между моими сжимающимися стенками. Он учит меня ритму этого вечного танца. Наше затруднённое дыхание — мои всхлипы и стоны, его рычание и стоны, и невероятно эротичное шлёпанье нашей мокрой плоти — похоже на мелодию, под которую мы танцуем. А затем он задевает что-то глубокое, что-то тёмное и грешное, и ослепительное удовольствие, которое оно пробуждает, выбивает из меня весь воздух.

— Мэддокс... — я задыхаюсь, широко раскрыв глаза. — О, Мэддокс, это ощущается... это ощущается... — я не могу описать это. Даже думать не могу.

— Я знаю, малышка, — и он продолжает двигаться. Его слова мягко и сдержанно звучат напротив моих губ. Мы смотрим друг на друга, и это становится чем-то большим, чем простое слияние нашей плоти. Это признание души, божественная интимность. Это соединение двух сломленных существ в единое целое. Мы дышим как единое целое. Двигаемся как единое целое. Он — начало моего конца.

— Позволь себе ощутить, как хорош мой член внутри тебя. Боже, блядь. Я чувствую твою точку G. Такая чертовски горячая, ты так сильно сжимаешь меня, Эйли, так чертовски сильно...

Его толчки становятся быстрее. Неистовее. Словно он пытается забраться внутрь меня. Мэддокс запускает руки в мои волосы, и прижимая к моему лицу кончики пальцев, испивает мои крики удовольствия, словно они морская вода. Каждое погружение его языка в мой рот, кажется, только увеличивает его жажду ко мне.

Мэддокс убирает руки от моего лица и поднимает мои ноги повыше, пока я цепляюсь за него, царапая ногтями его спину. Он вонзается глубже, поражая пучок тёмного удовольствия снова, снова и снова, пока я кричу и кричу, словно смерть пришла по мою душу. Поток чистейшего упоения разрывает меня на части. Я разлетаюсь на куски. Разумом, сердцем и душой. Всё, из чего я состою, разлетается на яркие кусочки от силы моего освобождения.

Чувствую, как Мэддокс содрогается, и когда он, опустив голову в изгиб моей шеи, продолжает с силой глубоко вколачивается в меня, я ощущаю, как он наполняет меня. Даже сквозь тонкую преграду презерватива я ощущаю горячие струи его освобождения. Его длина, словно сердцебиение, пульсирует в моей киске. Извиваясь под ним, я жадно сжимаю стенки вокруг его члена. С хриплым, животным рыком он кусает меня за плечо, сильно впиваясь зубами в кожу, а затем успокаивает её своим языком.

Рот Мэддокса находит мой, и так же, как его зубы заклеямили меня, его губы и язык делают то же самое с моим ртом.

Глава 22

Мэддокс

Я в полной жопе.

Я сижу на кровати, поставив стопы на пол, ноги немного расставлены. Чуть согнувшись, упираюсь локтями в колени, поддерживая руками свой вес. Поворачиваю голову вправо и нахожу Эйли, мирно спящую в моей постели. Я мог бы солгать и сказать, что её вид в моей кровати в данный момент не пробуждает в моей груди какой-то основной, первобытный инстинкт, вызывая удовлетворение. Но какого чёрта врать сейчас?

Эта девушка забралась мне под кожу. Постепенно проникла сквозь слои мышц и растворилась в моей крови. Пробралась в сердце, существование которого я не хотел признавать. И как бы сильно я не боролся с этим, — зубами и чёртовыми ногтями, стараясь прогнать её прочь, — она разрушила мои стены. Я чувствую, насколько уязвим прямо сейчас. Сжимаю и разжимаю кулаки, ненавидя нахлынувшие эмоции. Но не обращаю на это внимания. Я не могу думать ни о чём другом, потому что она стала моей главной мыслью.

Она стала той, в ком я нуждаюсь, и я понял, что в ту самую минуту, когда ты начинаешь нуждаться в ком-то, игра окончена.

Теперь ты живёшь ради них. Твоё сердце из плоти и крови разгуливает где-то там, выставленное на показ всем и каждому, и нет нахрен ничего, что ты можешь поделать с этим. Я смотрю на неё сверху. Она — моя, и лежит, блядь, здесь в моей постели. Такая чертовски сладкая, такая умиротворённая и ангельская. Я почти ощущаю себя демоном, вторгающимся в её момент спокойствия.

Её волосы спутались вокруг нежного личика, измученные поцелуями губы тёмно-розового оттенка немножко приоткрыты от спокойного дыхания. На её щеках до сих пор остался румянец после секса, и несмотря на неукротимость, меня окатывает волной гордости. У меня было много кисок, и все, блядь, разные. Девственницы, немного с опытом и шлюхи. Но ни одна из них совершенно не отличалась от предыдущей. Они для меня ни что

иное, как просто дырки. Мимолётные вспышки с лицами.

Быть с Эйли и находиться внутри её тугих, нетронутых стенок, обнимая и наблюдая за выражением её лица, когда я двигаюсь внутри неё, слушая и пробуя восхитительные кроткие, сексуальные звуки, которые она издаёт? *Вот то*, что я никогда прежде и близко не делал. Соединяться с ней, удовлетворять её потребности и желания — единственное, что движет мной. Я хочу увидеть, сколько удовольствия смогу ей подарить, и как медленно мне придётся двигаться, чтобы она насладилась всем этим со мной. Потому что я хочу быть с ней прямо, чёрт возьми, сейчас. В её глазах — прекрасных, разноцветных глазах — светились столькими эмоциями, когда она смотрела на меня, что это разрывало на части.

Эйли смотрела на меня так, словно у меня были ответы на все чёртовы вопросы вселенной. Искренность в её взгляде пробуждает во мне веру. Заставляет поверить в неё и в себя, а также вероятность того, что у нас может быть общее будущее. Заставляет поверить в то, что любовь существует, — такая любовь, которую ты будешь помнить всю жизнь, если облажаешься. Она неосознанно выбивает весь чёртов воздух из меня, и я не могу вспомнить, как начать снова дышать.

Двигаясь и наклоняясь чуть вперёд, я замираю, загипнотизированный ослепительной красотой передо мной, которую, кажется, она излучает изнутри. Делаю медленный вдох и слегка касаюсь пальцами её гладкой щеки, но резко вспомнив, насколько они порочны, одёргиваю руку. Делаю ещё один глубокий вдох, наклоняюсь ближе и на этот раз провожу носом по изгибу плеча, вдыхая её запах. Она пахнет чистотой, такой невероятной сладостью, что мой рот сразу же наполняется слюной. Я хочу попробовать. Мне необходимо снова почувствовать её соки на моём языке.

Эйли лежит на животе, одну гладкую, стройную ногу вытянув из-под тёмно-синего одеяла, а другую, согнув под ним. Медленно стягиваю покрывало с её спины, открывая попку, в таком положении я могу разглядеть каждый её красивый дюйм. В мгновение ока оказываюсь за ней и скольжу пальцами по тёмно-красной коже половых губок её киски, как вдруг...

— Нет! — по комнате разносится внушающий беспокойство крик, и она подрывается с кровати, уползая от меня прочь, будто я только что угрожал её убить. Я быстро перебарываю свой шок, когда замечаю, как она дрожит всем телом, прижимаясь к изголовью кровати. Она крепко сжимает руками поднятые к груди ноги, упираясь подбородком о поднятые колени. Я разрываюсь между желанием броситься к ней и прижать к себе, или просто ждать, пока она не стрехнёт дымку очередного кошмара, который, очевидно, у неё только что был. Но как только я слышу всхлипывания Эйли, я тут же оказываюсь рядом, откинув прочь нерешительность. Когда я тянусь к ней, она качает головой и отползает от меня ещё дальше, словно хочет стать частью чёрного изголовья.

— Прости, — бормочет она, обхватывая ноги ещё крепче, словно это остановит дрожь в её теле. — Я думала... Я думала, ты был... — она запинается и поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Большие, выразительные глаза блестят от слёз. В них прячутся тени, которые слёзы не могут скрыть. Она выглядит загнанной. — Прости меня, Мэддокс...

Понимая свою первую ошибку, больше не пытаюсь прикоснуться к ней, но я сдвигаюсь и сажусь рядом, оставляя между нами достаточно места, чтобы она не чувствовала, будто ей что-то угрожает. Сидя на кровати рядом с ней, я ничего не говорю, но мой мозг сходит с ума. Её реакция вызывает воспоминания о моём проклятом прошлом. Я помню, как просыпался от кошмаров так же, как только что сделала она, напуганный до смерти, думая, что ублюдок

всё ещё жив. Помню то чувство, когда на тебя охотятся. Когда тебя заставляют чувствовать себя слабым и беспомощным каждую минуту твоей жизни. Помню, как до чёртиков боялся позволить кому-то прикоснуться к себе, потому что единственные прикосновения, которые я когда-либо ощущал, были жестокими и омерзительными. Смотрю на Эйли, вижу, как она не может вынести даже моего прикосновения, и быстро складываю дважды два.

— Я думал, что уже говорил тебе, чтобы ты прекратила извиняться за дерьмо, в котором нет твоей вины.

Она пытается пожать плечами.

— Это плохая привычка.

— За кого ты меня только что приняла?

Она снова качает головой, и на её лице появляется хмурое выражение, когда она прикусывает нижнюю губу в попытке, вероятно, удержать себя от дальнейшего разговора.

— Эйли?

— Мэддокс, пожалуйста, не заставляй меня. Если я расскажу тебе, ты увидишь насколько я грязная. И тогда я потеряю тебя. Ты увидишь мои шрамы и, в конце концов, скажешь, чтобы я оставила тебя в покое.

— Ты должна понять одну вещь обо мне: меня нелегко испугать. Если ты, конечно, не планируешь сказать мне, что тебе не нравятся парни с татуировками, то ты не сможешь сказать или сделать что-то, что оттолкнёт меня.

— Мне нравится только один парень с татуировками.

Не могу ничего поделаться собой, когда тянусь и вытираю с её щеки падающую слезу.

— Значит, не сдерживайся.

Она отворачивается с маленькой, грустной улыбкой.

— Ты спросил меня однажды, почему я хожу на терапию. И думаю, ты уже понял, что это из-за того, что я себя режу. Я, эм... Я режу себя, потому что чувствую себя грязной большую часть времени. Настолько грязной, что если бы я могла отбелить себя изнутри, я бы это сделала. Иногда этой грязи становится слишком много, и это настолько омерзительно, что мне нужно хотя бы ненадолго почувствовать себя чище. Рейчел и Тим удочерили меня, когда мне было девять. Они были очень хорошей парой, поэтому я думала, что нашла хорошую семью, которая может любить и заботиться обо мне. И сначала всё выглядело именно так. Они и вправду обожали меня. Особенно Тим. — Эйли так и не поворачивает голову, но я слышу её всхлипывания, пока она старается не заплакать. — Он много работал, поэтому, когда был дома, сидел со мной сам. Я ничего и не заподозрила, когда он попросил меня оставлять дверь открытой, пока я в душе. Или после того, как я ложилась спать, он приходил в мою комнату, запирали дверь и просто сидел у моей кровати. Первый раз, когда он прикоснулся ко мне, я уже почти заснула, но почувствовала его руку у себя между ног... — она давится всхлипом. Я делаю ещё одну попытку прикоснуться к ней, но она отмахивается от меня. — Не надо... — Эйли вздрагивает и смотрит на меня глазами, полными слёз и отчаянья. — Пожалуйста, не делай этого. Если ты прикоснёшься ко мне сейчас, я не закончу. Ты должен узнать обо мне, Мэддокс. Ты должен узнать насколько я херовая. Ты заслуживаешь этого, — прежде, чем продолжить, она проводит дрожащей рукой по своим волосам, вероятно, теперь ещё беспокоясь о ругани. Она может говорить «херовая» по двадцать раз в день, и мне будет всё равно.

— Он заставил меня думать, что это нормально. Я не боролась с ним и не кричала. Просто позволяла делать это со мной. Он сказал, что это наш маленький секрет. Только

между мной и им. Он говорил мне, что если я когда-нибудь расскажу о нём, то они снова отправят меня в приют. Вернут меня, словно я какой-то щенок, который больше не нужен. Каждый раз, когда он шептал эту угрозу мне, я говорила себе, что обеспечиваю себе место в этом доме. Я думала, что если буду позволять делать это со мной, то, возможно, он в конце концов увидит во мне свою дочь. Это случилось намного позже. Когда Рейчел не было дома. Мы никогда не занимались сексом. Он просто ко мне прикасался. А затем однажды ночью, когда мне было шестнадцать, он решил, что хочет большего. Он был пьян, помню, как кричала, и тогда прибежала Рейчел. Он сказал ей, что это просто случайность, и что он просто по ошибке зашёл не в ту комнату. Она поверила ему. Поверила каждому его лживому слову. Мы никогда не говорили о той ночи после. Даже когда я вскрыла вены, и они отвезли меня в больницу. Никто ничего не сказал. Никто ни черта не сказал.

*****

Эйли

Какого чёрта я делаю? Это на самом деле происходит? Я захватываю небольшой кусочек кожи между большим и указательным пальцем и сильно щипаю. Укол боли говорит мне насколько всё это реально. Но я до сих пор сбита с толку тем, как мы перешли с момента самой чистой формы экстаза, который только могут испытывать два человека, к тому, что я не могу остановить поток слов из своего рта. Это моя личная форма саботажа? Раскрыть ему самые мерзкие подробности о себе, позволив понять, насколько на самом деле я отвратительна внутри, чтобы он сбежал, пока мои демоны не оттолкнут его? Я оказываюсь на ногах так быстро, как только могу. Смущаясь своей наготы, начинаю искать одежду и нахожу её в нескольких футах от кровати. Хватаю трусики и рубашку и поспешно надеваю их, совершенно забывая о лифчике.

Всё во мне кричит отступить. Я рассказала слишком много. Рассказала слишком чертовски много тому единственному человеку, которому никогда не намеривалась показывать, насколько уродлива моя душа. Мне нужно уходить. Нужно убираться отсюда. Чем быстрее я убегу, тем быстрее доберусь до лезвия и...

— Эйли, — Мэддокс не даёт мне выйти, и когда я пытаюсь обойти его, он двигается вместе со мной. Когда он протягивает руку, чтобы прикоснуться ко мне, я отталкиваю её.

— Мне нужно идти, — Боже, мой голос звучит так странно. Я не контролирую свои эмоции прямо сейчас и чем больше стараюсь сохранять спокойствие, быть уравновешенной, тем острее ощущаю, как рушится моё самообладание. Если он не позволит мне уйти, я взорвусь, и не уверена, что когда-нибудь остановлюсь.

Предполагаю, что им движет решимость, его собственное чувство контроля гораздо сильнее, чем моё, и он приближается ко мне, заставляя меня сделать шаг назад, только чтобы избежать его прикосновения.

— Отпусти меня.

Он качает тёмной головой, пронзая меня пристальным взглядом.

— Этого не произойдёт.

— Мэддокс.

— Эйли.

В момент, когда он заключает меня в объятия, используя силу, чтобы подчинить себе,

но не причинить боль, я борюсь с ним, словно он мой враг. Я не сильная девушка, и я никогда не ощущала потребности или порыва к такому насилию. Но с Мэддоксом я впадаю в ярость. Я царапаюсь, брыкаюсь и бью его, пока мы не оказываемся на полу. Я использую все части тела, стараясь причинить ему боль, и даже кусаю за руки. Это не порезы. Эти эмоции не от печали, они из-за чего-то намного худшего, более уродливого. Оно полностью превосходит печаль и позволяет мне окунуться в чистейший, неукротимый, яростный гнев. И я растворяюсь в борьбе, словно чувствую себя в своей тарелке. Я сражаюсь со своими демонами. Борюсь с воспоминаниями, которые преследовали меня. Борюсь с тем, что со мной сделали. Я бьюсь и пинаюсь, стараясь вырваться из чёрной смолы, наполняющей мою душу, которая вечно пытается утащить меня на дно. И, несмотря на это Мэддокс держит меня, принимая на себя всю мою злость с абсолютным спокойствием перед лицом моей жестокости, — он убежище в буре моей ярости. И только когда силы полностью покидают меня, дыхание становится неровным, сердце бешено скачет, кожу покалывает из-за пота, появившегося на моей коже, я наконец-то падаю в его объятия. Мэддокс не заслуживает этого. Это не он причиняет мне боль. Но он здесь, чтобы поймать меня. За первым всхлипом следует второй, затем третий, и достаточно скоро они поглощают меня, и я сбиваюсь со счёта. Задыхаясь от нехватки воздуха, я цепляюсь за него.

— Шшш.

В конечном итоге я лежу под ним на полу. Он гладит меня по влажным волосам и целует в лоб. Целует мои заплаканные щёки, нос и губы. Моё тело сотрясается из-за бурных рыданий, которые вырываются из самых глубин моей тёмной души, но он впитывает их. Захватив мой рот, он поглощает мой позор, мою вину, и то, что осталось от гнева, который он так хорошо познал. В этом поцелуе я ощущаю его душу, и это пробуждает во мне гораздо более серьёзный голод, чем простой секс.

— Я здесь. Я здесь, Эйли. Ничто и никто больше никогда не сделает тебе больно. Я обещаю тебе, — шепчет Мэддокс напротив моего влажного рта низким, страстным голосом, в нём столько эмоций, что даже сам Бог не посмел бы сомневаться в нём. Положив руку мне на затылок, он сжимает волосы в кулак и отклоняет немного голову назад, чтобы встретиться со мной взглядом. Эмоции, сквозившие в его голосе, отражаются и в его серых глазах; его взгляд слишком подавляющий, но в нём таится чрезмерная могущественность, не позволяющая отвернуться.

Я знаю, что не должна. Знаю, что большинство будет высмеивать меня, полагая, что это потому, что я сейчас слишком уязвима, и что это неподходящее время, но воспоминания создаются временем, и сейчас создать эти воспоминания с Мэддоксом так же жизненно важно для меня, как и кровь, бегущая по венам.

— Я люблю тебя, — шепчу я, и затем сильно целую его, проскальзывая языком между его губ. Если он не чувствует того же, по крайней мере, у меня будет этот момент.

Я ничего не жду. Я отдаю ему всю себя, потому что если не сделаю этого, не будет никакого смысла. Моя душа тянется к его, и это чистое удовольствие — знать, что он поймает меня. Или, по крайней мере, я надеюсь, что он сделает это. *Пожалуйста, пусть он чувствует то же самое.* Я слышу его рычание, чувствую вибрацию у него в груди, прежде чем он берёт контроль над поцелуем. Словно голодный, Мэддокс неистово пожирает мой рот и раздвигает ноги. Просунув руку между нами, он отодвигает мои трусики в сторону и медленно скользит глубоко внутрь меня. Обнимаю его ногами за талию, и мы раскачиваемся в унисон с каждым движением его бёдер. Мэддокс сжимает мои волосы, и позволив мне

несколько коротких стонов и вздохов, снова обрушивается на мой рот. Он скользит в меня, грубо и глубоко, и я слышу, как моя влажная от пота спина со скрипом скользит по деревянному полу, когда он продолжительно, глубоко и жёстко входит в меня, потирая умопомрачительный комок нервов, который он называет моей точкой G. Он беспрестанно движется, и я вижу звёзды, когда он достигает цели: захватывающую дух плеяду звёзд, сосредоточенную во Вселенной между ног.

— Эйли... — произносит он с мучительным стоном. — Эйли, — снова зовёт он, обожание в его голосе наполняет моё сердце сладостным восторгом. Ему нравится прижимать меня и брать в свои руки контроль, который я с радостью ему уступаю. Он заводит мои руки над головой и прижимает ладонь к ладони, переплетая наши пальцы в мёртвой хватке. Он очень сильно сжимает мои руки, но я не уступаю. — Я могу остаться в тебе навечно, — шепчет он грубо возле моего уха, как раз перед тем, как его тело напрягается, и я ощущаю пульсацию его длины глубоко внутри меня, когда высвобождение берёт над ним верх. Мэддокс стонет мне в шею, когда мы разделяем экстаз в чистой, божественной форме.

Я впадаю в состояние, когда психическое и физическое истощение заставляют меня чувствовать, словно я парю. Я ощущаю, как чувство блаженства овладевает мной, и мои кости тают. Мэддокс крепко прижимает меня к своему потному телу. Мы запутались друг в друге, переплетая ноги, и я укрываю его, словно одеяло. Одной рукой он обнимает меня за талию, а другой прижимает мою голову к своей груди. Так хорошо. Боже, как же хорошо. Мэддокс зарывается пальцами в мои волосы, пока я слушаю колыбельную его сильного и равномерно бьющегося сердца. Она убаюкивает меня, и с невероятной чёткостью я осознаю, что это единственный раз в моей жизни, когда я по-настоящему чувствую себя в безопасности.

*****

Мэддокс

Этот мудака коп заслуживает худшего рода смерть. Его и того ублюдка, который приложил руку к моему зачатию, ждёт особое место в аду. Хотя я уверен, что мой донор спермы уже хорошенько там поджарился. Если бы я мог заключить сделку с самим Дьяволом, то я бы лично приложил руку к их вечным страданиям. Каждое слово её признания медленно пронзало моё сердце, словно раскалённой кочергой. Я не привык так сильно заботиться о чьей-либо боли, по-настоящему чувствуя и зная точную печаль, спрятанную так глубоко внутри неё, что её можно попробовать на вкус. Наши жизненные испытания отличаются лишь на йоту, но она борется со своим собственным монстром. С трусом, которого возбуждает охота на невинных. И после всего того дерьма, что я пережил, могу сказать, по крайней мере, что мой монстр зарыт на глубине шести футов под землей, в то время как Эйли до сих пор живёт со своим. Я усиливаю хватку на ней до тех пор, пока её единственное еле слышное всхлипывание не заставляет меня расслабиться. Каждый раз, когда я думаю о том, что должен позволить ей вернуться в то место, к этому грёбаному педофилу, я хочу запрыгнуть в свой грузовик, поехать к её дому, найти того ублюдка и впечатать его лицо в землю.

Снова крепко обнимаю её, когда до меня доходит, что под ослепляющим гневом внизу

груди существует реальная и очень тёмная яма страха. Это страх за то, что что-то может случиться с ней, а меня не будет рядом, чтобы остановить это. Страх разочаровать её. Страх причинить ей боль. Страх быть недостаточно хорошим для неё.

Я никогда раньше не замечал в себе эту часть. Но я знаю, что она появилась в тот день, когда Эйди приехала на велосипеде к моему дому, и всё только ухудшилось, потому что теперь она навечно поселилась в моём сердце. Она живёт там сейчас, и пусть моего сердца не так уж и много, но это единственный дом, который я могу ей дать. Я вложил разбитые остатки своего сердца в её прекрасные, изящные руки. Мне интересно, что она подумает обо мне, если я скажу, что собираюсь запереть её в этой квартире и никогда не выпускать из виду. Она, наверное, решит, что я чёртов сумасшедший, но я не смогу вынести, если ей снова причинят боль.

Бам!

Бам!

Бам!

Какого хрена? Блаженная тишина исчезает. Три сильных удара кулаком по входной двери моей квартиры пугают Эйли до чёртиков и она просыпается. Я ненавижу, что нас прерывают, но ещё больше ненавижу страх в её глазах.

— Кто это? — спрашивает она тихо, пытаюсь сесть, но я не позволяю ей.

Держа руку на её тонкой талии, я так же тихо отвечаю:

— Не знаю. Не важно, — прижимаю руку к её шее и целую в лоб. — Спи дальше.

Я знаю, что это не Дро, потому что у него с собой всегда есть ключи. Я никого не жду. А это значит, кто бы, блядь, не стучал в эту дверь, он либо останется там, либо вернётся позже, потому что, во-первых, мне очень комфортно: обнажённое тело Эйли прижато к моему, и эта чёртова роскошь, от которой я не собираюсь отказываться. И во-вторых, если ты заявляешься ко мне в квартиру без телефонного звонка или сообщения, это довольно весомая гарантия того, что твоя задница останется снаружи.

Так что, понимая, что оба варианта маловероятны, я игнорирую стуки и возвращаюсь к наслаждению каждой проведённой секунды с ней.

БАМ!

БАМ!

БАМ!

БАМ!

На этот раз стуки более сильные, громкие, а затем раздаётся крик:

— Йоу, Макс, открой эту чёртову дверь, чувак! — всего лишь звука требовательного голоса Уилки достаточно, чтобы заставить меня подняться. Эйли садится и тянется за одеялом, чтобы прикрыть наготу. Я ухмыляюсь, когда она встречается с моим взглядом и опускает голову, пытаюсь скрыть румянец на щеках. Это определённо моя вторая любимая её реакция. Первая — когда она нервно облизывает язычком нижнюю губу.

Надевая боксеры и джинсы, я наклоняюсь и беру её за подбородок.

— Оближи свои губы.

— Макс...

Я усмехаюсь, проводя большим пальцем по её губе.

— Ты должна чаще называть меня так. Мне нравится, как оно звучит из твоих уст. А теперь... — мои глаза опускаются вниз от курносого носика и задерживаются на её пухлых губах. — Оближи. Свои. Губы.

Мой член пульсирует, когда она высовывает свой язычок и облизывает нижнюю губу, касаясь им моего большого пальца. Она захватывает его между своих губ, и жар от её рта и эротическое скольжение языка заставляют меня оказаться на ней в мгновение ока. Беру её лицо в ладони и обрушиваю свои губы на её, вкушая сладость рта. Я готов оказаться внутри её тепла снова, когда громкий возглас: «МЭДДОКС!» возвращает меня к проклятому кайфообломщику Уилки.

— Я вернусь и мы продолжим, — оставляя последний поцелуй, я неохотно поворачиваюсь к ней спиной, чтобы открыть дверь. У этого куска дерьма должна быть очень хорошая причина, почему он находится у меня дома прямо сейчас.

— Да, да, блядь, заткнись ты уже, — бубню я, когда он снова стучит.

Открыв дверь, я готов спросить, какого хуя он хочет, но парень сразу проносится мимо меня.

— Дро взяли, мужик. На его гараж устроили рейд, он кишит копами. Меня там не было, но Баз был. Он позвонил мне полчаса назад и сказал, что всё очень плохо.

Всё испаряется, когда я прихожу в действие.

— Где он сейчас?

— В центре города. Ничего не слышал от База, с тех самых пор, как это произошло.

Стремглав влетая назад в свою комнату, я говорю ему через плечо:

— Я захвачу несколько вещей, и мы выезжаем.

В своей спальне я нахожу Эйли на кровати в той же позе, какой я её и оставил минуту назад. Она смотрит на меня с ожиданием, доверием и любовью такая ослепительно красивая, что всё, чего я хочу — это нырнуть в это великолепие и утонуть в этой чистоте. Сразу становится ясно, что мои приоритеты меняются, когда моей первой мыслью оказывается не Дро, а Эйли и её безопасность. Я хочу оставить её здесь, но это не безопасно. Инстинкт подсказывает мне, что это только вопрос времени, прежде чем полицейские придут и всё здесь перевернут. Только четыре человека знают, что Дро хранит большую часть своего товара в гараже и отмывает деньги за наркотики под прикрытием автомагазина. Если полицейские знают о гараже, то это означает, что у нас завелась крыса. Какой-то козёл настучал копам, и какую бы сделку этот сукин сын не заключил, ему лучше попасть под грёбаную защиту свидетелей, потому что мы надерём ему задницу, как только найдём.

Нет ни единого шанса, что я позволю копам явиться сюда и найти Эйли. Меня внезапно осеняет, что её старик — коп, и пока мой мозг мечется от одного к другому, я начинаю думать, что он тоже приложил руку к рейду.

Иисус, блядь.

— Всё хорошо?

Я киваю.

— На гараж моего приёмного отца был устроен рейд. Копы забрали его, — забавно, но вместо того, чтобы солгать или обойти детали, я рассказываю ей правду.

Эйли едва заметно хмурит брови от истинного беспокойства.

— Ох, мне так жаль. Ты знаешь, что произошло? Насколько всё серьёзно?

Направляюсь к комоду, хватаю телефон, который ставил на беззвучный режим ранее, и смотрю на экран, обнаруживая двадцать сообщений и десять пропущенных вызовов. Блядь. Большая часть сообщений от Винн. Они все зашифрованы. Для кого-то другого они не имеют никакого смысла, но она волнуется об остальной части товара, спрятанной в квартире.

— Я не знаю всех подробностей. Но планирую выяснить.

Отправляю ей в ответ также зашифрованное сообщение, давая знать, что позабочусь об остальной части товара и деньгах, спрятанных в разных местах по квартире, а затем прячу телефон в задний карман.

— Эйли, я ненавижу делать это...

Она поднимает руку и улыбается.

— Тебе не нужно объясняться. Я всё предельно понимаю, — она поднимается на ноги и ищет свою одежду. — Я понимаю, что он нуждается в тебе сейчас.

Помогаю ей надеть рубашку и не могу удержаться, чтобы не оставить поцелуй на изгибе её плеча.

— Ты просто не догадываешься, как сильно я хочу тебя удержать.

Положив руку мне на плечо, она поднимается на носочки.

— Я твоя, — шепчет она с поцелуем. — Держи меня, Макс.

Да, охренеть, чёрт возьми. И самое страшное, что я не имею ничего против этого.

*****

Эйли

Около восьми вечера Макс высаживает меня в квартале от моего дома. Не заглушая грузовик, он просит у меня телефон, и, порывшись в своей сумке, я вкладываю сотовый ему руку. Заглядывая, я вижу, как он открывает клавиатуру, вбивает номер и сохраняет контакт под простой буквой «М». Отдав телефон, он молча выпрыгивает из автомобиля и становится со мной на тротуаре. Мне не хочется, чтобы он уезжал, но я вспоминаю, что его приёмный отец нуждается в нём, и отодвигаю в сторону свой эгоизм. Мэддокс сокращает расстояние между нами одним длинным шагом и, обхватив моё лицо обеими ладонями, наклоняется и очень медленно целует меня. Затем он отстраняется, но прижимает свой лоб к моему.

— Не сомневайся звонить мне, если я буду тебе нужен.

Я вздыхаю. Просто уйти становится слишком болезненно.

— Не буду. Надеюсь, что твой приёмный отец будет в порядке.

Моей единственной отрадой остаётся то, что он не выглядит так, словно хочет уезжать.

— Я напишу тебе, чтобы ты была в курсе событий. Попробуй добраться до своей комнаты и запереть дверь. Я вернусь за тобой...

Следует длинный гудок из чёрного «Аккорда», припаркованного позади грузовика Мэддокса.

— Йоу, Мэддокс, поехали!

— Иди, я буду в порядке, — я кладу руку ему на грудь, чтобы оттолкнуть его, но он не двигается с места. Я смотрю с любопытством. — Макс?

Он отпускает меня только чтобы снять серебряный браслет со своего запястья. Взяв меня за руку, он дважды оборачивает его вокруг моего левого запястья, прежде чем застегнуть замочек.

— Оставайся в безопасности ради меня, хорошо? — тихо спрашивает он негромко после того, как целует меня.

— Хорошо. Я... — «Люблю тебя» застревает у меня в горле. — Останусь. Иди, или твой друг заработает аневризму.

Мэддокс усмехается и в последний раз целует меня в лоб, прежде чем запрыгивает на водительское сиденье и уезжает. Я не сдвигаюсь с места, пока не вижу, как фары его автомобиля исчезают за углом.

Повесив рюкзак на плечи, я направляюсь к дому. Каждый шаг даётся со страхом. Хоть я и отпросилась у Рейчел на ночёвку у Мэллори, уверена, она не станет негодовать, если я сообщу ей, что передумала и решила вернуться домой. Примерно через пять минут, я подхожу к входной двери, но хмурюсь при виде очень знакомого белого Мерседеса, припаркованного рядом с «Дуранго» на подъездной дорожке, на месте, где обычно Рейчел паркует свою «Акуру». Я могу только предположить, что Рейчел дома нет. Но что приводит меня в сильнейшую панику, так это мысль о том, что Мэллори делает у меня дома? Меня поймали на лжи?

«Почему она здесь? Она же сказала в сообщении, что прикроет меня, так какого чёрта она здесь делает?»

Оказавшись внутри, я просто быстро поднимусь наверх, чтобы никто меня не заметил. И я молюсь, что у неё имеется хорошее оправдание, почему она здесь, и надеюсь, что она не пытается создать мне неприятности. Я знаю, что её не волнует Мэддокс, но это смешно. Также надеюсь, что Рейчел не рассказала Тиму о моих планах. Но в глубине души понимаю, что это не так, потому что Рейчел рассказывает Тиму всё. Я отчаянно молюсь, чтобы в этот раз она этого не сделала. Молюсь, чтобы где бы она сейчас ни была, это помешало ей позвонить ему. Следующие мои шаги даются мне с трудом, когда я открываю дверь и молча вхожу внутрь, закрывая её за собой. В прихожей темно, но на кухне включён свет. Оставив сумку у двери, я ищу на стене слева ближайший выключатель. Щелкаю его вверх и вниз, но ничего не происходит. *«Лампочка, должно быть, перегорела»*, — рассеяно рассуждаю я.

Поворачивая направо, я останавливаюсь возле лестницы и вслушиваюсь в почти жуткую тишину дома. Здесь никогда не бывает так тихо. На Рейчел и Сара всегда создают много шума. Знаю, Рейчел нет дома, но надеюсь, что хотя бы Сара здесь. Поднимаюсь наверх и съёживаясь, когда лестница скрипит. Затаив дыхание, молюсь попасть в свою комнату прежде, чем Тим вынырнет из какой-нибудь тени. А затем я слышу это. Череду хриплых смешков, после которых слышится знакомый высокий голос Мэллори. Он раздаётся дальше по коридору. *Из спальни Тима и Рейчел.*

Глава 23

Эйли

Наплевав на свой рассудок, я нерешительно двигаюсь дальше по коридору.

От звука голоса Мэллори в таком обыденном разговоре с Тимом у меня скручивает живот.

— Это довольно смело с твоей стороны пригласить меня приехать, когда Рейчел может вернуться домой в любой момент.

— Не вернётся, — отвечает он дерзко. — Я в последнюю минуту организовал для неё и Сары спа-выходные. Они не вернутся до воскресенья.

Ковёр поглощает звуки моих шагов, и я благодарна, что он ещё заглушает скрип половиц. Я подхожу к их двери, которая осталась слегка приоткрытой, и ещё одно хихиканье Мэллори заставляет меня сильнее нахмуриться. Она хихикает так, только когда находится

под кайфом.

— Так что у нас есть несколько часов, прежде чем мне нужно будет забрать Эйли.

— А где именно, ты говоришь, она снова?

— Работает над арт-проектом для своего портфолио в школе.

Слыша шелест, я испытываю ужасное любопытство и заглядываю внутрь.

— Ты не стала бы мне лгать, да?

Широко открыв глаза, я наблюдаю сцену в спальне, и абсолютный шок мгновенно превращается в горячее, горькое отвращение, поднимающееся из глубины моего желудка к горлу. Тим на кровати, в то время как Мэллори совершенно голая сидит у него между ног.

— Я бы не стала тебе лгать, папочка. Я твоя маленькая хорошая девочка, и всегда ею была.

— Хмм, ты была моей хорошей маленькой девочкой. А теперь ты просто грязная маленькая шлюха, которая готова трахаться за любую дурь.

— Это не правда. Я такая же чистая, как в ту ночь, когда ты впервые трахнул меня. Я просто набралась немного опыта, но я всё ещё твоя хорошая девочка. Я лучше, чем Эйли...

Он замахивается рукой и ударяет её по щеке, взрываясь в ответ:

— Закрой нахрен пасть!

Я вздрагиваю и съёживаюсь, будто он ударил меня, слишком чётко помня свою собственную боль от рук этого человека.

— Из твоего гнусного шлюшьего рта не смеет слететь ни единого слова о ней!

От удара Мэллори падает на пол, но поднимается на колени, словно ничего не произошло, и пробегается вверх и вниз по его бёдрам.

— Прости, папочка. Мне очень жаль. Позволь мне загладить свою вину. Позволь мне объездить тебя и показать, насколько я сожалею.

Он дёргает её на ноги.

— Тогда возьми этот толстый член. объезжай его до тех пор, пока я не кончу в тебя.

Она оборачивается и весь мой мир останавливается. Стоя в тёмном коридоре, я знаю, что она не может видеть меня, и всё же, когда она медленно опускается на эрекцию Тима, её голубые глаза, обведённые чёрной подводкой, фокусируются на приоткрытой двери и впиваются прямо в меня. Её тёмно-красные губы расплываются в злобной, самодовольной усмешке, и в этот момент я понимаю, что у меня никогда не было лучшей подруги.

— Эйли! — она симулирует удивление и вскакивает на ноги, хватая одеяло и прикрывая им своё тело. — Это не то, что ты подумала, — она бежит к двери, и Тим отстаёт от неё всего на несколько секунд.

Кровь стынет в жилах, когда я бегу по коридору, который кажется бесконечным. Шлёпанье босых ног Тима по полу эхом отдаётся в моих костях.

— ЭЙЛИ!

Угроза в его голосе сотрясает мои нервы и ускоряет биение сердца. Растущая паника переплетается с вездесущей бурей страха, скручивающей моё тело. Знаю, что если остановлюсь сейчас, он поймает меня и причинит боль. И вдруг мысль, что мне придётся пережить ещё одну минуту мучения от его руки, окатывает меня волной такого презрения, что её сила отрезвляет меня. Я отказываюсь играть его жертву. Я не позволю ему причинить мне боль. Не без боя.

Адреналин бежит по моим венам, и я приподнимаю юбку вверх, удлиняя шаги. Лестница находится всего в нескольких футах от меня, но я бегу в свою комнату, зная, что

если закрою и запру свою дверь на замок, у меня будет время, чтобы выбраться через окно. Это поспешный план, не продуманный должным образом, но я питаю надежды, что он всё же сработает. Я спешу закрыть дверь, но отлетаю назад, когда Тим толкает её плечом.

Я приземляюсь на задницу с вытянутыми вперёд ногами, успевая вытянуть руки назад, чтобы смягчить падение.

— Эйли...? — мои глаза на какую-то секунду находят Мэллори, которая стоит у Тима за плечом. — Милая, что ты здесь делаешь? Я думала, что должна тебя забрать из квартиры Мэддокса?

Температура моей крови опускается до арктической, а сердце с глухим стуком уходит в пятки. Мои глаза возвращаются к лицу Тима, искажённому тёмной, зловещей маской чистой ярости. Он тут же хлопает дверью за собой и запирает её на замок, оставляя Мэллори в коридоре, прежде чем направиться ко мне.

— Эй, — ноет она, колотя в дверь.

Поднявшись на ноги, я мчусь к своей ванной... но не успеваю. Вскрикиваю, когда Тим хватает меня за волосы, страх снова охватывает моё тело, когда он дёргает меня назад и швыряет на кровать. Я подпрыгиваю на матрасе, воздух покидает лёгкие, кожа головы горит. Я пытаюсь встать, выкарабкаться из кровати, но он прыгает и приземляется на меня, словно бешеная болотная рысь. Мэллори кричит за дверью, но он продолжает:

— Скажи мне, что ты не позволила этому куску дерьма прикоснуться к тебе! — слюна брызгает на моё лицо, когда он дёргает мою голову, отрывая её от кровати. — Ты всё ещё девственница! Скажи мне, что ты всё ещё мой маленький цветочек! — он грубо наматывает мои волосы на руку и тянет их так сильно, что кожа моей головы начинает гореть. — Скажи мне, что ты не отдала ему то, что принадлежит мне! СКАЖИ МНЕ! — ревет Тим, и страх неведомый мне ранее, душит каждую часть меня.

Он выглядит так устрашающе. Неуравновешенным, сумасшедшим, почти маниакальным, и я понимаю, что мне не избежать его когтей без необратимых повреждений. Заглядывая в пропасть его тёмных глаз, я сталкиваюсь лицом к лицу со своей смертью. Он не позволит мне жить. И меня это больше не заботит.

— Я отдала ему каждую частичку себя. Позволила ему облизывать и упиваться каждым дюймо́м моей киски, пока я кончала, и кончала, и кончала на его язык. А затем я развела ноги и попросила его *взять* мою девственность. Он трахал меня жёстко, медленно и так глубоко, что я не хотела, чтобы он останавливался. И ни разу, даже на грёбаную миллисекунду я не думала о тебе. Ты — ничто. Тебя не существует. Он стёр твои тошнотворные, омерзительные прикосновения с моей души и выгравировал там любовь. Ты больше не имеешь значения. То, что ты делал, больше не имеет значения. Я смотрю на тебя и вижу, что ты лишь жалкое подобие человека.

Словно таран на одну сторону моего лица обрушивается удар. Я не могу описать ошеломляющую боль, но она выбивает весь воздух из моих лёгких и ослепляет меня. Остаётся только инстинкт, и несмотря на то, что я борюсь и извиваюсь, стараясь вырваться, его сила намного превышает мою. Вес его ярости обрушивается на меня, словно телега, заполненная наковальнями, каждый его удар уничтожает меня во всех смыслах. Я не могу думать. Не могу плакать. Всё, что сейчас чувствую, это сокрушительные волны жестокой агонии.

А затем он причиняет мне боль другим путём. Тим задирает мою юбку, разрывает трусики, рывком широко разводит мои бёдра и раздирает меня на две части, вторгаясь в

меня одним резким жёстким рывком. Он словно сумасшедший срывает с меня рубашку, разрывает лифчик, а затем нападает на мою грудь. Он сильно сосёт соски, сжимая её до боли, и выпивается зубами в мою плоть с такой жестокостью, что у меня проступает кровь.

Слёзы текут из опухших, закрытых глаз по моему избитому лицу, пока я кричу, разрывая голосовые связки. Он разлётся на мне как умирающее животное. Его горячее дыхание опалает моё мокрое лицо.

— Вот так, ты, чёртова шлюха, кричи для меня. Это я внутри тебя сейчас, сука. Я должен был сорвать эту чёртову вишенку годы назад. Но вместо этого мне пришлось довольствоваться Мэллори. У неё проснулся здоровый аппетит к этому. Ты знаешь, сколько лет ей было, когда она дала мне, малышка? Хм-м? — он проводит своим языком по моей шее. — Тринадцать. Как раз, когда ты с ней познакомилась.

Он тяжело дышит мне в ухо. Удары кулаками по двери эхом отбиваются у меня в ушах, но вскоре стуки Мэллори стихают, и хрип Тима — единственный звук, который я слышу. Я отворачиваю голову, когда желчь подступает к горлу. С трудом сглатываю три раза, отправляя желчь обратно вниз. Безвольно откидываю голову назад, когда начинаю умирать внутри.

Каждая часть меня благодарна Мэддоксу за то, что он забрал мою девственность. Что он показал мне, как сладко, нежно и красиво это может быть. Потому что то, что делает Тим, хуже, чем дикость. Моя голова дёргается вверх и падает вниз, когда он переворачивает меня на живот, разводит мои ягодицы и яростно врывается через плотное кольцо моего ануса. Рыдания слетают с моих губ. Это слишком много. Слишком чертовски много. Мучительная пытка невыносима, и всё же моё тело не может избавиться от неё. *«Положи этому конец, Боже, пожалуйста, останови это»*. Мои мысли затуманиваются, прежде чем разум отключается. Тим толкает меня лицом в одеяло пастельного оттенка, и я делаю поверхностные, обжигающие вдохи, смотря прищуренными, тяжёлыми глазами на блестящий серебряный браслет, дважды обёрнутый вокруг моего запястья.

Мэддокс. Его имя окутывает мой разум, словно одеялом, укрывая меня от моих тайных мыслей. *Мэддокс. Макс*. Сначала я едва его слышу. Я не в этой комнате. Я на том грузовом контейнере, высоко в воздухе, на большой стоянке для машин, и Макс тоже там. Мы лежим бок о бок, руки переплетены между нашими тёплыми телами, и мы смотрим на ночное небо, мерцающее звёздами. Это совершенный, идеальный момент.

«Эйли». Мэддокс появляется в поле зрения — моя красивая, падающая звезда, — и моё сердце ускоряет ритм, когда он усмехается с этим своим мальчишеским шармом. «Я люблю тебя». В моих мыслях он говорит слова, которые не может сказать в реальности, и они такие сладкие. Он нежно целует меня, и я таю от одной только силы его любви ко мне. Моё тело подвергается жестокости в настоящем, но в своём воображении я поглощена любовью, и это то место, где я останусь.

*****

Мэллори

Я слушаю ужасные крики Эйли, на собственном опыте зная, каким жестоким может быть Тим. Я не понимала, что делаю, пока Тим не захлопнул дверь перед моим носом. Но сейчас, стоя перед дверью спальни своей лучшей подруги, я трясусь от абсолютного ужаса,

пока приёмный отец насилует её. Я зашла слишком далеко. Я не хотела...

Дрожь становится сильнее. Она усиливается с каждой проходящей секундой. И я не знаю, наркотики это или мои нервы, но мне нужно что-то сделать. Хоть что-нибудь. Приходя в действие, я бегу вниз по лестнице и чуть не спотыкаюсь о рюкзак Эйли. Я наклоняюсь и роюсь в нём, пока не нахожу то, что искала. На экране её телефона горит сообщение.

«Проверяю в порядке ли ты. Дай мне знать».

Сообщение от контакта, подписанного просто «М». Но я догадываюсь, кто это. Я собираюсь отправить ему сообщение, но передумываю в последнюю минуту.

Он поднимает трубку после первого гудка.

— Эй, красавица, — приветствует он, словно это её имя, и внезапная зависть из-за любви в его голосе заставляет меня замолчать.

— Эйли? — спрашивает он. И я прихожу в себя.

— Мэддокс.

— Кто это, блядь?

Ну, по крайней мере, он знает голос Эйли.

— Это Мэллори...

— Где она? — холод в его голосе невозможно спутать с чем-то ещё даже через телефон, и я тут же содрогаюсь. Мэддокс Мур не тот, кого можно наебать. Даже немного.

— Ты должен приехать... Её отец... Просто поторопись и приезжай.

Дрожащими руками я отключаюсь и набираю 911. Всё происходящее после пролетает, словно вспышка. Я остаюсь на линии достаточно долго, чтобы сообщить оператору адрес, после чего спешу вверх, чтобы одеться, взять сумочку и ключи, и убратсья отсюда так быстро, как только могу. Наркотик перестаёт действовать. Я не могу находиться здесь. И потребность принять что-нибудь достаточно сильное, чтобы заставить себя забыть о своём участии во всём этом, берёт верх. Оказавшись в своём Мерседесе, я коротко молюсь, чтобы Эйли пережила это. Но мне хорошо известно, что Бог отрёкся от меня уже давным-давно. Поэтому никто не услышит мою молитву.

Глава 24

Мэддокс

Не знаю, почему телефон Эйли находится у этой суки, и в какую-то секунду я готов послать её, но затем её слова заставляют мой мир резко остановиться. Я курю с Уилки возле полицейского участка. Как мы и ожидали, нам нихрена не сказала о Дро. Так что мы ждём здесь уже целый час. И теперь звонок всё меняет. Мои движения замедленные, но я сразу бегу к своему грузовику, выбрасываясь на ходу сигарету.

— Куда нахрен ты идёшь? — кричит Уилки мне вслед.

— Кое-что случилось. Мне нужно разобраться с этим, — отвечаю я с середины стоянки.

— А что с Дро?

— Это моя девушка, — отвечаю я без колебаний. Эйли теперь всегда будет на первом месте. — Мне нужно идти. Держи меня в курсе.

Я веду машину, словно нахожусь под кайфом. Мой грузовик — дерьмо на колёсах, когда дело доходит до скорости, но я нарушаю каждое правило дорожного движения, чтобы добраться в другую часть города за половину времени, которое обычно трачу на такую поездку. Сворачиваю на её улицу, и в моих венах стынет кровь, когда я вижу возле её дома машину скорой помощи, пожарную и полицейскую. Я паркуюсь в соседнем квартале, почти там же, где высадил её ранее, и мчусь вниз по улице, словно олимпийский спринтер.

Возле её дома собралась толпа соседей, и я проталкиваюсь через них. Я оказываюсь на другой стороне как раз в тот момент, когда Эйли на каталке погружают в машину скорой помощи и захлопывают за ней дверь.

— Она всегда была такой милой девушкой, не могу поверить в то, что с ней произошло.

— Кто-нибудь знает, что случилось?

— Кто-то сказал, что её очень сильно избили.

— Да, я подслушала её отца, когда он давал показания полиции. Видимо, у неё есть парень, который плохо с ней обращается. Отец сказал, что застукал его, когда он насиловал её.

— Боже, это так ужасно! Ты можешь представить себе, чтобы такое произошло с твоей дочерью?

— Я знаю... это ужасно. Бедная девочка.

Избил. Изнасиловал. Избил. Изнасиловал. Изнасиловал. Изнасиловал. Я различаю только эти слова, и они повторяются в моей голове, питая пламя раскалённой ярости, растущей внутри меня. Я даже не сомневаюсь, что кастрирую её старика. Это обещание, которое я намерен сдержать для себя. Но сначала мне нужно увидеть её. Нужно узнать в порядке ли она. Нужно прикоснуться к ней. Я следую за скорой помощью, и только у стойки регистрации неотложной помощи понимаю, что они не дадут мне увидеться с ней. Я не член семьи. Проходит несколько часов. Я брожу по коридорам, избегая её отца. В конце концов появляется её приёмная мать с маленькой девочкой, которая выглядит в точности, как она. Со слезами на глазах все они ждут новостей от врача.

Я прихожу и ухожу, но не уезжаю с автомобильной стоянки больницы.

«Только бы с ней всё было хорошо. Только бы с ней всё было хорошо. Чёрт побери, только бы с ней всё было хорошо.»

Эй, там, если ты меня слышишь, я не верю в это дерьмо. Но она слишком важна, чтобы кинуть всё это на произвол судьбы. Поэтому я прошу. Если ты там есть, не дай ей умереть. Ты дал мне её. Ты привёл её в мою жизнь, и не можешь просто так забрать её сейчас. Не смей, чёрт побери, забирать её у меня. Я нуждаюсь в ней чертовски сильно».

Отвожу кулак назад и ударяю им по рулю. Никто не слышит меня, и я ощущаю себя чёртовым идиотом, размышляя об этом.

Водительское сиденье моего грузовика становится моей кроватью, но я не сплю. Закрываю глаза, сложив руки на груди, и планирую. Составляю план. Мозг усиленно работает. Почти пять утра, когда я снова захожу в больницу. Её семья ушла. Решаю попытаться счастья с новыми дежурными медсёстрами, и мне везёт, когда одна из них разрешает мне пройти в её палату.

— Пять минут.

Это всё, что она даёт мне. Но пять минут гораздо больше того, что я получил за то время, пока она здесь. Я планирую использовать каждую секунду.

Всё внутри меня обрывается, когда я вижу её. Такая чертовски маленькая на этой

больничной койке. Хрупкая, сломленная, провода и трубки тянутся от её тела. Всё, что я хочу сделать, это освободить её и прижать к себе. Но я знаю, что если сделаю это, то сделаю ей только больнее. Физически больно видеть её такой. Я чувствую рану глубоко внутри моей груди. Подхожу к ней, быстро моргаю, быстро дыша, и проглатываю комок, образовавшийся в горле. Она полностью избита. Вся в синяках. У меня чертовски трясётся рука, когда я тянусь к ней.

— Эй... — это один из моих худших страхов. Неспособность защитить её, как я обещал. Если бы я забрал её собой... если бы последовал за своим инстинктом и велел ей остаться, а не делать то, что было правильно, бросив её, то тот трус не сделал бы этого. Но затем понимаю, насколько глупа такая логика. Если бы он не сделал этого сегодня, он бы сделал это в другой день, в другое время, или когда бы ему, чёрт побери, захотелось. Насильникам неведомо время. — Открой свои прекрасные глазки и посмотри на меня, Эйли, — я наклоняюсь и нежно целую её опухшие глаза, чувствуя, как усиливается физическая боль, эта рана открывается шире, растягивается, показывая обнажённую плоть от терзания, которое я испытываю за неё. Ничто и никто никогда не пробивал стену гнева и оцепенения внутри меня.

Я даже не могу вспомнить, когда в последний раз плакал из-за себя или кого-то ещё. Не помню, плакал ли я после того, как моя мать пустила пулю себе в голову, и даже до этого, когда страдал от издевательств своего отца-ублюдка. Я не из тех, кто плачет. Ной плакал. Я злился. Но мой гнев склоняется перед лицом травм Эйли. Гнев я знаю. С ним я могу справиться. Могу использовать его. Но я не знаю, что делать с этой грустью. Она заставляет меня чувствовать себя слабым, бессильным, и я чертовски ненавижу это.

— Эйли? — я шепчу её имя, словно это моя собственная короткая молитва, прижимаюсь лбом к её, и, переплетая наши пальцы, крепко сжимаю их, потому что... она — моя жизнь. — Ты должна проснуться и снова дать мне цель. Я не знал, что мне чего-то не хватает, пока ты не пришла и не наполнила меня собой. Ты свернулась клубочком внутри меня. Я не очень хорош в этом дерьме, Эйли. Но мне нужно, чтобы ты знала, что теперь я живу ради тебя. Поэтому мне нужно, чтобы ты проснулась и дала мне будущее. Потому что ты и есть моё будущее, — мои глаза закрываются, но этого недостаточно, чтобы удержать слёзы от падения. Я стискиваю зубы от горя, сражаясь с ним, словно это мой враг. Но оно побеждает. Лоб ко лбу, нос к носу, губами к её губам, я позволяю слезам свободно литься. Я не чувствую стыда. С ней его нет. Я дышу ею. Дышу ради неё. Дышу ради себя. Потому что без неё меня нет. — Я люблю тебя, — выдыхаю я в её губы. — Я так чертовски сильно люблю тебя, Эйли, — и когда ощущаю слабое подёргивание её пальцев в попытке сжать мои, я знаю, что она меня слышит. Не размыкая крепкое сплетение наших пальцев, я подношу к губам руки и целую её костяшки.

Эйли не открывает глаза. Не просыпается. Но я понимаю, что она знает: я здесь. Я чувствую это нутром. Медсестра заходит через пять минут, и мне приходится использовать всю силу воли, чтобы отойти от её постели. Прежде чем сделать это, я смотрю на неё, запоминая каждый синяк и каждую опухшую часть тела. Я представляю какую агонию она пережила, представляю себе ужас, который она чувствовала, когда он держал её, слёзы, когда она плакала, пока он вторгался в её тело. Я запоминаю всё это и запираю подальше. Приберегаю на потом.

Когда я покидаю Эйли, по моей кровеносной системе несётся кислота от желания мести.

Мне пишут и Уилки, и Винн. Один хочет знать, где я, чёрт побери, а вторая задаёт вопросы, на которые уже должна иметь ответы. Ни один из них не стоит в моих приоритетах. У меня есть план, одна одержимая идея, и она полностью сфокусирована на копе. Я не собираюсь обращать внимание на что-нибудь ещё, пока не сделаю то, что мне нужно. Я выезжаю с больничной стоянки и направляюсь к их дому, паркуясь в нескольких кварталах от него. У них есть сарай на заднем дворе дома. Устраиваюсь поудобнее. Никакой еды. Только бутылка воды, чтобы не допустить обезвоживания. Проходит день, и наступает ночь, я выжидаю до последней возможной секунды, прежде чем выхожу из сарая со своей кувалдой в одной руке и другими инструментами в карманах моих джинсов. Подойдя к коробке электропередач, висящей на задней панельной стене дома, я нахожу в кармане плоскогубцы, ломаю замок и снова прячу их в задний карман. Я бегло осматриваю её. Открыв, я тяну за провода, пока не убеждаюсь, что все они вырваны. Света не будет, когда я проникну внутрь. Приёмная мать и сестра Эйли находятся в больнице. Я видел, как они недавно ушли, и ещё не вернулись. Но это на самом деле не имеет значения, потому что я не собираюсь задерживаться надолго. Я знаю, что коп в доме, и так или иначе, он всё, чего я хочу.

У меня не вызывает проблем вскрыть замок задней двери. И вот я внутри. Мне стоит хоть немного нервничать, проникая в дом полицейского, но я чертовски спокоен. Услышав шаги, прижимаюсь к стене кухни. Он подходит ближе... ближе... вероятно, направляется проверить электрощиток. Я жду его, крепче сжимая в руке кувалду. Он проходит мимо меня, и я выхожу позади, замахиваясь и ударяя его по задней части правого колена. Он с рёвом падает на пол, и это последний звук, который я планирую от него услышать.

— Такие люди, как ты, не должны существовать, — произношу я тихо, доставая свой телефон из заднего кармана. Быстро роюсь в приложениях и нахожу то, что ищу. Кухню внезапно озаряет чистый, яркий свет фонарика. Кладу телефон на кухонный стол и возвращаю внимание к Тиму. — Ты думаешь, что можешь причинить боль невинным людям — *детям* — и просто выйти сухим из воды? И тебе, вероятно, долгое время удавалось это. Ты, наверное, думал, что промыл Эйли мозги, и она никогда никому не расскажет о том, что ты сделал, — мудака начинает двигаться. Пытается уползти. Но я и близко с ним ещё не закончил. Я поднимаю кувалду и опускаю её со всей дури на его коленную чашечку, более чем вероятно, раздробив кости, судя по его крику. — Но ты недооценил её, малыш Тимми. Она рассказала мне всё, — я наблюдаю, как он снова падает на кафельный пол, с трудом глотая воздух и морща лицо от боли.

— Что... что, блядь... ты... хочешь? — я едва могу разобрать заикающиеся слова, но улавливаю суть.

— Я хочу, чтобы ты знал, что не выберешься отсюда живым. Если выберешься, то пожалеешь, что не сдох, — подхожу к нему, и ему даже удаётся снова закричать, когда я ударяю по его ногам, разводя их в разные стороны. Я опускаю кувалду между его ног, прямо на член и яйца, и давлю со всей силы. — Я хочу, чтобы ты ощутил каждую унцию боли, которую чувствовала она, ебаный ты ублюдок.

Дальше я перехожу на его запястья и руки. Дроблю суставы локтей и всех десяти толстых пальцев, словно отбиваю мясо.

Теперь он не может двигаться. Конечно, он дёргается, извивается, словно рыба, вытащенная из воды, но остаётся на месте. Опустив взгляд на его конечности, я вижу, насколько сильно они повреждены, раздроблены на кусочки. Слышны только крик,

проклятия и хныканье.

Я кладу кувалду на кухонную столешницу и достаю свои плоскогубцы. Опускаясь на корточки перед телом Тима, я подбрасываю их в воздух и с ухмылкой ловлю.

— Знаешь, пока ждал, когда стемнеет, я просмотрел несколько видео в интернете о том, как кастрировать животных. Теперь должен сказать тебе, я готов к практике, но есть шанс, что ошибусь. Не потому, что не знаю, что делаю, а потому, что ты сделал больно ей.

Я расстёгиваю его штаны, сдёргиваю их вниз по ногам и сжимаю плоскогубцы на шарах, разрывая плоть, а затем дёргаю руку назад. Прodelываю то же самое с его вялым членом. Если бы меня спросили, я бы ответил, что это универсальное наказание для всех педофилов и насильников во всём мире.

Закончив, я поднимаюсь и смотрю на его неподвижное тело. Вспоминаю труп моего отца на той кровати несколько лет назад и... ничего не чувствую. Я готов достать СИГ из моего грузовика и избавить его от страданий пулей в голову, но не делаю этого. Он в любом случае сдохнет.

Очень сомневаюсь, что он оправится от этого. Я получил то, зачем пришёл. Месть не настолько уж и сладка, как я думал, но, по крайней мере, этот ублюдок больше не сделает Эйли больно. И я с удовольствием принимаю эту победу.

*****

Телефон звонит уже в четвёртый раз, прежде чем он отвечает.

— Адло? — здорово услышать его голос.

— Ной.

По голосу я могу понять, что он хмурится.

— Макс? Почему ты звонишь мне так чертовски рано?

— Послушай, ты не услышишь от меня ничего некоторое время. Мне нужно, чтобы ты не волновался. Со мной всё будет в порядке.

— Серьёзно, Макс, что, чёрт возьми, происходит? Что ты сделал?

Я сухо смеюсь.

— А чего я не делал? — это выходит более самокритично, чем следовало. — Я уезжаю на некоторое время. Позаботься о себе, Ной.

— Макс! Мэддокс!

Конец связи.

Он будет в порядке. У него есть парень, который заставит его забыть о его конченом брате-близнеце. Вот чего я хочу для Ноя. Чтобы он был счастлив и забыл обо мне. Я знаю, что он сможет сделать это, если я ненадолго исчезну.

Сейчас около четырёх часов утра, и вот, два дня спустя, я сижу в машине за пределами больничной парковки. В течение последних сорока восьми часов мне пришлось позаботиться о нескольких вещах. Главной задачей было добраться до моей квартиры до того, как туда нагрянут копы. Я забрал все припрятанные деньги, засунув их вещевой мешок. Я живу у Уилки, потому что он единственный, кому я доверяю. Он рассказал мне о деле Дро, и о том факте, что судья не назначил залог. Но я даю ему хороший кусок налички, так что он сможет внести его в случае необходимости. Я не могу сделать это сам, потому что думаю, прямо сейчас полицейские ищут мою задницу. Смерть офицера Тимоти Дина Беннета во всех новостях. И я главный подозреваемый. Поэтому я держусь в тени. Но знаю, что мне

нужно шевелить задницей. Это только вопрос времени, когда они найдут меня. Именно поэтому я здесь. Я собираюсь сделать нечто очень эгоистичное.

*****

Эйли

Я просыпаюсь в мире, где Тима больше нет, и понимаю, что могу отправиться в ад за то, что ощущаю огромную радость от этого. Рейчел сидит возле моей постели с тех пор, как я очнулась пять часов назад. Почти всё это время она проплакала. Я же не проронила ни единой слезы. Она во всех подробностях описала вид трупа Тима, когда они нашли его избитого до неузнаваемости на её до блеска начищенном кухонном полу. По её словам, Сара была первой, кто обнаружила его, и моё сердце разрывалось от боли за мою сестру. Это оставит на ней шрам до конца её жизни. Но я не спрашиваю, как это случилось, потому что в глубине души знаю.

Сейчас Рейчел сидит справа.

— Сара всё ещё в доме Эмили? — спрашиваю я хрипло, моё горло до сих пор болит. Болеутоляющие, которые они дают мне каждые несколько часов, практически притупляют всю боль, кроме боли в голосовых связках.

Рейчел шмыгает носом и кивает. Сейчас она не может собраться. Веснушчатое лицо, растрёпанные волосы и помятая ото сна одежда не совсем соответствуют виду Степфордской жены, к которому она так всегда стремилась. Сейчас она выглядит обычно. Человеком, охотно идущим навстречу.

— Родители Эмили пока позаботятся о ней. Думаю, так будет лучше.

— Ага.

Мы снова возвращаемся к тишине.

— Боже, я не могу поверить, что его больше нет, — стонет она, проводя дрожащей рукой по своим светло-карамельным волосам. — Что мне теперь делать? — она смотрит на меня, словно у меня есть ответы. Внезапно я ощущаю себя взрослее, чем должна быть она. Это не та ответственность, которую я хочу нести.

Я вздыхаю.

— Ты справишься, — ответ получается слишком резким, и я автоматически пытаюсь смягчить свой тон. — Мы с этим справимся.

— Ох, Боже, Эйли, — она тянется к моей руке на кровати и сжимает её. — Мы вместе с этим справимся.

— Ты знала? — спрашиваю я внезапно, ловя себя на том, что застала Рейчел врасплох.

Она хмурится.

— Знала что?

— Что твой муженёк домогался меня. Я никогда не говорила тебе об этом, но мне нужно знать, знала ли ты.

Она отводит взгляд, убирая свою руку от моей.

— Эйли, пожалуйста.

Я с трудом сглатываю ком в горле, который ощущается, как обида со вкусом горечи. Мой тон становится тихим и озлобленным.

— Ты знала и ничего не делала.

— Я не могла, — рыдает она, почти молча, и смотрит на меня с пустотой в голубых глазах, умоляя понять.

— Ты *не хотела*, — исправляю я.

— Эйли, милая, у меня нет оправдания. Никакого. Я знала. Знала, что он делал, но я не могла его остановить. Я тоже была жертвой. Мне он тоже причинял боль.

Не могу поспорить с этим. Тим мучил и её тоже. И в этом я ей сочувствую. Но большее всего из-за того, что она знала, что происходило, и ничего с этим не делала. Именно это заставляет меня чувствовать грусть и злость. Она же взрослая. Она — *моя* мать. Это её работа — защищать меня, оберегать, и всё же она с треском провалилась в этом, и я даже не знаю, есть ли обратный путь. Как я могу двигаться дальше и исцелиться, когда только от одного вида на неё меня теперь тошнит? Тим умер, и всё же, когда смотрю на Рейчел, я вспоминаю все те ужасные вещи, которые он сделал. В том числе и моё изнасилование.

Закрыв глаза, я качаю головой, чтобы отогнать воспоминания и слёзы, щиплющие веки изнутри.

— Да, причинял, — я соглашаюсь только потому, что у меня нет сил справиться со всеми этими эмоциями сейчас. Их слишком много. Я открываю глаза и смотрю на неё. — Я устала, — и я говорю это не только потому, что хочу избавиться от неё. Я предельно истощена.

Она шмыгает носом, вытирая слёзы с щёк, и кивает.

— Тебе нужно немного поспать. Всё равно время посещения почти закончилось.

Она встаёт, укрывает меня одеялом и заправляет его под мои ноги и туловище, без необходимости разглаживая складки. Я позволяю ей сделать это, потому что чем больше я смотрю на неё, тем хуже себя чувствую. Вся её жизнь перевернулась с ног на голову. Наверное, ошеломляет столкнуться лицом к лицу с реальностью, поскольку она так долго жила в отрицании. Она не плохой человек. Просто слабая. Нас обеих заставили чувствовать себя слабыми. Сейчас у неё никого нет. Только Сара, но она всего лишь ребёнок. Ребёнок, который, вероятно, вырастет со своими собственными демонами. Рейчел — одинока. Я думаю о том, как она вернётся в этот ужасный, пустой дом, наполненный слишком большим количеством плохих воспоминаний, а теперь ещё и ставший местом преступления, и мне становится жаль её. Хватаю её за руку, когда она собирается взбить мне подушку, и сжимаю её.

— Мы пройдем через это. Мы будем в порядке.

Мои синяки — мгновенное и болезненное напоминание о том, что я не могу улыбнуться. Мы обнимаемся, и она сжимает меня слишком сильно и слишком долго, но я ничего не говорю. А затем она уходит, и я остаюсь одна.

Выпуская долгий выдох, я поднимаю руку, чтобы заправить волосы за ухо, и задерживаюсь взглядом на браслете вокруг моего запястья. Браслет Мэддокса. Бездумно, я провожу по нему кончиками пальцев другой руки. Он приходил ко мне? Я даже представить не могу, как сейчас выгляжу, но мысль о том, что он видел меня в таком состоянии, раздирает душу. Уверена, он был здесь. Я помню, что слышала его отдалённый голос, пока была в бессознательном состоянии. Или, возможно, мне просто показалось?

Я ложусь и расслабляюсь. Не совсем сплю, но нахожусь где-то между сном и бодрствованием. Моё сердце знает только звук его имени, поэтому оно нетерпеливо бьётся только для него. И как будто удача наконец-то на моей стороне, он появляется, вызванный всего лишь одним моим желанием. Едва слышные звуки привлекают моё внимание к

противоположной стороне комнаты. Свет в палате тусклый, приглушённый, поэтому я не могу разглядеть очертания тёмной фигуры, тихо закрывающей большую деревянную дверь. Но я провела бесчисленное количество времени, наблюдая за этим парнем, и изучила не только захватывающие черты его лица, но и тела. Я изучила все его особенности и его сердце. Я могу вслепую найти Мэддокса в переполненной людьми комнате. Я — замок, а он — ключ. Потому что, понимая его, я наконец-то понимаю *себя*. Я познала себя. Как я могу не узнать вторую половинку своего сердца?

Я прищуриваюсь.

— Макс?

Я резко приподнимаюсь на постели, мои поспешные движения причиняют мне боль, но мне плевать. Стягиваю одеяло с ног, и когда поворачиваюсь в сторону, чтобы спрыгнуть, понимаю, что из-за капельницы, прикреплённой к моей руке, мне не удастся отойти далеко. Но он оказывается рядом, прежде чем я начинаю скучать по нему. Мэддокс обхватывает меня и прижимает голову к своей груди, зарываясь руками мне в волосы. Восторг — не просто чувство, это местечко прямо здесь, пока я со всех сторон защищена руками Мэддокса.

Я слышу, как он судорожно выдыхает. Почувствовав, как он, прижавшись губами к моей голове, задерживается в поцелуе, я понимаю: мне никогда не будет достаточно этого человека. Никогда.

Отстраняясь, он берёт моё лицо в свои ладони, как он любит делать, только на этот раз с бесконечной нежностью. Его красивые серые глаза светятся мягкостью от переживания.

— Ты доверяешь мне, Эйли?

— Во всём, — заявляю я чётко и непоколебимо.

Он прижимается своим лбом к моему и целует меня так нежно, словно вечность ждал моего ответа.

— Сбежим со мной.

— Макс... — мой мозг вдруг начинает работать, и я складываю дважды два. — Ты убил ради меня, — это не вопрос. Я выдыхаю слова в его губы, словно этот секрет можем попробовать только мы с ним. Было бы более естественным чувствовать отвращение и бояться его из-за того, что он сделал, но то, что я чувствую, и близко не похоже на страх.

— Чувство было не из приятных, но я сделаю это снова, Эйли. Я бы делал это снова и снова, если...

— Шшш, — я отстраняюсь, беру его лицо в свои гораздо меньшие руки и целую нос, щёки, а затем лоб. — Ты хочешь, чтобы я сбежала? Я сбегу с тобой, Макс.

— Я люблю тебя, — я зарываю глубоко в душе это неукротимое, захватывающее дух признание, когда сталкиваются наши губы.

*****

Мэддокс

Она сказала мне ждать, поэтому я и жду. Прошло уже несколько часов с тех пор, как я покинул больницу. Сидя почти на пустой автобусной остановке, с накинутым на голову капюшоном и опущенной головой, я продолжаю ждать. Проходят ещё два часа, и я начинаю тонуть в ощущении, что, возможно, она не придёт. Спустя ещё три часа я уже уверен в этом. Отбрасываю всё и включаю режим выживания. Я запрыгиваю на ближайший автобус и

нахожу место в заднем ряду, по-прежнему держа голову опущенной. Если я хотя бы на мгновение позволю себе затеряться в мыслях, то дерьмо возьмёт верх. Поэтому я стараюсь ни о чём не думать. Я останавливаюсь в этом мгновении. Пассажиры занимают места, и звук закрывающейся двери и запуск двигателя обостряют сдерживаемые чувства в моей груди.

— Прости, что заставила тебя ждать так долго, — я ощущаю сладкое дуновение воздуха от её шёпота и поворачиваю голову, обнаруживая её улыбающееся лицо. Я чуть ли не падаю на пол от испытываемого пьянящего счастья. — Мы будем бегать вечно, если придётся. Ты и я против всего мира, любимый, — её улыбка, Боже, эта улыбка для меня всё. Она наклоняется и целует меня в щёку, а затем кладёт свою голову мне на плечо, переплетая наши пальцы. — Если мы пойдём ко дну, то только вместе.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[
←1
]

обсессивно-компульсивное расстройство личности — психическое расстройство хронического, прогрессирующего или эпизодического характера; характеризуется развитием навязчивых мыслей, воспоминаний, движений и действий, а также разнообразными патологическими страхами

[
←2
]

с испанского — *«очень горячо»*

[
←3
]

12–15 метров в высоту

[
←4
]

2,4 метра

[
←5
]

Негативное пространство — термин в живописи

[
←6
]

22 сантиметра